

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

К.В. Вертяев

**КУРДСКИЙ ВОПРОС
В ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

Ответственный редактор: Ш.Х.Мгой

Москва 2007

Научное издание

К.В. Вертяев

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

М., 2007. 252 стр.

Ответственный редактор: Ш.Х.Мгой

Мнение автора не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 5-89394-176-4

ISBN

ISBN 5-89394-176-4

ISBN

© Институт Ближнего Востока
© Институт Востоковедения РАН
© К.В. Вертяев

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I.	
СПЕЦИФИКА КУРДСКОГО ВОПРОСА В ТУРЦИИ.....	8
Глава II.	
КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО И ПОСЛЕ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 1980 г.	26
Создание нелегальных курдских партий.....	26
Курдское движение после переворота 1980 г.	36
Курдский вопрос в Турции в период гражданского правительства после 1983 г.	59
Глава III.	
КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТА ОЗАЛА (1989–1993).....	73
Изменение политики властей в период президента Т. Озала.....	73
1990–1993. Признание курдского фактора в Турции и создание первой легальной курдской партии.....	81
Глава IV.	
ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ И КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х ГОДОВ И В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	122
Ужесточение позиций правительства в конце девяностых годов XX века.....	122
Курдский вопрос в Турции в начале XXI века.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	189
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	195
БИБЛИОГРАФИЯ.....	222
SUMMARY.....	228

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX века проблема урегулирования межэтнических противоречий занимала одно из центральных мест в общественной и политической жизни многих стран Запада и Востока. Общими факторами, которые определяли и определяют до сих пор специфику этнонационального развития стран Востока, обычно считаются разнообразие и сочетание различных социальных структур – от родоплеменных до зрелых форм рыночных отношений, активное воздействие на ход этнических процессов со стороны государства, осуществляющего курс на интеграцию и «строительство нации», современных политических институтов, политических элит. Не следует сбрасывать со счетов и внешние факторы, роль которых возросла с интенсификацией международных связей.

Будучи типичным образцом т.н. «нации-государства», Турция целенаправленно проводила политику воплощения в жизнь национальной и при этом весьма специфической идеологии, где, собственно, «нация-государство» как общность является высшей ценностью, почти сакральным символом. Национальная доктрина Турции, сами постулаты кемализма за все время существования государства превратились в некий догмат и во многом явились камнем преткновения и причиной противоборства между турками и борющимися за национальные права курдами. С начала 80-х годов после произошедшего в стране военного переворота Турция оказалась в эпицентре трудноразрешимого конфликта, конкретным проявлением которого стала вооруженная деятельность курдских повстанцев, направляемых Рабочей партией Курдистана (в Турции и во всем мире более известна ее аббревиатура на курдском языке – ПКК, *Partiya Karkaren Kurdistan*). Достаточно сказать, что уже в середине девяностых на востоке страны, где исторически компактно проживали курды, этот конфликт носил характер настоящей гражданской войны, которую турецкие власти упорно называли «антитеррористической операцией».

ПКК, которую турецкие средства информации представляли страшным пугалом, а ее лидера Абдуллу Оджалана – циничным, беспринципным и ограниченным вожаком, стала для многих курдов Турции – особенно для тех, которые проживают в отсталом юго-восточном районе страны, – главной движущей силой поднимавшегося курдского национализма.

Последнее десятилетие XX века стало весьма бурным на события, связанные с теми или иными формами политических выступлений курдов Турции (точнее, наиболее политически активной их части), требования которых варьировались от полной независимости от Турции восточных районов страны до признания культурных прав.

Турция становилась объектом критики со стороны европейских демократий, которые привлекали внимание мировой общественности к нарушению прав человека в этой стране. Ввиду намерения Турции вступить в ЕЭС эти «замечания» вынуждали пересматривать весь комплекс взаимоотношений с курдами в стране.

С точки зрения признанных мировым сообществом демократических понятий, а порой и здравого смысла ситуация с курдами Турции представляется странной и порой труднообъяснимой. Курдский вопрос имеет давнюю историю и выражается в первую очередь в определении политического статуса народа – крупнейшего на земле, не имеющего собственной государственности.

На протяжении долгого времени в Турции формировался (и до сих пор присутствует) весьма однобокий взгляд на проблему курдов в целом и ПКК в частности. Точка зрения официальных масс-медиа Турции в отношении этой проблемы до сих пор носит весьма односторонний характер: курдское движение однозначно именуется террористическим по своему характеру, а курдские партии – в той или иной степени запятнавшими себя тем, что имели «органические связи с террористами». С другой стороны, в Турции в настоящее время присутствует четкое понимание того, что взгляд на причины, характер и последствия курдского конфликта будет коррелироваться с мнением и европейских держав, которые заинтересованы в том, чтобы в Европейском сообществе, членом которого Турция давно стремится стать, существующие межэтнические противоречия были бы приведены к неким общеевропейским ценностям и стандартам.

В хронологические рамки, которые вынесены в заглавие настоящей книги, курдский национализм в Турции достиг высшей точки своего подъема. Вскоре после государственного переворота 1980 года «курдский вопрос» превратился в самую болезненную проблему внутренней жизни страны. Ограничение гражданских свобод, а также продолжение политики полного запрета на какое-либо проявление курдской идентичности (язык, собственные имена, названия населенных пунктов) в совокупности с нищетой и бедностью, царящими на юго-востоке страны, во многом спровоцировало вооруженное сопротивление курдских повстанцев, которое являлось дестабилизирующим фактором политической жизни страны в конце XX века. Несмотря на драматизм событий, именно в указанный период впервые за всю историю Турции появились признаки более или менее реалистического подхода к решению курдского вопроса. Связано это было в первую очередь с деятельностью либерально настроенного президента Тургута Озала, сменившего в 1989 году военное руководство страны. В данный период были созданы несколько полулегальных курдских партий, которые хоть и находились под постоянным давлением со стороны властей, тем не менее стали заметным фактором внутривластной жизни страны. И, наконец, именно в указанный период резко изменились геополитические условия вокруг Турции. Проводившаяся в начале девяностых операция «Буря в пустыне» привела к появлению в Турции большого количества курдских беженцев из Ирака. А создание де-факто курдского самоуправления на севере Ирака стало рассматриваться Анкарой в качестве реальной угрозы целостности и безопасности Турции. События в Ираке, связанные с американской интервенцией, спровоцировали центробежные тенденции в этой соседней с Турцией стране, а оформляющаяся на севере Ирака курдская государственность является для Турции опасным симптомом, где многие уверены, что это вызовет подъем сепаратистского движения курдов Турции. Все это привело к тому, что курдский вопрос в Турции в течение последних двух десятилетий вышел из сферы узкострановедческого интереса, став определенным фактором нестабильности в регионе.

К концу 1999 года политическая ситуация в Юго-Восточной Анатолии стала характеризоваться относительной стабилизацией. В частности, это было связано с заявлениями представителей Партии рабочих Курдистана об отказе от вооруженной

борьбы и перемещением ее в политическую сферу. Под давлением Европейского союза в начале XXI века в Турции начали производиться некоторые социальные преобразования в сфере отношений с курдами. Наряду с этим в августе 2002 года в стране после длительного моратория была окончательно отменена смертная казнь, а также сняты ограничения с теле- и радиовещания на курдском языке. В конце того же года было разрешено частное преподавание курдского языка.

Следует заметить, что наиболее полное изучение межэтнического конфликта возможно только при использовании комплексного междисциплинарного подхода, стоящего на стыке политологии, экономики, социологии и ряда других дисциплин. Учитывая это, особое внимание мы уделяем политологическому анализу конфликта, выделению его в качестве самостоятельной проблемы с целью наиболее полного освещения роли политических институтов в этом вопросе.

Глава 1. СПЕЦИФИКА КУРДСКОГО ВОПРОСА В ТУРЦИИ

Собственно политический аспект курдского вопроса наиболее актуален сейчас для Ирака и Турции. Оно и не удивительно, ведь именно на эти две страны, а также на Иран географически приходится подавляющая часть региона расселения курдов. Из других нетюркских этногрупп на территории Турции проживают также армяне, греки (примерно по 200 тыс. чел.), черкесы (ими в Турции называют всех выходцев с Кавказа – 50 тыс.), грузины и лазы (60 тыс.), евреи (10 тыс.) и др.

В самой Турции район компактного проживания курдов называется «Гюней-Догу» – юго-восток и носит скорее экономико-административную характеристику. В этот в район, и по сей день остающийся заповедником экономической отсталости, входят илы (турецкие провинции) Адыяман, Батман, Газиантеп, Диярбакыр, Мардин, Сиирт, Урфа, Ширнак и Килис. Помимо этих провинций курды более или менее компактно проживают в илах Агры, Бингель, Битлис, Ван, Карс, Муш, Тунджели, Элязыг, Эрзинджан, Эрзурум, которые по административно-гео-графическому делению относятся к Востоку Турции.

Определить точную численность курдов в Турции, то есть тех, кто сам себя считает и называет курдом, представляется весьма затруднительным. Последний раз перепись населения, в которой был задан вопрос о родном языке, проводилась в 1965 году. Тем не менее в официальной турецкой науке численность курдского населения Турции принято считать в районе 8–10%, что представляется, мягко говоря, весьма заниженной цифрой. О темпах изменения их численности свидетельствуют официальные данные других переписей населения Турции. В 1927 году их численность составляла 8,7%, в 1935 – 9,2%, в 1945 – 7,9%, в 1950 – 8,8%, в 1960 – 6,7%, а в 1965 – 7,1% [66, с. 86]. При этом официальная турецкая наука не признает лиц, говорящих на еще одном курдском наречии – Заза, в качестве курдов и выделяет их в отдельную этническую группу, составляющую около 0,5% населения страны [70, с. 30]. В турецкой части

курдского ареала более всего распространен язык курманджи, а в некоторых районах провинции Диярбакыр говорят еще и на диалекте Заза.

Среди иностранных или турецких специалистов, приводящих данные, противоречащие официальным цифрам, принятым в Турции, до сих пор нет единого мнения относительно численности курдофонного населения Турции. Согласно данным, которые приводит американец курдского происхождения Мерхад Изади, в 1990 году курдское население Турции составляло 13,65 млн. человек, или 24,03% всего населения страны [54, с. 14]. Турецкий социолог Сервет Мутлу оценивает курдское население на 1990 год в 7 046 150 человек, или 12,6% всего населения [63, с. 35]. Согласно данным переписи населения 1965 года, примерно пятая часть курдов проживала в более развитых западных районах. В 1990 году, по нашим оценкам, в результате естественной или вынужденной миграции это соотношение составило один к трем.

В Турции курдов вообще до недавнего времени не признавали в качестве отдельной этногруппы. Их называли «горными турками», и связано это было в первую очередь с проблемой идеологического характера, с политикой правительства. Демократия «по-турецки» подразумевала равенство всех граждан страны и гарантию их прав независимо от пола, вероисповедания, политических убеждений и социального статуса. Подразумевала она и «равенство всех этнических групп» (а помимо курдов, это еще лазы, черкесы, армяне, греки), являющихся гражданами Турции. В этом кроется та особенность, которая и делает этническую ситуацию в Турции весьма специфической, поскольку гражданин страны должен именоваться турком, если он живет в Турции. То есть особенность национальной идеологии, которая, собственно, и является краеугольным камнем кемализма, заключается в том, что гражданин страны является турком не по этническому своему происхождению, не в силу своего воспитания и знания турецкого языка в качестве родного, а в силу того, что он родился в Турции. То есть гражданин как бы отказывается от своей этнической идентичности во имя идентичности общенациональной.

До сих пор среди курдов, проживающих в этом этноареале, религиозная или языковая (в виде диалектов или говоров) особенность, а также принадлежность к тому или иному аширету

(племени) имеет большое значение. Однако в целом доминирует сознание о принадлежности к курдскому этносу. В связи с этим достойно внимания упомянуть, что еще в XVII веке определенное мобилизационное начало для создания национальной идеи оказали деятельность и произведения курдских просветителей, таких как поэт XVII века Ахмет Хани, Молла Ахмет Джебери и автор крупного средневекового труда по истории курдских племен «Шарафнаме» Шараф-хан Битлиси, написавший своеобразный политический документ XVI века, детально обрисовавший иерархическую структуру существовавших курдских эмиратов. Шараф-хан Битлиси представляет их в качестве составных частей некоего единого организма, объединенного понятием «страна курдов».

Так, в «Шарафнаме» были упомянуты основные политические единицы, существовавшие на политической карте страны курдов в прошлых веках, вплоть до распространения здесь политического влияния Османской империи и Ирана. Во-первых, это влиятельные эмираты, вассальные эмираты, минигосударства. Достаточно сказать, что политическая карта того периода была достаточно пестрой, однако политическая жизнь шла единым потоком, а политические границы носили условный характер [32, с. 92].

Для курдского традиционного общества вплоть до середины XIX века, когда безраздельная власть эмиров была ослаблена массированным распространением политического влияния Османской империи, была характерна жесткая иерархическая структура, а стоявшие у власти эмиры опирались на свои племена, на основе которых формировались воинские формирования. Племена, или аширеты являлись здесь не только организационной и военной, но и политической единицей, а из племенных вождей по мере роста влияния аширета выдвигались главы эмирских домов.

В полномочия эмира входил круг вопросов, связанный с обороной и безопасностью эмирата, в то время как все внутренние политические полномочия были исключительной прерогативой племенных вождей-собственников (ага).

Как отмечает коллектив авторов в книге «История Курдистана», курдские эмираты, находясь в сферах влияния Османской империи, оставались социально-политической структурой, в недрах которой сохранялось вопреки всем переделам единое культурно-политическое пространство [32, с. 115].

С середины XIX века Порты планомерно осуществляла так называемое «второе завоевание Курдистана», стремясь сломить власть эмиров, многие из которых демонстративно подчеркивали свой независимый статус. Во многие области страны курдов была назначена турецкая администрация, что представлялось как «прогрессивное мероприятие», поднимающее в глазах Европы престиж Османской империи в деле ликвидации феодальной анархии [32, с. 148]. «Повторное завоевание» сопровождалось рейдами хорошо обученной турецкой армии в восточные районы Малой Азии, а установление прямой власти Порты осуществлялось крайне жестокими методами. Фактически в руках у эмиров, которые демонстрировали лояльность Центру, оставалась лишь номинальная власть. При этом оставались и те, которые сопротивлялись этому натиску.

Пропагандистская доктрина османизма была тесным образом связана с доктриной религиозной. По сути, идея исламской «уммы» была единственным стержнем, на котором держалась подобная идея гражданской самоидентификации. Однако, несмотря на идеи исламской уммы, такая концепция не находила отклика у курдов по той простой причине, что не была привязана к традиционной концепции власти в курдских княжествах, где ключевую роль играл верховный правитель эмир как верхушка пирамиды, связывавшей воедино семьи (агалыки), племена (аширеты) в политический организм, которым, собственно, и ограничивалось понятие «мы» у курдов XIX века. В конце позапрошлого века в Османской империи начинает формироваться взгляд официальных властей на аширеты и власть крупных ага как на явление крайне регрессионное по сравнению с теми плодами цивилизации, которые несла на юго-восток империя Османов. «Вместо принципов свободы, справедливости и равенства власть ага способствовала распространению мнения о том, что в регионе живут одни грабители, разбойники, угнетатели», – пишет в своей книге турецкий исследователь Шерит Фырат [51, с. 141]. Характерно, что это мнение остается весьма живучим в сознании турок и в наше время. Сформировалось оно не сейчас и даже не во времена республиканской Турции, а существовало со времен Османской империи.

Социально-политическое развитие курдов во второй половине XIX века находилось на стадии сильной трансформации. После падения в Курдистане эмирских до-

мов и насаждения власти Порты здесь образовался определенный политический вакуум, когда «местечковый» статус курдского патриотизма, демонстрировавшийся населением этого региона в лояльности тому или иному эмиру и строившийся на покровительских отношениях, вдруг оказался разрушенным после того, как большинство эмиров ушло с политической арены. Курдское общество еще сильнее спланивалось теперь вокруг аширетов, племенных структур, своих ага, которые превращались к тому времени в крупных землевладельцев.

Однако аширеты хоть и оставались в сознании большинства курдов надежной социальной защитой перед неизвестностью, которую нес новый османский порядок, все же выполняли роль скорее экономического и социального щита, а духовное развитие требовало новых институтов, новых проводников национальной идеи.

Призыв к объединению курдов, заявленный словами Ша-раф хана Битлиси и стихами Ахмеда Хани, оставался идеей, апеллировавшей к испокон веков длящимся бедам и несчастьям курдов, а также к спасительной идее праведного государя (особенно ясно этот мотив прослеживается в стихах Хани), который объединит курдские племена и подарит долгожданную свободу. Идея праведного государя долгое время оставалась умозрительной, но тем не менее довольно популярной во «властных верхах» Курдистана в XIX веке. Более того, она четко укладывалась в сознании граждан в рамки социально-политической иерархии курдского общества с его непрерываемым патриархатом, властью вождя-собственника, всей вертикальной системы политических связей.

Исследователь Мартин Ван Бруйнессен отмечает, что за всю историю для национальной мобилизации курдов было больше препятствий, чем положительных моментов [56, с. 39]. Нахождение Курдистана под покровительством Османской империи и шахского Ирана, безусловно, тормозило развитие национального сознания и консолидацию курдов. Но пожалуй, главным препятствием для национальной консолидации и развития страны оставалась уже упоминавшаяся жесткая иерархическая структура, когда интересы правящих эмирских домов и конкретных аширетов ставились во главу угла, а княжества-эмираты все равно оставались той максиструктурой, той потолочной линией, выше которой консолидационным процессам в

Курдистане так и не дано было подняться. Повторим, что долгое время зависимость курдских княжеств от османов и шахских властей была минимальной. Назначение из центра было эффективным, если фиксировало то, что существовало де-факто. Однако ввиду этого обстоятельства при сохранении непокоренности страна курдов так и не обрела статуса государственности. Существовавшие на этой территории вплоть до середины XIX века полунезависимые феодальные княжества если и декларировали свое единство, то только для осуществления конкретных политических целей. Вопрос с национальной самоидентификацией в империи Османов вплоть до танзиматских реформ вообще не представлял из себя ничего определенного: покоренные государства Европы оставались по сути на правах тех же вассальных курдских княжеств с номинальным представительством центральной власти с той лишь разницей, что ввиду различных причин национальное сознание не было размыто целым комплексом феодальных препятствий, когда часто не интересы народа, а интересы правящих фамилий решали, где будет проходить граница политической легитимности.

Имперская система власти Османов давала подданным определенные свободы, возвышая их до гражданского равноправия, стремясь положить конец господству народа над народом. Однако такой общий гражданский принцип османизма для империи был настолько условен и неопределен, что так и не прижился в сознании граждан, проживавших на ее окраинах.

Нередко и в наши дни одним из основных признаков националистического сознания является постулат о том, что некая нация существует вечно. Бывает, подобное идеалистическое представление старательно подтверждается всевозможными «научными» теориями. Что же касается курдов, то при всем широком спектре всевозможных научных работ по курдской проблематике очень редко встречаются те работы, которые стремятся обосновать собственно националистическую концепцию курдов, принимая во внимание тот факт, что нация есть продукт социального, политического и экономического процесса, действия, так сказать, естественных сил.

Пожалуй, именно в этом и состоит основная сложность анализа возникновения курдского национализма, и заключается она в том, что имея дело с историческим процессом становления этноса, мы обращаемся в первую очередь к сознанию

человека, ибо (осо)знание себя как нации является единственным, самым глубоким источником национализма. Если человек не осознает глубокой необходимости идентификации себя как части этой нации, ему нельзя будет внушить никакую националистическую идеологию. Еще в середине 19 века автор теории национализма англичанин лорд Актон назвал три основные идеалистические идеи подобного рода – это теории равенства, коммунизма и национальной независимости.. Идея свободы являлась для народа той самой путеводной нитью, которая в сознании не только элит, но и простых курдов являлась организующим началом национализма, намерением изменить раз и навсегда свою судьбу.

Еще раз повторим, что вторая половина XIX века для курдов была временем, когда происходил слом традиционной политической структуры. При этом и изменения политических отношений в Курдистане не слишком отразились на политическом поведении простых курдов того времени. Большинство из них идентифицировало себя по принадлежности к кочевому (аширет) или оседлому племени (райя). Четкая вертикальная структура политической связки властных отношений была нарушена фактическим исчезновением с политической арены эмиров, которые не только выполняли роль политических покровителей, но и прочно ассоциировались в сознании курдов с образом государя, правителя, верховного владыки.

В условиях подобного духовно-политического вакуума обязанности посредников и заступников все чаще стали выполнять шейхи, духовные наставники из действовавших в Курдистане религиозно-мистических учений (тарикатов), существовавших в рамках суннитского ислама, таких как *накшбенди* и *кадрие*. Как пишет М.С. Лазарев, «шейхи, занимая весьма скромное положение в племенной иерархии, обладали значительным политическим влиянием только в силу окружавшего их ореола святости» [35, с. 36]. Определенная духовная независимость от власти халифата давала право тарикатским учениям выступать идейными проводниками, мобилизующими народ по новой иерархической схеме. При этом шейхи стали наделяться сакральной властью покровителя и посредника, независимо от их происхождения. Ван Бруйсеннен, например, отмечает, что влияние ордена накшибенди в Курдистане во второй половине XIX века было огромным [цит.по: 56, с. 56]. Отношения «учитель – мюрид», широко практиковавшиеся в накшибенди,

находились вне традиционной политической связи, но прочно пронизывали практически все курдское общество по горизонтали, а сами шейхи выступали посредниками в отношениях между племенами. При этом подобное духовное покровительство тарикатского ордена демонстрировало еще и определенную независимость от той духовной власти, которая насаждалась османами из центра, являясь проводником некоего нового духовного состояния, духовного единения. Очень важным является то, что шейхи *накшбенди* не являлись представителями власти светской, то есть не принадлежали к той системе, той политической иерархии, которая сдерживала развитие центростремительных тенденций в османском обществе. С другой стороны, помимо этого существовали еще и курды-шииты, курды али-илахи и езиды, которые не охватывались подобной системой ввиду их религиозной принадлежности.

В той части Курдистана, которая со временем отойдет под власть Турецкой Республики, был в основном распространен суннитский ислам, на почве которого и действовали тарикаты. То есть фактор религиозного объединения оставался решающим в силу того, что вовлекал в свои ряды наибольшее количество лиц, демонстрируя при этом духовное равенство в подобном единении. Примечательно еще и то, что тарикаты выполняли роль духовной «связки» между сельскими жителями и городскими ремесленниками, между кочевыми и оседлыми курдами, осуществляя объединение «снизу», руководствуясь сакральной идеей.

Интересно замечание русского исследователя позапрошлого века Аверьянова, который писал, что «религиозная идея была не в состоянии сплотить курдов и заставить их жертвовать собою, поэтому курды нередко оставляли ряды защитников ислама» [35, с. 49], подразумевая то, что централизованно интегрированный суннитский ислам не воспринимался курдами как фактор духовного единения в рамках империи. Тарикаты же как раз демонстрировали свою духовную обособленность от власти халифа. Постепенно они становились теми проводниками, через которые могли передаваться идеи и формироваться первые принципы курдского национализма. Этнокультурная обособленность курдов, которые не обладали способностью полностью раствориться в едином организме империи, предав свою самобытность, становилась той основой, на которой

начинали формироваться представления о себе, как о национальном организме.

После прихода к власти младотурок в 1908 году, конституционной и парламентской реформы в Турции наметился процесс формирования первых курдских независимых политических институтов. Однако процесс этот был инспирирован в основном молодыми представителями курдской знати, обучавшимися или проходившими службу в Стамбуле и других крупных городах.

Среди факторов, повлиявших на рост национального самосознания курдов в начале XX века, отмечаются поражения Османской империи в первой мировой войне, крах политики паносманизма, предполагавшей насильственную туркизацию национальных меньшинств, когда «...турецкая буржуазия натолкнулась на противодействие курдского национального движения, имевшего к моменту распада Османской империи свои общественно-культурные и политические организации, которые осуществляли деятельность по укреплению национального сознания курдов и их организацию в борьбе за независимость» [26, с. 6].

Единства мнений о путях и методах национального развития курдов Турции не было. К началу двадцатых годов активизировалась деятельность таких организаций, как Комитет независимости Курдистана (создан в 1908 году в Египте курдской интеллигенцией, близкой к Бедирханам – представителям влиятельной курдской фамилии), Общество возрождения Курдистана (созд. в 1918, председатель Сеид Абдуль Кадыр), связанное с ним студенческое движение «Хеви», Курдское общество возрождения (Tealî cemiyeti), а также ряд других организаций.

В целом в национальном движении курдов к моменту провозглашения республиканской Турции выделялось пять течений, выразивших политические устремления различных группировок: движение за достижение полной независимости Курдистана (Комитет независимости Курдистана), за автономию Курдистана в рамках турецкой государственности (Общество возрождения Курдистана), достижение независимости под протекторатом Ирана и образование независимого единого Курдистана под протекторатом англичан. Пятое течение выступало за полное подчинение курдов Турции. К этому течению примыкали курды, состоящие на государственной, дипломатической службе, игравшие важную роль в жизни новой Турции.

Начало XX века характеризовалось попытками курдской интеллигенции выработать собственную национальную концепцию. К 1918 году Общество независимости Курдистана подготовило меморандум, в котором достижение независимости Курдистана объявлялось священной целью. Так, в меморандуме указывалось на «вековые страдания народа и его желание самому решать свою политическую судьбу, а все немусульманские меньшинства объявлялись равными перед законом [59, с. 79].

Фактический развал Османской империи в результате Первой мировой войны явился в сознании населения страны по истине вселенским позором, а Севрский мирный договор – актом, фиксирующим политическую смерть Османской империи. Подъем национального освободительного движения турок был вызван попытками западных держав расчленить бывшую империю на сферы своего влияния. Во исполнение положений Севрского договора в Константинополе высадились англичане, в Измире – греки, а французы оккупировали всю Сирию и Киликию. В провозглашенном в августе 1920 года Мустафой Кемалем Национальном Обете несколько спонтанно и произвольно очерчиваются границы будущего турецкого государства. Есть множество свидетельств того, что на начальном этапе освободительного движения Кемалем активно использовался лозунг религиозной солидарности в рамках Обета, когда вся азиатская часть Турции встала на сторону национальной армии, объявившей войну не на жизнь, а на смерть. Активное участие в борьбе против захватчиков принимали и курдские хамидие, – созданные еще в 1891 году военизированные конные формирования на манер русских казаков. В турецкой литературе курдские формирования, участвовавшие в боевых действиях на восточном фронте Турции на стороне Кемала, называются чаще «племенные бригады», поскольку каждая бригада формировалась преимущественно из представителей одного племени. К крупнейшим подобным формированиям относились бригады из племен Баязет, Каракеше, Хыныс. В общей сложности в 23-тысячной турецкой армии, находившейся на Восточном фронте, около 4000 чел. являлись представителями курдских племенных формирований [70, с. 79].

Положения Севрского договора 1920 года предусматривали создание в пределах Турции автономных областей, населенных преимущественно курдами, а также возможность об-

ращения курдов в Лигу наций с требованием предоставления им независимости. Севрский договор предусматривал создание в пределах Турции курдской автономии с возможным превращением ее в независимый Курдистан. По выражению В. Никитина, после подписания Севрского договора международное значение курдской проблемы не вызывало больше сомнений [39, с. 81]. Об этом же свидетельствует и участие курдских делегатов в работе Лозаннской конференции.

Итак, в подписанном Севрском договоре признавались права курдов как субъектов в мировой политики. Весь третий раздел договора был посвящен Курдистану. В статье 64 говорилось, что «если курдское население обратится к Совету Лиги наций и укажет, что большинство жителей Курдистана желает быть независимым от Турции, а Совет признает последних способными к независимости, то Турция обязана отказаться от прав на эти области» [32, с. 244].

10 февраля 1922 года анкарским правительством было принято решение о создании курдской автономии. Турецкий исследователь Наджи Кутлай, например, указывает, что еще до этого решения в 1921 году был подписан протокол между представителями умеренных курдских националистов и анкарским правительством. В нем, в частности, описываются гарантии существования автономного курдского государства в рамках Турецкой республики, причем с очень широкими полномочиями.

Примечательно, что протокол о создании и вообще о принятии решения о курдской автономии отсутствует в архивах Меджлиса Турции. Более того, как отмечает Кутлай, он был явно изъят оттуда, поскольку за документами от 9 февраля сразу следуют документы, датированные 11 февраля 1922 года. Тем не менее не только Кутлай, но и турецкий исследователь и политический деятель Догу Перинчек говорят о существовании такого документа [59, с. 90]. Американец Роберт Олсон, автор труда о восстании шейха Саида, также упоминает его в своей работе. Согласно этому документу, предлагалось создание курдской национальной (в переводе с турецкого языка может еще пониматься как народной) автономии с четким разграничением полномочий между центральной властью и местной, представленной курдским национальным меджлисом. Главой автономии на три года назначался вали – глава администрации [64, с. 246]. Показательным выглядит донесение английского консула в Стамбуле Хендерсона министру иностран-

ных дел Англии МакДональду: «В связи с курдским вопросом необходимо отметить, что 1 августа (1924 г., К.В) в Диярбакыре прошел турецко-курдский конгресс. Никаких документов относительно конгресса мною не обнаружено, в прессе о нем тоже не упоминалось. В последнее время делается сильный упор на создание впечатления турко-курдского братства и единства, распространяя его не только на Персию, но и, что особенно важно, на мосульский вилайет. Конгресс был призван продемонстрировать отсутствие напряжения в турецко-курдских отношениях» [59, с. 93]. Сподвижник Мустафы Кемалю Исмет Иненю заявил во время дискуссии о мосульском вилайете, на который претендовали турки, что «Турция принадлежит двум народам – туркам и курдам, которые равны перед правительством и пользуются одинаковыми национальными правами» [32, с. 247].

Не будет преувеличением сказать, что курды на начальном этапе испытывали симпатию к освободительному движению Кемалю. Способствовал этому и тот факт, что курдский регион (южная часть) был занят англичанами и французами. В этих условиях выдвинутая Кемалем идея мусульманского братства перед лицом иноземного врага находила отклик у курдов. Закреплению авторитета Кемалю способствовали и его победы над иностранными оккупантами, успешный ход национально-освободительного движения в целом. Военные успехи Мустафы Кемалю позволили ему заставить западные державы пересмотреть свои позиции в отношении многих государств. Касалось же это и курдского вопроса, в частности. Внешний эффект был таков, что турки и курды демонстрировали свое единство перед лицом активной военной агрессии извне. Британский майор Ноэль писал в то время: «Курды знают Кемалю пашу и думают, что он создаст исламское государство и даст автономию курдам, независимо от результатов мирной конференции» [32, с. 248].

Однако справедливости ради необходимо отметить, что первые противоречия между кемалистами и курдами имели место еще до провозглашения независимости. Например, во время курдского восстания в Кочгири в марте 1921 года 113 курдов было убито и 159 захвачено кемалистами в плен [32, с. 254].

Принятая в 1924 году Конституция существенно отличалась от проекта 1921 года, указанного выше. Не было в ней ни

слова о принципах децентрализации, а также о существовании курдской автономии в рамках единого государства. Одними из самых заметных нововведений, весьма осложнивших отношения с курдами, стали отмена Халифата в 1924 году и принятие новых норм судопроизводства, по сути упразднивших шариат. Новая сакрализирующая идея существования государства ставилась теперь во главу угла, и называлась она национальным государством. Явившись результатом ожесточенной борьбы турок против Англии, Франции, Греции, национальное самосознание и национальные ценности турок, которые были растоптаны Севрским мирным договором, трансформировались в новое качество. Постепенно в рамках государственной идеологии формировался новый сакральный принцип, который должен был заменить идею «исламской уммы» на более совершенное и соответствующее потребности дня понятие. Речь идет о принципах нации, более точно сформулированной словами Ататюрка: «Турецкая нация есть народ Турции, создавший Турецкую республику» [53, с. 66].

Главная идея Зии Гекальпа – теоретика концепции нового национального государства турков – по сути заключалась в том, что ценности и источники власти, которыми наделена религия, передавались нации. Замена веры в Бога на веру в Общество. «Голос народа, есть голос Бога», – подтвердит этот тезис позднее Мустафа Кемаль в свое знаменитой в Турции измирской речи в 1923 году. Таким образом, воля нации есть по сути своей божественный промысел, и разница между национальностью и государством проявляется в природе патриотической приверженности. Вот что писал Зия Гекальп: «Ценности, которым привержен индивид, не зависят от его чувств и желаний. Но он всегда находится под воздействием этих ценностей. Когда человек приходит в мир, он не несет в себе заложенные кем-то выше идеи. Он приобретает их в процессе обучения и общения с внешним миром. Общество, как и человек, не приобретает их извне. Единственным источником этих ценностей служит само общество» [69, с. 27].

С другой стороны, в начале двадцатых традиционное сознание курдов все еще существует в рамках религиозного разделения «Дар-уль-Ислам – Дар-уль-Харб». Объединяющее турок и курдов начало – ислам, общая религиозная традиция, была отринута Кемалем во имя нации – для традиционного сознания идеи абсолютно враждебной и химерической.

Курды вливались в контекст борьбы за независимость Турции, участвуя в военных действиях на стороне Кемаля против агрессии извне. Возможно, именно в этот период сформировался образ курдов как «братского народа», объединенного с турками одними тяготами и лишениями в борьбе против империалистических стран. Отсутствие единой национальной концепции будущего курдского государства, неясность с определением границ ввиду частичной ассимиляции с турками, а также ряд других причин не позволили решить вопрос с курдской государственностью, несмотря на гарантированное Севрским договором право на самоопределение, которым курды так и не поспешили воспользоваться. У значительной части курдской элиты связывались надежды на создание некоей новой общности в рамках единой государственной границы.

Курды не могли не рассматриваться как существующая реальность на стадии строительства турецкой нации после развала Османской империи: принесенная «жертва революции» стала оправданием существования новых границ, а наличие в этих границах курдского этноареала диктовалось не столько потребностью «братского исламского союза», сколько политическим прагматизмом в борьбе за конкретные политические цели.

Восстание Шейха Саида в 1925 году явилось во многом следствием тех нововведений Кемаля, которые были призваны уничтожить власть халифата. С другой стороны, непосредственной подготовкой восстания занималась светская организация – созданное в Эрзуруме Общество независимости Курдистана (Азади), которое помимо прочего вело пропаганду в военных кругах Турции. Как отмечает Роберт Олсон, тот факт, что восстание носило религиозный характер, является результатом выбора Обществом независимости Курдистана единственно возможной на тот момент стратегии, когда националистическое по своей сути восстание проходило под лозунгами и символами религиозного восстания [64, с. 48].

Однако главная причина восстания видится все-таки в тех колоссальных политических и socioэкономических изменениях, которые принесла революция под руководством Мустафы Кемаля. Идея воссоздания халифата и тезис о непоколебимости власти духовной под натиском «светских варваров» явились той идеологической оболочкой, в которой националистическое по своей сути восстание нашло благоприятную почву в курдской

среде. Авторитет Шейха Саида позволил членам «Азади» вовлечь в восстание представителей многих племен. По подсчетам турецкого исследователя Халиля Шимшека, около 35 крупных курдских племен приняли в нем участие [70, с. 157]. Восстание охватило почти всю Восточную Анатолию – на севере вилайеты Эрзурум и Эрзинджан, на западе Тунджели, Элязиг и Малатья, на юге – весь Диярбакыр, на востоке Битлис, Муш и Ван, охватив таким образом площадь более чем в 30 тыс. кв. км [70, с. 159]. Однако часть крупных ага из Диярбакыра не изменила своей лояльности власти кемалистов. Это говорит о том, что кемалистам все же удалось заручиться поддержкой части крупных курдских ага и землевладельцев.

Почти непрерывный процесс повстанческого движения, наблюдавшийся в 20-х и 30-х годах в восточных вилайетах Турции, свидетельствовал о постоянно действующих факторах, которые обуславливали закономерность курдских восстаний: выступления курдов в Малатье (1919), в районе Кочкири и Дерсима (1920–1921), курдское восстание под руководством Шейха Саида (1925), Араратское восстание (1927–1931), восстание курдов Дерсима (1936–1938). Усиление политического и военного давления на курдских повстанцев вынуждало их идти на создание по сути военизированных политических организаций. В 1927 году из представителей Курдской национальной партии был организован комитет «Хойбун» – политическая организация, особое внимание уделявшая вопросу создания специальных военных формирований в Курдистане для «борьбы против турок». В середине сороковых была создана партия «Рызгари» («Освобождение»), которая придерживалась левых взглядов.

По замечанию турецкого исследователя Метина Токера, восстание Шейха Саида – крупнейшее за всю историю республиканской Турции – дало понять, что радикальные реформы могут осуществляться только путем жесточайшего подавления оппозиции или не осуществляться вовсе.

В 1926 году уже Англия предприняла при помощи авиации массированную бомбардировку районов Северного Ирака, охваченных курдскими восстаниями. Как отмечает Олсон, «подписание 5 июня 1926 года формального соглашения между Турцией и Ираком, закрепившего отторжение Мосульского вилайета из границ Национального обета, было во многом следствием того, что Великобритания на деле показала свою

военную мощь» [64, с. 113]. Не прошло и трех месяцев, как Турция, находясь под впечатлением от действенности военных мер подавления очагов сопротивления, приобрела 106 боевых самолетов, которые в дальнейшем активно использовались при подавлении курдских мятежей. Успехи турецкой армии при подавлении восстания шейха Саида во многом помогли созданию образа «гаранта конституции и национальной целостности». Защита национальных интересов была полностью возложена на армию, которая именно теперь, после подавления восстаний на юго-востоке, постепенно приобрела образ гаранта безопасности нации.

Что же касается курдов, то отношения с ними начали кардинальным образом перестраиваться. Причем не в направлении решения вопроса с их автономией и обеспечения их прав как отдельного от турок этноса, а как раз наоборот – в сторону полного отрицания курдов как фактора политической жизни страны. Речь шла о полной их ассимиляции. На востоке страны стали создаваться турецкие культурно-просветительские центры – «тюрк оджаклары».

На протяжении всего правления Исмета Иненю (*преемника Ататюрка на посту президента страны* – К.В.) вопрос о восточных вилайетах не рассматривался как часть национальной проблемы. «Решение вопроса лишь в плане военном породило безнадежную неопределенность», – писал турецкий историк Ш.С. Айдемир [цит.по: 26, с. 218].

Так, начиная примерно с 30-х годов прошлого века в Турции пытались научно обосновать явно политический домысел о том, что курды являются на самом деле ветвью тюркской расы, или «горными турками». Следуя логике, в основе господствовавшей в Турции туранистической исторической концепции из-за отсутствия опять-таки точных научных данных о происхождении курдов лежит скорее важный для этой теории методологический посыл о том, что поиск корней того или иного этноса крайне ошибочно искать на месте их нынешнего компактного расселения. В качестве примера приводятся турки, которые проживают в Малой Азии, а на самом деле являются выходцами из Средней Азии, имея этнически близкие группы далеко за ее пределами. Зачастую приводился довод также и том, что и курды, «несмотря на их компактное расселение на территории бывшей Верхней Месопотамии, имеют этнически близких сородичей и в Азер-

байджане, и в Средней Азии, и в Иранском Хорасане. Однако ни в одной точке на карте курды не живут отдельно от тюркских племен» [66, с. 107]. Эта точка зрения господствует в турецкой исторической науке до сих пор.

Турецкая история последних десятилетий имела циклический характер. С 1960-го по 1980-й год на рубеже каждого десятилетия совершался очередной военный переворот, в результате которого в Турции восстанавливались кемалистские лаицистские принципы в условиях военной диктатуры. Как только военные передавали власть гражданским, влияние ислама, с одной стороны, а с другой, курдское движение в стране заметно активизировались. В семидесятые-восемидесятые годы XX века в стране возросло количество всевозможных левых группировок марксистского толка. В этот период марксизм стал новым и весьма специфическим проводником национальной агитации курдов, более эффективной идеологической платформой для создания единого курдского движения, нежели ислам, поскольку апеллировал ко всем курдам, независимо от их религиозной принадлежности.

В последнюю четверть прошлого столетия националистические идеи и требования курдов претерпели значительные изменения. В Турции подъем курдского национализма с середины 70-х годов XX века шел рука об руку с нараставшим левым движением, а практически все курдские организации в той или иной степени декларировали свою приверженность идеям классового освобождения и верности постулатам марксистской идеологии. Определенная податливость части населения всякого рода идеологии левого толка (а спектр всевозможных политических сил, которые были и до сих пор популярны среди политически активных курдов Турции, варьировался от социал-демократов до троцкистов, маоистов и даже проалбански настроенных коммунистов) повлияла на то, что именно Партия рабочих Курдистана (ПКК), которая декларировала свою приверженность некой абстрактной идее построения в Курдистане коммунизма, идее революционного переустройства общества и национально-освободительной борьбы курдов под знаменем еще и классового освобождения, явилась тем проводником, тем спектром политической культуры, который и находил наибольший отзыв у местного населения. Другими словами, лозунги национального освобождения теснейшим образом переплетались здесь с идеями освобождения классового.

Возможно, поэтому многие в Турции видели и до сих пор видят причины конфликта в люмпенизации курдского населения юго-востока и, как следствие, в развитии здесь всевозможных левых и левацких идеологий. В общих словах, экономическая диспропорция в развитии западных и восточных районов, совмещенная к тому же и с этническими различиями, по представлениям многих турецких ученых, явилась причиной (а отнюдь не катализатором) курдского конфликта. Добавим сюда еще сохраняющиеся здесь традиционные патриархальные отношения, безраздельную власть и авторитет местных шейхов, ага (землевладельцев), общую труднодоступность региона – и мы поймем, почему именно здесь возник очаг неприятия кемалистской идеологии, которая по сути потребовала, чтобы местное население отказалось (на основании закрепленного конституцией страны постулата) от своей этнической идентичности ради блага и равенства всех граждан, именуемых теперь турками.

Глава II. **КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО И ПОСЛЕ** **ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 1980 г.**

Создание нелегальных курдских партий

В таких странах, как Ирак и Турция, решить курдский вопрос пытались по-разному. В свое время в Ираке Саддам Хусейн сделал ставку на тотальную войну с непокорными северными районами страны, используя все имеющиеся средства – от политического запугивания до тактики выжженной земли. В Турции проблему долгое время пытались замолчать, замаять, представить внешне благополучный фасад страны. Когда же повстанческое движение стало представлять реальную угрозу безопасности, было решено объявить ее как войну с терроризмом.. Это один тех приемов, который по сути и «низверг с пьедестала» в наши дни такое понятие, как национально-освободительное движение, представляя его, на многих примерах современной истории, как террористическое движение по своей сути, прикрытое некой почти всегда абстрактной националистической идеологией.

Процесс политической социализации курдов наиболее активно происходил в 70–80-е годы, когда нестабильность в экономике и сохранявшиеся конституционные ограничения прав курдов спровоцировали всплеск политической активности, вызвали рост числа национальных политических партий и движений. В этот период начали формироваться основные идеологические и политические концепции курдов Турции. Учитывая слабое влияние политического ислама (он попросту был запрещен), а также его определенную ограниченность в качестве идеологической основы курдского движения, роль таковой постепенно, как уже отмечалось, начал выполнять марксизм.

На волне подъема левого движения в Турции в начале 70-х годов курдские нелегальные партии и группировки не только нашли надежного союзника в лице левых, но обнаружили новый, доселе невиданный потенциал марксовской идеологии

в качестве проводника идеологии национальной. Важным тезисом экономической марксистской теории, как нельзя точно соответствовавшим ситуации на «курдской окраине» Турции, было понятие т.н. «внутреннего колониализма», когда экономическая неравномерность развития регионов страны накладывается еще и на этническую неоднородность, что формирует особый политический менталитет и особое политическое проведение местного населения. Как пишет турецкий исследователь Хамит Бозааслан, «региональная экономическая диспропорция видилась многими в качестве элемента эксплуатации. Постепенно росла убежденность, что разрешить курдский вопрос в Турции можно будет при помощи социализма» [56, с. 103].

Идея общекурдской национальной и политической мобилизации не нова: она была обозначена еще в программе Демократической партии Курдистана, созданной после второй мировой войны в Ираке и являвшейся, по сути, первой современной политической партией курдов, наиболее полно выражавшей их общие национальные интересы. В первом же номере газеты ДПК «Хабат» («Борьба») был выдвинут лозунг «Все на борьбу за единый, свободный, нейтральный Курдистан!», выразивший политическую стратегию всей партии.

Курдам же Турции понадобилось свыше тридцати лет, чтобы после разгрома в начале тридцатых годов достаточно хорошо организованной партии «Хойбун» создать новое политически зрелое национальное движение – Демократическую партию Курдистана в Турции (ДПТК). Созданная в подполье в 1965 году при поддержке иракских курдов, она первоначально являлась турецким отделением созданной в Ираке Демократической партии, которая, будучи единственной на тот момент крупной национальной политической организацией, имела разветвленную сеть связанных с ней политических организаций-сателлитов почти во всех сопредельных с Ираком государствах. Демократическая партия Курдистана в Турции (основатель партии – Ф. Бучак, генеральный секретарь – С. Эльчи), копируя в общих чертах марксистские установки ДПК, выступала в тот период за культурно-административную автономию курдов в Турции, за признание их прав и создание условий для развития национальной культуры и языка. Кроме того, движение Барзани в Ираке в середине шестидесятых годов оказывало сильнейшее влияние и на рост курдского национализма и в Турции. Например, Хамит Бозарслан в книге «Курды» указыва-

ет, что портреты Барзани очень часто можно было встретить во многих курдских домах на территории Турции [56, с. 102].

В шестидесятые годы кроме ДПТК имелись несколько партий, которые можно с определенными оговорками отнести к курдским организациям. Стоит упомянуть партию Новой Турции, созданную в 1965 году Юсуфом Азизоглу, курдом по национальности. И хотя основную социальную базу партии составляли курды, она не выдвигала лозунгов национального единения, не имела значительной поддержки у населения и просуществовала относительно недолго [103, 1990, № 2–3, с. 3]. Будучи членами националистической по сути партии, и оставаясь, естественно, нелегальными, курдские демократы поддерживались религиозными курдскими элитами и вождями аширетов. Параллельно в крупных городах на западе страны создавались организации и федерации, выступавшие за развитие национальной культуры курдов. Этот процесс был поддержан рядом левых политических движений, имевших в 60-е годы значительную поддержку у населения. В частности, объединившие курдских студентов и интеллигенцию революционные комитеты освобождения Востока (РКОВ – курдская аббревиатура – DDKO), которые были созданы в конце 60-х годов в Стамбуле и Анкаре, а также во многих курдских городах. Революционные комитеты, членами которых была в основном молодежь, демонстрировали тесную связь со всем левым движением Турции. Постепенно в рамках революционных комитетов формировался взгляд, что все беды и страдания Курдистана происходят не только по причине экономической отсталости и не только в связи с классовой эксплуатацией, причем не только внутри страны. Курдистан назывался теперь «международной колонией, эксплуатируемой крупными капиталистическими державами и их турецкими коллаборационистами» [56, с. 105].

Приоритеты именно классовой, а не национальной идеологии характерны были для многих других курдских движений. В рамках формировавшейся националистической идеологии курдов того периода отчетливо выделялись два его основных направления. Во первых, это национальные курдские элиты, связанные клиенталистскими отношениями с властью, представлявшие знатные курдские фамилии, постепенно уходившие в «левый лагерь», создавая курдские партии на основе всевозможных левых идеологий (Картал, руководители ДПТК – Фаик Бучак, Серафеттин Эльчи, впоследствии ставший мини-

стром общественных работ Турции, а также один из внуков шейха Саида Тюрк). Марксизм зачастую выступал у них основной идеологией. Второе направление представляли курды, которые видели курдский национализм в качестве этапа создания «прогрессивных сил в регионе», призванного стать началом формирования интернационального рабочего движения. На Курдистан возлагалась миссионерская задача по мобилизации всех левых сил региона. Из таких движений вышли будущие руководители Партии рабочих Курдистана (Абдуллах Оджалан, Джемиль Байик, Кесире Йылдырым).

Авторы первой программы Партии рабочих Курдистана пытались доказать, что Курдистан является классической колонией четырех сопредельных государств и наиболее слабым звеном «в империалистической цепи Ближнего Востока». В опубликованной в 1978 году политической программе ПКК выдвигалась задача буржуазно-демократической революции, в результате которой будут созданы условия для национального объединения курдов и уничтожения феодальной структуры курдского общества. В программе рассматривался тезис «тотальной борьбы» всех курдов против «угнетения и насилия со стороны турецких колонизаторов». По замыслу исполнителей «революционного долга», после выполнения своих задач буржуазная революция должна была перерасти в социалистическую.

В семидесятые годы в условиях довольно широкой по турецким меркам демократии происходило расширение социальной базы курдских и левых политических движений. Наряду с этим, как отмечалось, активно шло сближение идеологических позиций курдов с левым политическим крылом. При этом ряд курдских националистических организаций, например ДПТК, уже имели в программных документах больше идеологически близких моментов с коммунистами, нежели с прокурдски настроенными движениями. Тем не менее Демократическая партия Турецкого Курдистана имела весьма широкую представительскую основу в курдской среде. В числе поддерживающих эту нелегальную партию были и политики, предприниматели и религиозные авторитеты.

Постепенный переход ДПТК на позиции вооруженной борьбы и выделение из ее среды крайне левых, экстремистски настроенных групп позволили многим в правительстве того периода говорить о ней как о партии антитурецкой, существующей за счет поддержки из-за рубежа. После убийства в июле

1968 года генерального секретаря Фаика Бучака его место занял Сайд Элчи, позднее также разделивший участь своего предшественника (причины убийства обоих так и остались невыясненными). В результате острых внутривнутрипартийных конфликтов уже в 1969 году от партии отделилась радикальная группа, выступавшая за полное и окончательное отделение Курдистана от Турции. Радикализация ДПТК отразилась и на отношении правительства: сразу же после военного переворота 1971 года были арестованы несколько тысяч сторонников партии, обвиненных в том, что они действовали в интересах других государств, а в прессе появились публикации, в которых утверждалось, что «некие иностранные круги» (подразумевались, по всей видимости, Сирия и СССР), начиная с 1968 года ведут работу среди сепаратистски настроенных жителей востока Турции, направленную на создание в Восточной Анатолии курдского государства.

Существенные изменения в программе и стратегии ДПТК произошли после VIII пленума партии в 1974 году. Учитывая жесткие репрессивные меры военных, в новой программе говорилось о необходимости укрепления дисциплины и неукоснительного следования пролетарской идеологии. Впервые в программе ДПТК вооруженная борьба провозглашалась единственным путем решения национальной проблемы. Для этого даже предусматривалось создание собственных курдских вооруженных сил. Это положение политической программы, а именно «вооруженная борьба под руководством пролетарской марксистско-ленинской идеологии», легло в основу многих курдских партий, как обособленных от ДПТК, так и возникших на ее основе. Несмотря на «пролетарскую» идеологию, социальной основой для осуществления революции «провозглашалось крестьянство, которое руководствуется идеологией рабочего класса» [25, стр. 243].

О сложных внутривнутрипартийных отношениях и конфликтах, возникающих в связи с различиями в видении будущего Курдистана, свидетельствует деление ДПТК на множество мелких и крупных политических организаций с широким спектром политических программ левого толка – от социалистов до экстремистских групп маоистского толка. В 1975 году была воссоздана отделившаяся тремя годами раньше от ДПТК Демократическая партия Курдистана в Турции (ДПКТ, генеральный секретарь – Саит Кырмазытопрак), выступавшая за достижение сво-

их целей исключительно военным путем. Позднее, с принятием в 1977 году новой политической программы ДПКТ была переименована в Рабочую партию Курдистана (в отличие от *Партии рабочих Курдистана*, созданной примерно в то же время Абдуллой Оджаланом), целью которой было построение в Курдистане бесклассового общества. В тот период партия была довольно тесно связана с полулегальными организациями курдов, проживающих в Стамбуле, Анкаре и ряде крупных городов на западе страны, с общественными группами и профсоюзами.

Поражение руководимой Мустафой Барзани ДПК в 1975 году в Ираке, возможно, сказалось и на позициях «курдских демократов» в Турции. Процесс распада ДПТК на более мелкие партии особенно усилился в конце 70-х годов, в период внутривнутриполитического кризиса в Турции. В 1978 году группа бывших членов партии создает маоистскую группу «КАВА» и проалбански ориентированную «КАВА-РЕД», пополнившие список турецких террористических организаций.

Левоцентристских взглядов придерживались и сторонники Национальных освободителей Курдистана (НОК) – также бывшие члены ДПТК. Опираясь на малочисленный курдский средний класс, зажиточное крестьянство, НОК объявили себя единственными наследниками ДПТК, что не пошло на пользу их отношениям с другими курдскими партиями. Так, созданные ими в конце 70-х вооруженные отряды оказывали сопротивление не только турецким войскам и жандармерии, но и курдским ага, а также вооруженным сторонникам других курдских группировок.

Другим источником формирования курдских политических партий можно считать сторонников марксистских партий, состоявших из групп диссидентского толка, объединившихся в середине 70-х годов вокруг издательства «КОМАЛ» и журнала «Рызгари» («Освобождение»), а также журналов «Озгюрлюк Йолу», «Рия Азади» и «Рожа Велят». После закрытия журнала «Рызгари» была создана партия с аналогичным названием, целью которой объявлялись распространение марксизма, пропаганда независимости Курдистана и проведение революции на всем Ближнем Востоке. Интеллигенция, объединенная вокруг трех последних указанных журналов, создала группу «Озгюрлюк Йолу», ставшую позже Социалистической партией Турецкого Курдистана (СПТК). Хотя программу СПТК и отличал более трезвый, в отличие от других партий, подход к экономическим и политическим проблемам Курдистана, национально-

демократическая революция рассматривалась в ней как единственный способ решения накопившихся проблем, в основе которых лежит «конфликт между национально-демократическими чаяниями курдского народа и колониальной администрацией вместе с феодальными элементами» [68, с. 6]. Партия последовательно выступала за союз с левыми силами Турции, что также нашло отражение в ее программе.

«Рызгари» раскололась в 1978 году, а часть ее сторонников влилась в движение левых экстремистов Турции, создав группу «Ала Рызгари» («Знамя освобождения»), непримиримую как с позицией «левачества» ПКК, так и «классовым оппортунизмом» СПТК.

В особую группу стоит выделить те политические организации, которые были созданы на базе общетурецкого левого объединения «Куртулуш» (Освобождение»). Обвинив сторонников этого объединения в просталинской ориентации, ряд ее членов организовал в 1978 году курдское движение «Текошин» («Борьба»). Рассматривая большинство курдских партий в качестве просоветских, «Текошин» стремилась к утверждению «истинной пролетарской идеологии, свободной от сталинских догм, извращавших социализм». Хотя левозэкстремистские методы борьбы «Текошина» и «Ала Рызгари» были весьма близки, идеологические позиции бывших сторонников ДПТК и выходцев из организации «Куртулуш» расходились по целому блоку проблем. Сторонники «Текошин» утверждали, что все курдские партии, «вооружившись пролетарской идеологией, опираются в своей борьбе на крестьянство и никоим образом не контактируют собственно с рабочим классом... Они ведут только партизанскую борьбу и находятся в контакте только с поддерживающими их крестьянами... Другие же группы состоят из интеллигенции и студентов... И поэтому ни те, ни другие не могут называться истинно пролетарскими партиями» [68, с. 5].

Вторым моментом, отличавшим «Текошин» от других курдских партий, был подход к национальному вопросу. В политической программе этой партии, состоявшей в основном из курдов-алевитов, выходцев из Дерсима (Тунджели), курды-курманджи и заза обособляются по национальным критериям. Фактически они фигурируют здесь как представители этноса, отличного от курдов. Поэтому национальный вопрос в программе партии – это «проблема курдов, курманджи-кызылбашей (алевитов) и заза». Помимо создания в Курдистане бесклассового общества и

проведения пролетарской революции (а этот пункт стоит в качестве первоочередной задачи в программных документах партии), сторонники «Текошин» ставили во главу угла необходимость обеспечения не только национальных, но и религиозных прав курдов (в частности, езидитов и алевитов).

Видимо, поэтому «Текошин» в тот период не выдвигал требований создания независимого Курдистана, а настаивал на предоставлении курдам, обособляя от них алевитов и заза, права на самоопределение. «При наличии таких прав курды сами смогут решить, как им поступить: оставаться в составе Турции как федеративного государства, создать свою автономию или совсем отделиться» [68, с. 6].

Партия Абдуллы Оджалана (Партия рабочих Курдистана или ПКК) была создана в 1978 году на базе различных мелких левых групп, в частности, руководимой Оджаланом группы Революционной молодежи и Народно-Патриотической ассоциации высшего образования Анкары. Костяк партии сформировался еще в начале 70-х, когда Оджалан учился на факультете социологии в университете Анкары. Большую роль в партии играла молодежь, что, возможно, отразилось на ее радикальных лозунгах. Непосредственный костяк созданной Партии рабочих Курдистана составляла т.н. группа «Курдских революционеров», в которую входили Абдулла Оджалан, Джемаль Байик, Кесире Йылдырым (супруга Оджалана), а также ряд других представителей курдской революционной молодежи. После учредительного съезда первые трое заняли главные руководящие должности в новой партии. В опубликованном в Турции в 1989 году интервью Абдуллы Оджалана он говорил, что идея создания революционной курдской партии пришла ему еще в самом начале 70-х. «Тогда многие нелегальные организации старались подвести под свою идеологическую базу научный социализм, но они не могли совместить ее с той реальностью, в которой пребывал курдский народ. ПКК старалась найти решение этого вопроса. Конечно, это была еще не политическая организация. Скорее, это походило на политическую самодеятельность. В любом случае, ПКК стала продуктом того политического гнета, который существовал в Турции» [50, с. 521].

В турецкой печати чаще датой создания партии считают дату первого учредительного съезда. Он прошел 27 ноября 1978 года в деревне Зиярет, округ Лидже (по другим источни-

кам – в деревне Фис). На нем был создан Центральный комитет партии, состоящий из семи человек, во главе с Абдуллой Оджаланом, а также принята программа действий.

Подобно многим другим курдским политическим движениям, PKK объявлялась партией рабочего класса Курдистана, вооруженной идеями марксизма-ленинизма, конечной целью которой является построение в Курдистане бесклассового общества.

PKK ратовала за «свободный, независимый и объединенный Курдистан», однако позднее, как мы увидим, этот тезис иногда пересматривался в сторону возможной автономии в границах Турции. Апочисты также апеллировали к необходимости «революционного насилия» в отношении «коллорабационистов и предателей», под которыми обычно подразумевались вожди племен, лица, осуществлявшие сотрудничество с центральной властью, представители «ревизионистских» курдских партий» [47, с. 33]. Примечательно, что PKK объявляла себя при этом единственной организацией, представляющей весь курдский народ. Непосредственно перед государственным переворотом 12 сентября 1980 года у PKK уже были отделения в 22 илах и 63 уездах, а общая численность боевиков превышала 2 тыс. человек [50, с. 523].

Впервые название PKK было упомянуто в июле 1979 года в связи с покушением на депутата Национального собрания Мехмета Джелиля Будака. В том же году сторонники PKK напали на несколько аширетов в округе Батман. Примечательно, что уже через год после создания партии, в 1979 году, Оджалан перебрался в Сирию, где, как утверждают турецкие источники, стал активно готовить бойцов для ведения партизанской войны на территории Турции. Активная, хотя и не афишируемая широко поддержка Сирией Партии рабочих Курдистана с самых первых лет ее основания станет впоследствии одним из основных камней преткновения в отношениях между Турцией и Сирией. Более того, уже в 1979 году в Германии, а затем и в Швеции при содействии супруги Оджалана Кесире Йылдырым были открыты представительства PKK.

Рассматривать PKK так же, как какую-либо из упомянутых выше партий, исключительно как марксистскую, либо как националистическую весьма сложно: национальные идеи и идеи классового освобождения причудливым образом переплелись здесь, а актуальные в маргинальных слоях Турции лозунги со-

циального, классового освобождения, народно-демократической революции под марксистскими лозунгами и даже идеи экспорта революции в соседние страны в некоторых программах возводились в ранг национальной идеологии.

С самого момента своего существования ПКК стремилась занять лидирующие позиции в курдском движении, нередко вступая в конфликт с другими курдскими организациями. В частности, еще в начале семидесятых между боевиками ПКК и сторонниками движения «Национальные освободители Курдистана» в районе города Мардин произошли вооруженные столкновения. Однако прочно утвердиться непосредственно в Турецком Курдистане апочистам (сторонникам Оджалана) не удалось. Оджалан вынужден был перебраться в Сирию. В самом начале своей активности ПКК опиралась на помощь фронта освобождения Палестины, о чем свидетельствуют многочисленные контакты Оджалана с представителями этой организации в Сирии в конце 70-х годов. В частности, апочистам был передан палестинский лагерь Хельва на территории Сирии для подготовки курдских боевиков.

Итак, для курдского политического движения 70-х годов характерны были два основных источника формирования партий. Во-первых, это отколовшиеся от ДПТК политические и общественные организации и группировки, такие как «Ала Рызгари»; и, во-вторых, источником выступали различные диссидентские и левые организации марксистского толка, объединявшие интеллигенцию, часть среднего класса, часть студенчества и имевшие тесные связи с Рабочей партией Турции.

К началу 80-х годов в Турции активно действовало около 10 нелегальных курдских политических организаций. Подобная условность в оценке и количестве возникает по причине того, что некоторые организации относили себя не к партиям, а скорее к политическим движениям. В любом случае, подходя непосредственно к цели нашего анализа – политическому развитию турецкого Курдистана в 80-е годы, мы обрисовали спектр политических курдских партий, действовавших в конце 70-х годов, чья активность продолжалась и в восьмидесятые годы.

В конце семидесятых годов, непосредственно перед военным переворотом, политические события в Турции приобрели драматический характер. В условиях экономического кризиса страну захлестнула волна терроризма и насилия. Расшатанная

политическая система, сотрясаемая сменой правительств, террор левых и правых – все это привело к очередному, третьему по счету за всю историю Турецкой республики государственному перевороту.

Запрет после государственного переворота 12 сентября 1980 года всех политических партий нанес серьезный удар по курдскому политическому движению. Формирование большинства курдских национальных политических организаций началось только в середине семидесятых годов, и они не успели приобрести необходимый политический опыт. И хотя у большинства из них был откровенно экстремистский характер, партии с выработанной и реалистичной политической программой, например СПТК, обладали всеми характеристиками современных политических партий.

Курдское движение после переворота 1980 г.

Бескровный государственный переворот произошел ранним утром 12 сентября 1980 года. В «Обращении к турецкой нации», подписанном председателем Совета национальной безопасности генералом Кенаном Эвренем, указывалось, что в условиях политического и экономического кризиса страна оказалась ввергнута в пучину хаоса и террора. В обращении особо отмечалось, что конституционными органами страны принципы правового государства интерпретировались лишь в плане защиты интересов личности, защита же нации и государства осталась необеспеченной, их авторитет был подорван. Излишняя «демократичность» отправленных в отставку политиков во главе с премьером Демирелем, их невнимание к росту левого экстремизма создали социально опасную ситуацию в стране. В обращении главы СНБ говорилось о неуважении к атрибутам национального единства Турции и подчеркивалась необходимость объединения всех граждан вокруг «национальных идеалов» как неперемennого условия обеспечения внутреннего мира и порядка. Во главу угла СНБ ставил «неукоснительное следование идеям и реформам Ататюрка».

Нарастающие волнения в среде курдов, активизация их выступлений во многом стали катализатором реакции военных на внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Советом национальной безопасности были запрещены все политические пар-

тии и общественные организации. Военные отмечали, что это – временная мера, и с их стороны будут приложены все силы для оздоровления экономики, улучшения положения трудящихся. Как писала в свое время «Ресми газете», Советом национальной безопасности «категорически запрещалась деятельность тех, кто вместо прав рабочих преследовал собственные интересы и использовал их в идеологических целях» [28, с. 8]. Естественно, что в числе прочих это касалось и всех курдских политических движений.

Как уже отмечалось, укрепление позиций национализма, поднятие национального духа на всей территории страны явилось одной из основных задач новой власти. В 1982 году была принята новая конституция страны, ряд законов политического характера, которые были призваны внести значительные изменения в функционирование политической системы страны. Юридическое несовершенство турецкого законодательства, по мнению военных, стало одной из причин внутривнутриполитического беспредела.

Новая конституция была принята 7 ноября 1982 в результате национального референдума. Конституция была разработана под строгим контролем Совета национальной безопасности и Консультативного меджлиса. Как и следовало ожидать, в новой редакции конституции многие статьи явились реакцией на сложную внутривнутриполитическую обстановку, сложившуюся в стране к концу 70-х годов. В них говорилось о необходимости укрепления традиций кемализма, единства нации, воспитания национального духа.

С другой стороны, несмотря на декларирование равенства всех граждан перед законом, в конституции имелся ряд положений, которые по сути являлись законодательной основой для продолжения политики национальной ассимиляции. В третьей статье турецкой конституции говорилось: «Турецкое государство и турецкий народ являются неделимым целым. Государственный язык – турецкий» [16, б.с.]. Характерная черта конституции – усиленный акцент на национальном единстве турок при непререкаемом авторитете идеологии кемализма. Здесь также можно привести выдержки, характеризующие отношение в основном законе страны к проблеме курдского языка. В частности, в конституции появилась новая статья (№ 42), ясно указывавшая на то, что после переворота культурная ассимиляция курдов будет продолжаться: «Никакой язык, кроме турец-

кого, не может преподаваться в учебных заведениях гражданам Турции в качестве родного языка». И далее: «В публикациях не разрешается использование языков, запрещенных законом» (статья 28), «Ни один из запрещенных законом языков не может быть использован для выражения идей. Печатная продукция, аудио и видеозаписи, или любая подобная продукция может быть конфискована, если она противоречит данному положению конституции» (статья 26).

Юридические акты, на которые ссылается конституция и по которым использование курдского языка в Турции запрещено, также были приняты вскоре после военного переворота. Это в первую очередь закон № 2932 «О запрещенных языках». Согласно этому закону, родным языком этнических курдов в Турции считается только турецкий.

По новой конституции курды не имеют права получать образование на родном языке. В статье 42 сказано: «В учебных заведениях граждане Турции имеют право изучать в качестве родного только турецкий язык и получать на нем образование.». Положения о родном языке зафиксированы помимо конституции в Законе № 2923 «О языках»: «Турецкие граждане могут получать образование только на турецком языке в качестве родного... Иностранные языки, разрешенные к преподаванию, определяются решением министерства образования через Совет национальной безопасности» (статьи 2а и 2с). Конституция 1982 года ограничивала права курдов на периодические издания на родном языке: «Уголовному преследованию подлежит каждый, кто публикует статьи или тексты, угрожающие внешней или внутренней безопасности государства, неделимости государственной территории и народа, побуждающие к совершению преступления, актов неповиновения или раскрывающие государственную тайну» (статья 28, часть 5). «Периодические или непериодические издания могут быть конфискованы в интересах следствия, либо если они содержат материалы, представляющие угрозу национальной целостности, безопасности, общественному порядку, или в целях предотвращения противоправных действий», (статья 28, часть 7) [16. б.с.].

В аналогичных тонах был выдержан Закон о прессе, принятый 10 ноября 1983 года, а также Закон о радио и телевидении». В итоге с 1983 года по сегодняшний день в Турции действовали около 152 законов, ограничивающих свободу слова.

Значительная часть из них косвенно ущемляла права курдов как этноса.

125 статья Уголовного кодекса республики предусматривала наказание вплоть до смертной казни за нанесение вреда «нерушимому единству государства», т.е. за сепаратизм. В статье 312 УК до трех лет заключения было предусмотрено за «разжигание вражды на почве различий языка, культуры и расы». Многие наблюдатели отмечали не раз, что военная, а впоследствии и новая гражданская администрация обращалась с этими двумя статьями весьма вольно: при всей двусмысленности под 125 статью попадали дела о «пропаганде целей политических групп, осуществлявших деятельность по подрыву единства государства». Показателен в этой связи один пример: в конце семидесятых годов политический деятель Сераффетин Эльчи, курд по национальности, достиг вершины политической элиты, став в правительстве Эджевита министром общественных работ. В 1981 году он был заключен в тюрьму на длительный срок за «курдскую пропаганду». Он заявил: «Я курд... В Турции также живут и курды» [55, с. 46].

Еще один пример: в 1985 году в Турции был подготовлен справочник для чиновников, которые должны были проводить перепись. На вопрос: «Какой еще язык вы знаете кроме турецкого?» предлагались в качестве примера ответа английский, арабский, французский и курдский языки. На основании этого прокуратура Суда государственной безопасности расценила присутствие в списке курдского языка как посягательство на национальные чувства. Она привлекла к судебной ответственности 11 человек, составлявших справочник, и потребовала приговорить их к тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет.

В мае 1983 года Консультативный меджлис принимает закон «О национальном поселении». Теперь под предлогом национальной безопасности турецкие власти могли выселять курдов из одной части страны в другую. Однако отсутствие подобного закона не являлось непреодолимым препятствием для властей в предыдущие годы. Практика выселения курдов имела место и в семидесятые годы. Культурная ассимиляция курдов выражалась не только в запрете на пользование языком и переселением их в турецкую среду. Была проведена масштабная кампания по изменению названий курдских населенных пунктов. По сообщениям ряда турецких газет, за шесть лет по-

сле переворота в Юго-Восточной Анатолии было изменено около 80% названий деревень и поселков [108, 25.05.1996].

Помимо этого было запрещено давать детям курдские имена. В районах компактного проживания курдов рассылались специальные списки турецких имен для новорожденных. В законе № 1587 «О персональном статусе граждан» было сказано: «Давать имя новорожденному имеют право только его родители. Запрещается давать имена, которые запрещены законом или не являются отражением культурных традиций нации, моральных критериев и обычаев» (статья 16).

При этом остался в действии и ряд старых положений, регулировавших этот вопрос: «Если чиновник определяет, что выбор имени ребенка не соответствует условиям, оговоренным законом, он имеет право отклонить регистрацию этого имени. При этом он обязан сообщить в судебные инстанции для рассмотрения вопроса о смене имени в суде». (Распоряжение о положении о персональном статусе № 7/13269 от 8 марта 1977 г., статья 77).

Далее, в целях увеличения возможностей и ограничения власти в конституции было предусмотрено сокращение политического участия масс, отделения неполитических общественных организаций от политики, ограничение свободы СМИ. «Программные документы политических партий не должны посягать на территориальную и национальную целостность государства, права человека, суверенитет нации, или на принципы демократической и секуляристской республики» (Статья 68).

Как видим, результатом всех этих юридических постановлений стало то, что в Турции юридически отсутствовал статус курдов как нации, этноса или просто меньшинства. Сейчас задним числом можно спорить о действенности и жизнеспособности новой конституции, в частности о том, насколько демократичной была политическая система в новых условиях Турции. Дискуссии о необходимости внесения туда поправок не утихают до сих пор. При этом можно усомниться в необходимости подтверждения в конституции принципов строгого государственного лаицизма, особенно в условиях, когда на политическую арену в девяностых годах вышли исламистские партии или когда Партия Отечества (Анаватан Партиси) еще в середине восьмидесятых провозгласила необходимость религиозного образования в школах. Бесспорным остается лишь одно: в условиях провозглашения конституцией унитарного характе-

ра государства там никоим образом не были зафиксированы права объективно существующего курдского этноса.

Ради пресечения политической мобилизации этнических курдов генералитетом также были приняты жесткие меры. Многие положения новой конституции легли в основу Закона № 2820 «О политических партиях», который был разработан Консультативным меджлисом и принят Советом национальной безопасности 22 апреля 1983 года в преддверии демократических выборов на многопартийной основе, которые состоялись в ноябре того же года под строгим контролем военных властей.

В основные принципы закона были включены положения о необходимости соответствия деятельности партий слову конституции и идеям Ататюрка. При этом националистическая направленность нового закона была очевидна: он фактически ставил вне закона как курдские, так и коммунистические политические организации, повинные, с точки зрения военных, в дестабилизации политического процесса. Подчеркивалась невозможность «установления в партии правления одного лица», а также господства одного социального класса, этнической группы или выделения языкового, религиозного и регионального различия: «Политические партии в своих программах, при проведении митингов и съездов не имеют права пользоваться иным языком, кроме турецкого. Партии обязаны пресекать аналогичные случаи в других политических движениях. Программные документы партий могут быть переведены на иностранные языки, которые не запрещены законом». (Статья 81) [118, 23.04.1983]. Далее: «При создании политической партии не должны нарушаться фундаментальные принципы территориального и национального единства государства, как это указано в преамбуле конституции, представлять угрозу республиканскому строю, препятствовать отправлению основных прав и свобод граждан, акцентироваться на классовых, религиозных, расовых, конфессиональных или географических различиях, ставить целью установление диктатуры любого типа» (статья 5).

Многие положения этого закона были направлены на отсечение малых партий от политики, создание таких условий, в которых курдские национальные политические организации и политические движения, а также региональные организации не имели бы возможности участвовать в парламентских выборах.

В частности, в статье 36 указанного закона о политических партиях говорится, что партия может быть допущена к участию в выборах только в том случае, если создала свои организации на местах в 33 илах страны и провела общенациональный съезд. Региональное представительство организации считается созданным, если партия имеет организации минимум в одной трети ильче, входящих в состав ила [28, с. 76]. При этом законом было предусмотрено, что если партия два срока подряд не принимает участия в выборах, то подлежит закрытию или роспуску по решению Конституционного суда. Таким образом, курдские партии (если бы они были легализованы), практически не имеющие поддержки в некурдских районах страны, могли создать свои организации максимум в 20 илах, где курдское население составляет большинство.

Совет национальной безопасности оставлял за собой право до объявления избирательной комиссией итогов выборов отклонять кандидатуры депутатов. Совет также имел право возбуждать уголовные дела в отношении новых партий до того, как будут сформированы руководящие органы нового Национального собрания.

Как следует из вышеизложенного, после переворота не было и речи, чтобы официально создать курдскую политическую партию. Напоминаем, что существующие партии не имели права апеллировать к национальным различиям между турками и курдами, их уставы и программы не могли публиковаться на курдском языке, поскольку это рассматривалось генералитетом как посягательство на унитарный характер государства. Например, это положение было одной из причин запрета Объединенной коммунистической партии, поскольку в ее уставе упоминалось существование курдского народа в Турции.

В слиянии курдского и левого движения генералитетом виделась одна из реальных угроз целостности страны. В данных условиях были предприняты решительные и жестокие меры, чтобы заставить представителей левого движения уйти с политической арены.

Последовавшие жесткие репрессии в отношении инакомыслящих лиц, не согласных с позициями новой власти, стали характерной чертой для Турции. Были закрыты такие курдские издания и издания левого толка, как «Озгюрлюк Йолу», «Рызгари», Жина Ну», «Девримджи Демократ Генчлилик» и другие.

В 1980 году на юго-восток страны, в сопредельные с Ираком территории была переброшена Вторая сухопутная армия. Власти приступили к созданию так называемой «буферной зоны» на границе с Ираком и Сирией с целью воспрепятствовать проникновению курдских пешмерга (партизан иракского Курдистана) с сопредельных территорий, пресечь контакты турецких курдских организаций с зарубежными движениями [60, с. 14].

В начале 1984 года на юго-восток была осуществлена переброска еще одной из четырех действующих турецких сухопутных армий. Таким образом, в регионе были сосредоточены две действующие армии [48, с. 184].

Параллельно в Турции имели место массовые аресты лиц, причастных как к курдским, так и к левым организациям. По подсчетам М.А. Гасратяна, за годы военного режима были арестованы 170 тыс. человек, 700 убиты в результате карательных операций [26, с. 307]. Если за всю историю Турции по политическим мотивам были казнены 111 человек, то за три года военного правления по законам чрезвычайного положения были казнены 48 человек [26, с. 307].

Заметным явлением в череде репрессий властей стал один из первых публичных судебных процессов по делу сторонников Партии рабочих Курдистана в Диярбакыре в апреле 1981. Как сообщала газета «Вашингтон пост», в апреле были осуждены 447 турецких курдов, симпатизировавших PKK.» [129, 14.04.1981]. «Нью-Йорк Таймс» назвала этот процесс «массированной кампанией против курдов» [113, 01.04.1981]. Не сколько западных журналистов, находившихся на процессе, писали, что заключенных привозили в здание суда в железных клетках, погруженных прямо на грузовики. Условия их заключения были настолько невыносимы, что большинство из них объявило голодовку, а в здание суда они с трудом могли войти от истощения. Некоторые из них пытались совершить в тюрьме акты саможжения [58, 07–08.1994].

Значительная часть курдской интеллигенции и курдских политических активистов покинула Турцию в тот период. Сложная внутривнутриполитическая обстановка, постоянные репрессии, а также экономические причины вынуждали их уезжать в страны Западной Европы – Германию, Швецию, Бельгию, а также на Восток – в Сирию и Ливан. Политическое бесправие и ограничение свобод в Турции вызывало недовольство европейских стран. Не лишним будет отметить, что большой популярностью

как среди турецких диссидентов, так и в странах запада пользовался фильм выдающегося турецкого режиссера Йылмаза Гюнея «Дорога», (получивший в 1982 году «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах), где в аллегорической манере затрагивались как проблема курдов, так и политическое бесправие в условиях военной диктатуры.

Начало восьмидесятых годов стало этапным периодом в развитии курдского диссидентского движения: в странах Западной Европы начали создаваться курдские общественные организации, находящиеся в изгнании. Старый свет стал прибежищем не только для курдов из Турции. После временного поражения в 1975 году курдского демократического движения в Ираке в Европе оказались сотни курдов, бежавших от репрессий баасистов. Созданные курдами организации зачастую носили наднациональный характер, объединяя в основном бывших граждан Ирака и Турции (в начале восьмидесятых часть иранских курдов, лояльных режиму Хомейни, вернулась в свою страну). Это были как профсоюзные объединения, так и общественные движения в защиту гражданских прав, а также политические партии. Иногда курдские организации субсидировались правительствами европейских стран.

В конце семидесятых была создана Федерация курдских трудящихся в ФРГ (КОМКАР), 90% членов которой были турецкие курды, выехавшие на заработки. Федерация объявила себя самофинансирующейся организацией. Основная ее цель – поддержка курдских рабочих в ФРГ. Однако после переворота в Турции КОМКАР стала выдвигать и политические требования, в которых она ориентировалась на политику Социалистической партии Турецкого Курдистана.

Основные курдские организации ясно и недвусмысленно высказали свое отношение к новой власти. В 1980 году Социалистическая партия Турецкого Курдистана опубликовала обращение к народу Курдистана, где новый режим был охарактеризован, как «антинародный режим военной хунты» [19, с. 325]. С 1982 года ряд курдских организаций приступил к изданию собственных журналов – это ежемесячник «Серхвебун», принадлежащий ПКК и издававшийся в ФРГ, а также журнал «Рия Азади» – политический рупор курдских социалистов.

В период правления военных в Турции в среде курдов еще больше усилилось влияние левых идей. Так, на первой конференции партии Народных освободителей Курдистана (НОК)

было решено рассматривать эту организацию как «национальное движение, находящееся в процессе становления марксистско-ленинской партии пролетариата Курдистана». При этом подчеркивалось, что именно НОК является единственной полноправной преемницей Демократической партии Курдистана [26, с. 325].

Очевидно, что репрессии новых властей подталкивали курдов искать новые способы политической мобилизации, привлечения в свои ряды все больше сторонников. Сюда можно отнести и расширение связей курдских партий с левыми, социалистическими, идеологически близкими движениями, которые испытывали те же тяготы чрезвычайного положения.

В рассматриваемый период курдские партии организовывались в альянсы, союзы и «единые фронты» с левыми, которые, тем не менее, не были достаточно устойчивы. Выявление целей и основ подобных альянсов не представляет трудностей: они широко декларировались в партийной прессе курдов Турции. В условиях крайней реакции с одной стороны, и люмпенизации населения Курдистана с другой, всевозможные идеи классового освобождения, установления истинно народной демократической власти казались многим стержневыми проблемами, способными сплотить курдов.

С другой стороны, неясность политических задач и методов борьбы явилась следствием противоречий между такой партией, как СПТК, выступавшей в начале восьмидесятых за мирный путь разрешения конфликтов и «Ала Рызгари» и «Текошин», стоявших на позициях вооруженного восстания. Обвинив СПТК в правом оппортунизме, союз курдских партий, созданный в 1982 году и названный «Платформой пяти» покинули «Текошин», НОК и «Ала Рызгари». В результате раскола в рядах ПКК и создания Передовой рабочей партии Курдистана часть бывших членов ПКК покинула союз. В конце концов союз распался [68, с. 8].

Невозможно было создать устойчивую ассоциацию, объединявшую такие в общем-то непримиримые движения по вопросу унаследования дела ДПТК, как НОК и ПКК. Невозможно также было предположить, что ПКК выступит единым фронтом с курдскими социалистами из СПТК, которых она обвиняла в «социал-шовинистических позициях» по вопросу национального движения и будущего Курдистана [74, с. 59]. Для политических заявлений ПКК того периода были харак-

терны обвинения иных курдских движений «во вредительстве» и «национальном реформизме». Зачастую подобная риторика не подтверждалась конкретными доказательствами. Острейшие противоречия были характерны для ПКК и НОК, которых апочисты (сторонники Абдуллы Оджалана) называли «фашистской группой».

Объективные условия для союза курдов с левыми партиями сложились в 1982 году, когда военное правительство подготавливало всенародный референдум по принятию новой конституции. В августе публикуется совместное обращение Объединенной партии турецких коммунистов (ОПТК), «Ала Рызгари», НОК и ПКК, в которой они призывают граждан проголосовать против конституции.

На позициях социалистической революции продолжали стоять Национальные освободители Курдистана (НОК). Оставаясь национальным движением марксистской ориентации, в своей деятельности, как указано в их программе, они опирались на безземельное крестьянство и учащуюся молодежь. Пролетариату отводилась при этом руководящая роль. Особый акцент делался на специфическом социально-политическом развитии Турецкого Курдистана, поэтому НОК настаивали на «самостоятельности национальной борьбы и независимости национально-демократической революции от народно-демократической революции в Турции». В этих условиях вооруженное сопротивление виделось единственным способом ведения борьбы [10, б.с.]. Непримиимые разногласия, в том числе и по вопросу необходимости вооруженной борьбы, привели к отделению от НОК группы так называемой социалистической ориентации. Аналогичная участь постигла и ПКК: часть ее членов организовала в 1983 году Передовую рабочую партию Курдистана, обвинив бывших своих сторонников в ревизионизме и предательстве дела Демократической партии Турецкого Курдистана. ПРПК объявлялась составной частью мирового пролетарского движения с задачей проведения народно-демократической революции в Курдистане, который объявлялся классической колонией Турции, где господствует турецкий империализм [11, б.с.].

Политические требования в программах курдских партий за рубежом после осуществленного в Турции переворота стали звучать все отчетливее. В июле 1982 года во Франции создается Организация трудящихся патриотов Курдистана (ОТПК)

[37, с. 119]. ОТПК стала одной из наиболее влиятельных политических организаций курдских эмигрантов, распространившейся по всей Европе в форме ассоциаций. К концу 1988 года их было уже четырнадцать: восемь ассоциаций в Германии, четыре – во Франции, по одной – в Швеции и Голландии. В создании этой организации принимала участие и ПКК, о которой будет сказано ниже.

В то же время в Европе создается Антифашистский комитет единства за рубежом (БИРКОМ), куда вошли представители курдских и левых марксистских партий, таких как «Дев Йол» («Революционный путь»), «Девримджи ишчи» («Революционный рабочий»). Партия рабочих Курдистана, Трудовая партия Турции и др. Целью комитета объявлялась поддержка народа Турции в борьбе против империализма, угнетения, террора и эксплуатации. Затем из представителей этих партий был создан Объединенный антифашистский фронт сопротивления.

Что же касается Партии рабочих Курдистана (турецкая аббревиатура – ПКК), то она стала упоминаться на страницах турецких газет примерно с середины восьмидесятых годов, когда эта организация заявила о себе серией громких вооруженных нападений на военные объекты на востоке страны.

Первые же упоминания о начале масштабного вооруженного конфликта относятся к 15 августа 1984 г., когда были совершены атаки на военные объекты в Эрухе (Сиирт) и Шемдинли (Ширнак). При анализе прессы тех лет создается впечатление, что действия ПКК застали власти врасплох. Название ПКК в этой связи всплыло не сразу. Ответственность за эти акции возлагалась сначала то на Коммунистическую рабочую партию Турции, то на некий «ряд подпольных организаций политического толка, действующих в сельской местности» [130, 18.01.1985]. При этом нередко особо подчеркивалось, что все боевики – это турки. Широкая по курдским меркам социальная поддержка ПКК явилась следствием массированной пропаганды целей и задач организации, где принципы классового освобождения, народной революции, широко популярные в среде обездоленного крестьянства и низших слоев общества, соседствовали с тезисами о необходимости сохранения института частной собственности и даже построения «социализма с человеческим лицом». С другой стороны, неспособность центральной власти создать политический средний класс в среде курдов на юго-востоке отрази-

лась на росте поддержки ПКК всевозможными маргиналами и даже интеллигенцией. Как писал «Уолл Стрит Джоурнал», «угрожающий рост безработицы в восьмидесятых на фоне экономического упадка еще больше увеличил пропасть между этим регионом и центром» [128, 21.05.1994]. При всем популистском характере программы ПКК (в части марксистской риторики) она была привлекательной не только для широких общественных слоев юго-востока, но и для части курдской и даже турецкой интеллигенции в крупных городах Турции. У ПКК имелись большие резервы живой силы, они рекрутировались большей частью из молодежи, лояльной к партии, к ее идеологии [48, с. 186]. Методы расширения социальной базы ПКК на юго-востоке Турции совмещали как патронажные, так и репрессивные методы. С целью получения поддержки в наиболее отсталых районах юго-востока апочистами проводились мероприятия по раздаче медикаментов, продуктов питания и питьевой воды. Но это была, так сказать, только одна сторона их метода «кнута и пряника». Также применялись жестокие репрессии к «соглашателям» и тем, кто не желал ПКК оказывать требуемую поддержку.

Парадоксально, но свою роль в популяризации ПКК сыграли и официальные турецкие СМИ. Учитывая сложные отношения «курдской периферии» с «центром», ПКК в представлении части местных жителей была чуть ли не единственной «истинно оппозиционной силой», успешно противостоящей режиму. Как писала «Интернейшнл Геральд Трибюн», «настойчивость турецких властей обуздать боевиков ПКК только способствует укреплению антиправительственных настроений в курдском обществе» [96, с. 27.06.1992].

С середины восьмидесятых ПКК усилила свою пропаганду в Европе. Так называемые внешние центры ПКК в рассматриваемый период осуществляли свою деятельность через Национально-освободительный фронт Курдистана (НОФК).

Постепенно складывались и источники финансирования партии, к которым в первую очередь относились: кампании помощи, периодически организуемые ее сторонниками в Европе, гранты и пожертвования, доходы от публикаций, доходы, получаемые от коммерческих структур, принадлежащих организации, доходы, полученные от проведения «дней помощи курдам» в Западной Европе, «теневые» доходы, отчисляемые от деятельности турецких строителей и предпринимателей, ве-

дущих работу в Европе, контрабанда нелегальных рабочих, денежные переводы лиц, получающих денежные субсидии в Европе по статусу беженцев.

Мероприятия властей по предотвращению помощи апочистам со стороны населения совпали по времени (начало 1986 года) с нанесением серьезных военных ударов по повстанцам. Многие курдские периодические издания отмечают усиление деятельности турецких спецслужб против PKK и других курдских организаций с целью ухудшения отношений между курдскими партиями. В результате разведывательных операций спецслужб власти получили достаточно информации о структуре, источниках финансирования и связях PKK. К данному периоду относятся публикации в турецкой прессе о связях сторонников Оджалана с радикальными коммунистическими группами, маоистами, террористическими организациями и т.п. [93, 12.06.1987].

Долгое время у властей не было точных данных о количестве боевиков в Турции. Премьер Озал в 1987 году заявлял, что в составе PKK было 1 158 боевиков, а если брать во внимание сочувствующих, то вместе с ними получается 3 496 человек [86, 10.07.1987]. Однако эта цифра представляется явно заниженной.

Складывающаяся ситуация заставляла PKK идти на расширение боевых операций и усиление репрессий в отношении лояльных правительству элементов среди населения Курдистана. В 1987 году PKK провозгласила создание стратегической линии на освобожденной территории в илах Хакяри, Сиирт и Мардин [120, № 70, с. 2]. По сути, речь шла о форсировании так называемого второго этапа стратегической борьбы, разработанного на втором съезде в 1982 году: теперь боевики должны были оставаться на территории и создавать свои стратегические пункты для продолжения наступлений дальше вглубь страны. Начиная с 1986 года изменялся и характер вооруженных выступлений апочистов: если вначале большинство акций являлось вооруженными столкновениями с частями регулярной армии (около 40% всех выступлений), то к концу восьмидесятых годов увеличивается число актов экономического саботажа, терроризма и актов пропаганды (около 10% всех акций в 1987 году). По заявлениям руководства PKK в 1989 году, атаки боевиков должны были сосредотачиваться на объектах инфраструктуры и экономических объектах прави-

тельства Турции: железных дорогах, мостах и промышленных объектах.

Так, 26 января 1989 года боевики напали на Ширнакские угольные шахты в провинции Сиирт, взорвав транспортные средства и оборудование. На следующий же день террористы напали на шесть нефтяных автоцистерн в районе иракской границы, уничтожив две из них [108, 28.01.1989]. Общая же картина свидетельствовала о возрастании активности апочистов во второй половине восьмидесятых. В 1986 году произошло 107 акций ПКК (отметим, что треть из них составили акты мести), в 1987 г. их число возросло до 187 (35% – стычки с армией, 26% – акты мести, 20% – экономический саботаж и акты пропаганды). Совершаемые ими акты мести нередко были направлены против мирного населения, когда в результате атак на деревни убивали не только т.н. «сельских стражей» (вооруженные проправительственные формирования из местного населения), но и членов их семей, включая детей.

Начиная с 1986 года основная часть деятельности ПКК была сосредоточена в приграничных вилайетах Мардин, Хакяри и Сиирт. В последующие годы также происходила активизация боевиков. По материалам турецких газет, за первые шесть месяцев 1989 года было зафиксировано 258 боевых операций апочистов, в то время как за весь 1988 год их количество составило 315. Увеличение количества боевых операций косвенно свидетельствует о расширении социальной базы Партии рабочих Курдистана.

Несмотря на сложные отношения с курдскими партиями, относительную внутреннюю стабильность внутри ПКК удавалось поддерживать благодаря жесткой, почти военной дисциплине и жесткой централизации власти.

Уже в начале девяностых реакцией на наступление властей стала нестабильность внутри партии, началась кампания «охоты на ведьм» – поиск шпионов, провокаторов, агентов спецслужб. Это привело к еще большей централизации власти, сосредоточению управления исключительно в руках Оджалана. Известно, что в этот период отстранению от участия в руководстве партией и домашнему аресту подверглась даже супруга Оджалана Кесире Йылдырым, стоявшая у истоков создания ПКК.

В стремлении стать «авангардом всего курдского движения» не только в Турции, но и на сопредельных территориях Оджалан был намерен дальше расширять политическое влияние ПКК в

среде курдов. Естественно, это вызывало раздражение курдских политических элит по обе стороны турецко-иракской границы. Нами не найдено фактических подтверждений существования в 1984 году четырехстороннего соглашения между PKK, НОК, ДПК (Ирак) и Демократической партией Иранского Курдистана. Соглашение между PKK и ДПК в действительности же существовало, однако, как уже говорилось, оно было расторгнуто в 1987 г. по ряду внешних причин, а так-же из-за постоянных противоречий между Масудом Барзани и Оджаланом.

Даже малейшее проявление лояльности режиму в среде левых рассматривалось апочистами как «правый оппортунизм». В эту категорию Оджаланом были занесены такие партии, как СПТК, Коммунистическая партия Турции. Обвинения же в «ненаучности подходов» и «левом экстремизме» относились к вооруженному крылу курдского движения – КАВА, НОК, «Рызгари» и «Текошин». При разделе сфер влияния между PKK и последними организациями нередко были вооруженные столкновения.

В декабре 1990 года состоялся четвертый съезд Партии рабочих Курдистана, на котором было заявлено о переходе от объявленной ранее «стратегии обороны» к так называемой стратегии наступления, в рамках которой особое внимание уделялось усиленной пропаганде и созданию организации для того, чтобы добиться поставленных задач политическими средствами. Подразумевалось, что после периода подготовки, политической пропаганды на юго-востоке население готово оказать поддержку партизанам при переходе к т.н. «активной фазе ведения вооруженной борьбы».

Тактика PKK по сути давала властям карт-бланш в изображении их как «кровавых террористов». В условиях жесткой цензуры в отношении публикаций о событиях на юго-востоке страны подобное отношение к PKK было обязательным для всей турецкой прессы.

Турецкая пресса подробно писала о количестве жертв с обеих сторон за первые годы вооруженного противостояния. Сведения эти были во многом противоречивыми. Нередко к членам PKK относились погибшие боевики других групп, таких как «Рызгари» или «Текошин». В августе 1985 года в прессе были упоминания о 97 погибших террористах, 56 военнослужащих и 63 гражданских лицах за первый год войны. По данным турецкой газеты «Миллиет» за 1987 год, к третьему году противосто-

яния насчитывалось уже 245 погибших сепаратистов, а также 400 военнослужащих и гражданских лиц [108, 23.06.1987].

Противоречивые цифры публикуются и на Западе: ряд источников указывает, что за десять лет конфликта с 1984 по 1994 год погибло 6 000 мирных жителей. По всей видимости, сюда были включены административные работники и госслужащие, сотрудники предприятий, погибшие в результате актов мести или экономического саботажа.

Таким образом, нетрудно заметить, что в первые годы активность курдских повстанцев была сосредоточена на терактах с целью нанесения вреда экономике страны. Забегая вперед, скажем, что тактика апочистов в 90-е годы претерпела изменения: объектами терактов стали государственные учреждения в крупных городах, гражданские и военные лица, а также широко использовалась тактика запугивания иностранных туристов и призывы воздержаться от поездки в Турцию. Собственно, непосредственных терактов, направленных против туристов, практически не было (не считая взрыв в 1994 году в Ая-Софии, унесший жизни двух туристов).

Апочисты все-таки надеялись на помощь и поддержку своих требований со стороны Западной Европы, где было сосредоточено большое количество курдских полулегальных объединений и организаций. В то же время Европейский парламент после эскалации конфликта начал оказывать давление на Турцию с целью скорейшего принятия политических решений. Так, депутат Европейского парламента Ж. Ульбрикс заявил, что Турция превратила Курдистан в колонию и необходимо срочно передать вопрос в ООН.

В общих же чертах можно сказать, что задуманная руководством ПКК народно-освободительная революция в Курдистане готовилась долго и тщательно. С одной стороны, оказываемая поддержка апочистам со стороны иракских курдов и Сирии весьма упростила им задачу предвоенной мобилизации – в условиях чрезвычайного положения на территории Турции сделать это было практически невозможно. При подготовке восстания были грамотно учтены реалии, существующие как в Турции, на юго-востоке страны, так и ситуация в Европе в целом. Апочистами, повторим, лозунг независимого Курдистана выдвигался наряду с лозунгами революционного переустройства строя в Турции, а Курдистану отводилась роль «слабого звена» в империалистической цепи. Жесткие и репрессивные

меры турецких военных опять-таки упростили курдским пропагандистам работу, поскольку карательные операции против всевозможных курдских радикалов порождали недоверие и озлобленность по отношению к центральной власти. Играли на руку PKK и противоречия в самом курдском движении: не было достаточно мощной политической силы, которая бы дала толчок всему курдскому движению, независимо от идеологических или религиозных противоречий. PKK давала такую идеологию – марксизм националистического толка. Собственно националистической партией PKK можно назвать с трудом – скорее, это марксистско-национальный гибрид, создающий идеологическую привлекательность не только для курдов, но и для многих представителей левого движения Турции.

Анкарская газета «Теркиш дейли ньюз» в конце 1993 года назвала PKK главной действующей силой в борьбе курдов Турции. «Эта партия, – пишет автор передовой статьи, – становится самым значительным, самым мощным и самым важным движением партизанской борьбы на Ближнем Востоке. Политическая линия зависит от Абдуллы Оджалана, который ведет себя, как какой-нибудь южноамериканский диктатор. Население юго-востока Турции все больше поддерживает PKK, потому что турецкое государство сделало только одно – запретило умеренные курдские партии. Члены PKK знают, что в военном плане они не смогут одержать верх, но, по их мнению, речь идет прежде всего о борьбе психологического свойства» [76, 23.12.1993, с. 41].

Забегая вперед, следует отметить, что после краха коммунистического движения PKK потеряла в лице СССР мощного идеологического союзника. Руководство PKK вынуждено было пересмотреть не только методы и стратегию своей борьбы, но и некоторые идеологические подходы, а также место PKK в мировом антиимпериалистическом движении. В этом контексте примечательным являются решения Пятого съезда PKK, который состоялся в феврале 1995 года.

На открытии съезда Оджалан сделал следующее заявление: «Сегодня в мире многие считают, что социализм мертв, в то время как империализм находится на подъеме. PKK при этом, эффективно выступая за социализм и распространяя социалистические идеи среди населения региона, стоит в авангарде мирового социалистического движения, несмотря на то, что партия еще не находится у руля власти» [137, б.с]. При

этом ПКК объявлялась еще и «авангардом антиимпериалистического движения во всем мире». Данная позиция, по замыслу Оджалана, давала ПКК возможность начать тесное сотрудничество с левыми партиями Турции.

В качестве основных задач партии на пятом съезде назывались «распространение научного социализма, придание ему интернационального характера, превращение его в потенциальную политическую силу, принятие действенных шагов к созданию революционного социалистического интернационала на базе сотрудничества с региональными и международными движениями, радикально-религиозными ассоциациями с целью противодействия регрессивным силам в обществе». Конкретным осуществлением программы съезда стал с 1996 года союз ПКК с Революционным народным освободительным фронтом – марксистским движением Турции. Другим союзником ПКК стала Объединенная народная партия Курдистана («Йекбун»), также имевшая лагеря в Северном Ираке. Годом раньше в Гааге был создан т.н. «Парламент Курдистана в изгнании», который ПКК рассматривала как первый шаг в создании «Национального курдского конгресса и Революционного социалистического интернационала» [12, с. 230].

Непросто складывались отношения ПКК с другими нелегальными курдскими партиями. Изменение позиций ПКК в 1993 году в отношении методов борьбы и будущего Курдистана, когда ПКК впервые объявила о перемирии, позволило бы ПКК начать сотрудничество с курдскими организациями левого толка. После подписания соглашения с социалистами из СПТК при участии Партии рабочих Курдистана была создана «Платформа общественных организаций Северного Курдистана». Однако уже через год эта платформа фактически распалась из-за разногласий между ПКК и Демократической партией Курдистана(Север) – организацией, образовавшейся из бывших противников апочистов – Национальных освободителей Курдистана (НОК), которые обвинили ПКК в стремлении доминировать в этом межпартийном движении.

Несостоятельность союзов курдов и левых обнажила еще одну весьма характерную проблему курдского движения конца восьмидесятых годов: усилились дискуссии и конфликты о дальнейших перспективах марксистской идеологии, целесообразности классовой революции, возможности построения «социализма с человеческим лицом» и т.п. Как и следовало

ожидать, подобные тенденции были вызваны реформами как в Советском Союзе, так и в социалистическом лагере в целом. Некоторых представителей курдских левых раздражал постепенный отход СССР от принципов интернациональной классовой солидарности [82, 03.1998]. Другие, как, например, генеральный секретарь Авангардной рабочей партии Курдистана Сархад Диджле, заявляли о необходимости в данных условиях активизации диссидентской интеллигенции и более активно проводить «в свете новых социальных моделей функционирования политику опоры на собственные силы». При этом он заявил, что в целях национальной консолидации «любой произвол в любой из частей Курдистана должен рассматриваться как произвол по отношению ко всему курдскому народу» [82, 01.1989].

В Курдистане и раньше предпринимались попытки создать такую национальную идеологию, которая опиралась бы не на традиции марксизма, а на конкретный исторический опыт курдского народа.

Свое мнение о политической ситуации в Курдистане в конце 80-х высказал в интервью журналу «Армандж» и первый секретарь ДПК Масуд Барзани: «В современном Курдистане существуют различные диспропорции мнений о целесообразности консолидации национально-освободительного движения и путях такой консолидации. Диспропорции особенно полярны между городскими и сельскими общинами, элитой и простыми людьми. Консолидация сил означает постоянное содействие, сокращение неравенства в курдском обществе. Образование новых партий – процесс естественный, но отсутствие при этом взаимопонимания и сотрудничества непонятно. Необходимо сделать уступки друг другу, пойти на компромисс» [82, 03.1988].

Что же касается курдов-социалистов (СПТК), то они также оставались одной из ведущих курдских политических организаций. Эта партия с первых же лет после переворота также вела обширную международную деятельность. Благодаря ее усилиям, в частности, курдская проблема была вынесена в 1986 году на обсуждение при комиссии по правам человека в ООН.

СПТК была достаточно популярна в среде городского населения Стамбула и Анкары, где ее представителем выступало Революционное культурное народное общество, создан-

ное на базе объединения студентов-социалистов. Значительную часть членов партии составляли представители интеллигенции. При изучении партийной прессы, в частности статей Генерального секретаря этой партии Кемаля Буркай, можно заметить, что политическая программа мало изменялась и ей была присуща определенная последовательность в политических взглядах на проблему Курдистана. Не отвергая в принципе идеи создания независимого государства, руководство этой организации считало нецелесообразным проведение в Курдистане революции и нежелательность осуществления исключительно военной борьбы.

Позднее, исходя из этих принципов, руководство СПТК пришло к необходимости федеративного устройства Турции как гарантии культурных, политических и экономических прав курдского населения. Необходимость установления федеративной формы правления была сформулирована ими в начале девяностых годов.

Одну из основных внутренних причин отсутствия политической солидарности и, как следствие, неудач курдского движения СПТК видела в «сохранении феодальных пережитков, феодальной раздробленности курдского общества. При этом племенная социальная структура, противоречия между религиозными движениями и конфессиями, институт крупного землевладения, институт шейхов всегда были причинами отсутствия устойчивой национальной мобилизации [49, б.с.].

Несмотря на то, что руководство социалистов открыто называло PKK террористической организацией, основная ответственность за ситуацию в стране и начавшуюся по сути гражданскую войну возлагалась на центральное правительство. Вот что писал Кемаль Буркай в одной из своих статей: «Курдский вопрос явился катализатором серьезного экономического и политического кризиса в Турции. Правительство, его официальные представители продолжают обвинять PKK – эту «горстку террористов» – за бедственное положение в стране. Но основная ответственность за все эти беды и лишения, которые обрушились на оба народа, должна быть возложена на само турецкое государство. Нынешняя ситуация – это результат непродуманной политики, которая осуществляется вот уже почти семьдесят лет. Без сомнения, эта проблема не может быть осуществлена силами армии и полиции.

Мирное разрешение возможно только через диалог и признание прав курдов» [49, б.с.].

Ради возможности политического компромисса с другими курдскими партиями СПТК пошла на союз с рядом движений левацкого толка. Так, в конце восьмидесятых был создан Фронт освобождения Курдистана, в программе которого значилась необходимость ведения вооруженной борьбы.

С другой стороны, предпочтение легальных форм борьбы, определенная гибкость в политических вопросах и обширная социальная база, представлявшая различные слои курдского общества, в том числе и за рубежом, создавали возможность сотрудничества СПТК с организациями различного спектра политического движения в Курдистане. Политически и идеологически близкими социалистам партиями в восьмидесятые годы были Национальные освободители Курдистана социалистической ориентации (НОК-СО). В частности, они представляли Турецкий Курдистан в созданном в 1987 году на территории Швеции Комитете сотрудничества курдских партий.

СПТК стремилась к налаживанию сотрудничества и с левыми организациями Турции. При этом одновременно в Швеции и Бельгии было объявлено о заключении соглашения о единстве восьми национально-освободительных движений Турецкого Курдистана в единое движение «Тевгер» [42, 07.1988].

Таков был основной спектр нелегальных политических партий и движений в Турции в конце прошлого века. Все они в той или иной степени выражали националистические стремления курдов в процессе создания независимого курдского государства. Идея о создании курдской автономии в Турции в то время была у них не особо популярна. В связи с этим их идеология отличалась определенным радикализмом, что выражалось в почти повальной приверженности марксистской идеологии, в том числе и в наиболее крайних ее течениях (маоизм, «албанский вариант»). Роль исламского фактора в мобилизации курдского движения была в тот период невелика. Сказывалось ограниченное его влияние как в целом по стране, так и в курдском регионе.

Крайняя экономическая диспропорция в развитии западных и восточных районов Турции, запущенность и нерешенность многих социальных и экономических проблем на востоке страны способствовали тому, что здесь вызревал весьма специфический мобилизационный потенциал курдского национа-

листического движения, основанного не на исламской идеологии, которая из-за определенных конфессиональных различий рано или поздно привела бы к размежеванию в курдском движении, а именно на марксизме с его идеей мессианской роли пролетариата, покровительством всем униженным народам и акцентом на экономическом детерменизме многих социальных бед. Он явился новым источником мобилизации курдского движения, понятным и во многом опосредованным результатом социально-экономических проблем региона. Конкретным проявлением критики властей Турции явилось то, что сами курды называли курдский этноареал не иначе, как «внутренней колонией Турции», имевшей все характеристики классической колониальной модели, несмотря на декларируемое центром равноправие по гражданско-национальному признаку. Действительно, наряду с тем, что курдский этноареал оставался анклавом экономической запущенности, именно Курдистан становился поставщиком дешевой рабочей силы в крупные города страны, а население его имело целый ряд культурнолингвистических особенностей, пользование которыми было запрещено законодательно. Особенности социальной и политической иерархии еще сохранялись, плотно укоренившись в курдском обществе. Центральная власть называла это пережитком феодализма и, следовательно, регрессивным явлением. Примечательно, что той же самой точки зрения придерживались и идеологи ПКК, а сама эта организация была известна не только борьбой с турецкой властью на юго-востоке, но и с «племенными феодальными пережитками», в первую очередь ага и шейхами.

Особенностью курдского этноареала являлось и то, что в нем росло число временных рабочих, вышедших из среды разорившихся крестьян и пополнявших стремительно растущее население крупных городов юго-востока – в первую очередь Диярбакыра. Быстро растущее социальное неравенство на юго-востоке ввиду обогащения племенных вождей и обнищания низших слоев постепенно низводило с пьедестала и лишало вождей их сакральной роли у курдского, в основном городского населения, давая право рассматривать их как «угнетателей». Именно в этой среде и находили благодатную почву всевозможные левые идеи, и в первую очередь – марксизм, являвшийся той идеей, которая становилась средством и проводником еще и национальной идеологии. При этом, как

было сказано выше, курдские националисты шли на тесное сотрудничество со всем левым движением Турции, причем нередко (на примере Партии рабочих Курдистана) идея построения в Турции бесклассового общества превалировала над идеей создания независимого Курдистана.

Курдский вопрос в Турции в период гражданского правительства после 1983 г.

В конце 1983 года в Турции был осуществлен переход к демократическим институтам. Генералитет формально перестал править страной, однако в течение долгого времени продолжал контролировать политическую ситуацию в стране. В декабре собралось новое Высшее национальное собрание Турции, сформировавшее президиум, который и заменил Совет национальной безопасности. Председатель СНБ Кенан Эврен занял пост президента, позволивший ему сохранить политическое влияние в государстве. Действующий состав ВНСТ был представлен тремя партиями (Партия Отечества, Национал-демократическая партия и Народническая партия). Правительство возглавил лидер Партии Отечества Тургут Озал. Программа правящей партии отразилась и на программе правительства, которое характеризовало себя как «националистическое, отражающее взгляды Ататюрка по вопросам национализма, и консервативное, т.е. стремящееся сохранить национальные, духовные и моральные ценности» [28, с. 115]. В программе подчеркивалась необходимость обеспечения прав человека и основных свобод, отраженных во всеобщей декларации прав человека. При этом оговаривалось, что действия, ущемляющие права человека, а также «анархия, террор и сепаратизм» должны подавляться всеми имеющимися у государства средствами. Все политические течения, за исключением признанных режимом незаконными, должны иметь право на политическую организацию [28, с. 119].

В период гражданского правительства обсуждение курдской проблемы все чаще стало выноситься на страницы центральных газет. До начала 80-х годов слово «курд» официально никогда не употреблялось в турецких СМИ: говорили о «положении на Востоке», о «сепаратистах», о «горных турках», но никогда – о курдах. Только в начале 1987 года ряд турецких газет написал о том, что «в Турции существует проблема курдов, и ее необходимо рассмотреть» [цит. по: 29, 1998, № 2].

Ряд крупных политических деятелей, таких как Т. Озал, Б. Эджевит, нередко обращались к этому вопросу в своих выступлениях. Так, в интервью газете «Ля Круа» в середине восьмидесятых Озал заявил, что «курды в Турции никогда не рассматривались как меньшинство» [85, 23.04.1986]. Бюлент Эджевит, в свою очередь, говорил, что «нынче граждане могут свободно говорить о том, что их родным языком является курдский» [93, 19.03.1987].

Подобные заявления ведущих политиков не мешали властям продолжать усиление ассимиляционной политики, которая включала в себя переселение целых курдских деревень в западные и южные районы Турции, проведение масштабных показательных процессов над курдскими активистами.

В условиях провозглашенной правящей Партией Отечества политики более тесного сотрудничества с религиозными организациями в вопросах воспитания молодежи особый акцент делался на привитии ученикам в курдских школах духа ислама, который, как известно, не признает деления адептов по национальному признаку. В период 1984–1985 годов половина всех строящихся за государственный счет мечетей приходилась на курдские районы [31, с. 114].

Гражданское правительство использовало кардинальные меры по пресечению контактов деревенских жителей на Востоке с боевиками ПКК. Некоторые из этих мероприятий рассматривались как основа социально-экономической модернизации в регионе, ликвидации тех условий, которые способствовали росту сепаратистских тенденций в этой среде.

Так, с 1986 года на юго-востоке проводились мероприятия по укрупнению деревень. Властями объяснялось, что эта кампания проводится с целью обеспечения безопасности местных жителей, так как небольшие деревни наиболее часто атакуются повстанцами. Это также объяснялось проблемами оказания социальной помощи жителям небольших деревень вследствие их труднодоступности. Подобные меры продолжались на фоне выселения деревенских жителей в центральные районы страны.

Годом раньше на востоке страны была создана так называемая система «сельских стражей», явившаяся попыткой властей опереться на лояльные элементы в курдской среде (по сути своей очень напоминавшая феодальных хамидие, сформированных во времена Абдуль Хамида II).

Теперь представителям и доверенным лицам деревенских старейшин выдавалось оружие с целью защиты деревень от атак боевиков. При этом им из государственного бюджета выплачивалось жалование. Многие исследователи отмечают, что подобные меры были характерны в свое время для некоторых колониальных стран, например, во французском Алжире. Там аналогичным образом формировались вооруженные группы из числа местных жителей, лояльных представителям метрополии. Как бы то ни было, к 1987 году численность сельских стражей была доведена до 8 тысяч. Такие группы были созданы в Диярбакыре, Урфе, Ване, Бингеле, Битлисе, Мардине и в ряде других «неспокойных» вилайетов. По сути, система стражей опиралась на традиционную структуру курдского общества: стражи были полномочными представителями вождей, сельских старейшин – то есть традиционных элементов социальной структуры курдского общества.

Третьим характерным «новшеством» властей стало создание губернаторской администрации в районах чрезвычайного положения, таких, как Диярбакыр, Сиирт, Мардин, Хакяри, Тунджели, Бингель, Ван, Элязыг. До 1987 г. в ряде этих районов сохранялось осадное положение, но затем они были объединены в «губернаторство региона» с сохранением чрезвычайного положения. Губернатор получал чрезвычайные полномочия: ему были подчинены вооруженные силы, дислоцированные в регионе, промышленные предприятия и органы безопасности. Он имел право менять в случае необходимости расположение сел и деревень, перемещать их население. С учетом того, что юго-восток Турции представлял по сути район боевых действий, работники губернаторства получали надбавку в размере 25% зарплаты самого высокого государственного чиновника [25, с. 340]. При этом в Диярбакыре функционировал провинциальный суд безопасности, созданный согласно закону № 2845 «О Государственной безопасности», который на основании статьи 143 Конституции страны имел право в условиях чрезвычайного положения рассматривать дела и выносить приговоры как военный суд. Впрочем, это характерно для чрезвычайного режима в целом, который давал властям право использовать меры, больше характерные для военного положения: такие, как запрет на издание ряда газет и депортацию из региона лиц, которые подозреваются в нанесении ущерба общественному порядку [22, с. 2].

Открытые судебные процессы над курдскими боевиками были призваны показать решительность властей в пресечении террора и сепаратизма. Имеющиеся у нас цифры говорят сами за себя: к апрелю 1985 года 144 члена PKK и ряда других курдских организаций были приговорены к смертной казни, около 340 – к различным срокам вплоть до пожизненного заключения (однако смертные приговоры в Турции не исполнялись в связи с мораторием на смертную казнь). Процесс 1986 года в Диярбакыре вынес смертный приговор 22 курдам, около 300 были приговорены к длительным срокам заключения. Большинство этих приговоров было вынесено военными судами.

Западные представительства Международной амнистии привлекали внимание общественности к фактам жестокого обращения с заключенными, избиениям. Подобные факты стали предметом пристального внимания ряда общественных международных организаций. На это турецкие правозащитные общественные организации отвечали следующим образом: «По Статье 15 Европейской конвенции о правах человека, «во время войны или другой чрезвычайной общественной ситуации, при угрозе жизни гражданам страны государство-контрагент может принять меры по ограничению обязательств по правам и свободам человека, предусмотренным этим Соглашением вплоть до строгого соблюдения условий чрезвычайного положения, при условии, что такие меры не противоречат обязательствам государства-контрагента по международному праву». Причины случайных противозаконных и недостойных случаев обращения сил госбезопасности с населением Восточной и Юго-Восточной Турции могли происходить ввиду недостатка подготовки в психологическом аспекте в отношениях с местным населением в условиях борьбы с терроризмом... «Несмотря на интенсивность терроризма PKK, превышения военными своих полномочий никогда не достигают широкого размаха и никогда не становятся систематическими. В соответствии с принципами демократического государства, уважения прав человека 314 государственных представителей были осуждены за грубые нарушения прав человека в отношении местного населения... 35 таких процессов были завершены и 11 правонарушителям был вынесен суровый приговор» [139, с. 13].

С другой стороны, многие факты указывают на то, что имели место случаи, когда с целью дискредитации курдского движения турецкие солдаты убивали мирное население под

видом боевиков. Вот что пишет французский журналист и исследователь проблемы курдов Крис Кучера: «Некоторые журналисты начали замечать, что многие жертвы «красных курдов» были убиты из турецкого оружия, которым обычно пользовались солдаты регулярной армии. Таким образом, информация о последствиях военного положения постепенно начала просачиваться в прессу» [58, 08.1994]. Еще более откровенные заявления были сделаны в турецком журнале «Актюэль»: один из бывших турецких «коммандос» признался, что были случаи, когда по приказу военных командиров расстреливали мирных жителей курдских деревень, которые затем выдавались «для отчетности» за убитых боевиков. «Кровавый счет этой войны в конечном итоге оплачивают мирные жители», – констатирует автор [80, 11–17.02.1999].

Правительством подобные меры совмещались с усиленной пропагандой туркизма в курдском регионе и ведением антипартизанской агитации. В прессе того времени утвердились устойчивые определения для курдских боевиков. Чаще всего их называли террористами или сепаратистами («bölücüler»). По мере роста известности Оджалана как главного вдохновителя вооруженной борьбы турецкая пресса «приклеила» ему определения «главарь сепаратистов» и «главарь бандитов». Заметим, что турецкие СМИ целенаправленно концентрировали общественное внимание именно на ПКК как основе партизанского движения. Именно апочисты в прессе чаще всего фигурировали под именем «разбойников» и «сепаратистов». При этом такие организации, как КАВА, НОК и Рызгари объявлялись союзниками или структурными подразделениями ПКК, несмотря на то, что в середине восьмидесятых годов противоречия между этими организациями выливались в вооруженные столкновения. Таким образом, у граждан Турции складывалось представление о ПКК как о чуть ли не единственном «враге родины». С другой стороны, ПКК старательно отмежевывали от курдов, отмечая, что это движение террористическое, но не этническое. Как нередко заявлялось, это делалось для того, чтобы не спровоцировать межнациональную рознь между турками и курдами. Это подтверждает и тот факт, что в прессе упоминалось о вооруженной борьбе «бандитов», но почти никогда – курдов.

Во второй половине восьмидесятых в Турции происходило расширение оппозиционного движения. Естественно, в тот пе-

риод не было и речи о том, что будут легализованы коммунисты и курдские партии. Тем не менее курдский вопрос постепенно становился важным политическим козырем в программах политических партий левого толка, включая как легальных социал-демократов, так и коммунистов. Для коммунистов, создавших в Западной Европе в октябре 1987 года Объединенную коммунистическую партию Турции, решение «курдского вопроса» представлялось краеугольным камнем создания в стране истинно демократического строя. Так, в новой программе коммунистов, опубликованной в Дюссельдорфе, говорилось, что в подлинно многопартийную систему «должны включаться и запрещенные ныне политические организации: коммунистическая партия и курдское национальное движение» [17, с. 34].

В проекте программы нет упоминания о необходимости немедленного предоставления независимости курдам, лишь говорится, что курдский народ в условиях демократического правления имеет право сам решать: оставаться ему в границах Турции и или выходить из ее состава. Курдский вопрос рассматривается в рамках общих антидемократических тенденций, присущих правящему режиму Турции. Он – катализатор общественного желания скорейших демократических реформ: «Курдский вопрос – политическая проблема, причиной которой является отсутствие национальных прав курдов...Его нельзя решить с помощью военных мер, возможно только политическое решение. Предпосылкой для развязки «курдского узла» является демократическое обновление Турции... При этом должны быть созданы условия для объединения всех групп, участвующих в курдском национальном движении» [17, с. 48].

Среди легальных политических партий Турции курдская проблема, фигурировавшая в партийных документах «как проблема юго-востока», также рассматривалась в качестве важного элемента на пути демократических реформ. В ходе политической борьбы в 1984–1987 гг. определилась так называемая «левая оппозиция», представленная Социал-демократической народнической партией во главе с Эрдалом Иненю (до 1984 г. – Социал-демократическая партия) и примыкавшей к ней одно время Демократической левой партией (лидер – Б. Эджевит). Клерикалы и националисты в лице Партии Благоденствия и Партии националистической деятельности в восьмидесятые годы не располагали существенным влиянием [28, с. 162].

В 1986 году партия социал-демократов имела представительства в 65 илах, а на парламентских выборах 1987 года получила 24,8% голосов, обогнав Партию Верного пути [28, с. 161]. СДП, признавая в принципе курдов в качестве членов турецкой нации, выступала за снятие ограничений в деятельности политических партий, выражающих интересы тех или иных социальных слоев. Следуя классическим социал-демократическим канонам, свобода создания партий может ограничиваться государством, но ни в коем случае не ликвидироваться. Концепция демократического государства должна отражать реальное соотношение общественных сил в политическом процессе. В контексте Турции важнейшей установкой социал-демократов провозглашалась именно свобода политических объединений как основа создания гражданского общества. При оценке событий на юго-востоке Эрдалу Иненю, лидеру СДП, были присущи заявления о нарушении прав человека, демократии и вмешательстве во внутренние дела других стран [86, 10.07.1987].

В качестве своего электората СДП ориентировалась на рабочих, служащих и мелких производителей – крестьян, ремесленников и мелких торговцев. Таким образом, учитывая социальный состав Турецкого Курдистана, СДП могла по идее здесь рассчитывать на существенную поддержку электората. С другой стороны, практика свидетельствует, что партию поддерживали крупные рабочие профсоюзы, и во многом партийная агитация распространялась именно на них. К середине восьмидесятых на юго-востоке не было заметных профсоюзных организаций, а предпочтения избирателей – в частности тех же рабочих и мелких предпринимателей – не имели строгой ориентации на ту или иную партию.

Однако в общих чертах принципиальные положения программы социал-демократов свидетельствуют о том, что они не исключали возможности политического решения курдского вопроса в будущем. По сравнению с СДП Демократическая левая партия больше внимания уделяла националистической идеологии, стремясь придать ей «демократический характер». В трактовке ДЛП национальное единство «должно искоренить религиозную, языковую, районную дискриминацию, чтобы подорвать сепаратистские движения». Указывалась необходимость вовлечения населения восточных районов в политическую жизнь страны путем снятия запретов в отношении политических партий. Пока этого не будет, «народ останется сто-

ронним и безучастным наблюдателем в политике». ДЛП утверждала, что бороться против терроризма надо в рамках демократического государства и в то же время «через устранение важной причины этого – социальной несправедливости». Выступая с позиций турецкого национализма, ДЛП признавала необходимость борьбы с «вредными идеологиями», чем сближала свои позиции с рядом правоцентристских партий [28, с. 133]. Правоцентристская Партия «Верного пути» характеризовала события на юго-востоке как «анархию, террор и сепаратизм». Эти действия, говорилось в ее программе, ущемляют права человека и должны подавляться всеми имеющимися средствами. Деятельность экстремистских курдских партий трактовалась, как попытка меньшинства навязать жителям региона свою волю.

Объективно легальные партии в условиях действия закона о политических партиях не могли открыто признавать наличие в стране национального вопроса. Повторим, что их доктрины формировались в рамках традиционных кемалистских установок, а партийные идеалы, такие как права человека, свобода, независимость, правосудие и равенство, – все они трактовались при условии признания неделимости турецкой нации в качестве главной ценности государства.

Активизация курдских партий рассматривалась отнюдь не в контексте подъема национально-освободительного движения, а как результат активизации разного рода экстремистских сил, в основе которой лежит как социально-экономическая нестабильность в регионе, так и деятельность недружественных Турции государств. При этом малейший шаг влево в оценке событий на юго-востоке, как в случае с СДП, давал повод правым партиям обвинять социал-демократов в сговоре с коммунистами.

Как видим, даже легальная оппозиция не могла признать наличие в стране национального вопроса и создать тем самым почву для политического решения конфликта. Легализация оппозиции подразумевала признание того, что конфликт в восточных вилайетах – это не только результат воздействия «вредных идеологий», экономической отсталости, феодальных пережитков или деятельности спецслужб других стран. Причем значительная часть обывателей искренне верила в отсутствие в Турции этнического или национального кризиса, что являлось результатом деятельности гигантской машины турецких СМИ.

В восьмидесятые еще больше усилились противоречия внутри курдского движения. Остро стоял вопрос о целесообразности вооруженной борьбы, о степени лояльности властям или легальным политическим партиям. Усилилась борьба за политическое влияние в регионе после возвращения страны к демократическим институтам. В большинстве курдских партий росло недоверие к правительству, при этом партии выдвигали тезисы (такие как социалистическая революция, отделение Курдистана), которые официальные власти не приняли бы ни под каким предлогом. Они противоречили иногда не только официальной доктрине, но и здравому смыслу. Непримируемая оппозиция режиму чаще всего носила характер вооруженной борьбы, хотя в рассматриваемый период наметились возможности либерализации взглядов некоторых партий, их сотрудничество с умеренным левым крылом. Внутренний кризис не миновал даже ПКК с ее жесткой иерархической системой. Например, противоречием внутри ПКК можно охарактеризовать заявления официального представителя партии в Европе Хусейна Йылдырыма, сделанные им в 1988 году в Брюсселе, в которых он выразил свое несогласие с политикой Оджалана. Его расхождения с основной группой повлияли на усиление межфракционной борьбы ПКК в Западной Европе.

Существенным минусом принятого в начале восьмидесятых закона о партиях являлось то, что он фактически ограничивал число организаций, лояльных центральной власти. При высоком уровне политической активности среди курдов законодательно было запрещено их политическое участие в рамках национальных курдских партий. При этом в условиях вышеуказанных оппозиционных проявлений в отношении центра в Курдистане были сильны виды политической активности, нерегламентированные законом, или так называемые неконвенциональные политические действия: участие в уличных демонстрациях, актах протеста против действий режима, голодовки и т.п. В условиях ограничения политического участия после переворота нелегальные радикальные курдские организации являлись по сути формой организации подобного политического участия масс, в рамках которых формировалось оппозиционное отношение к режиму.

Стихийная политическая активность курдов в 70-е годы, несмотря на наличие целого ряда политических движений, была все еще недостаточно организованной и интегрированной

в общеполитическую систему Турции. Во многом – из-за идеологии, исключавшей курдов как этнос из политического процесса. При этом разгорались постоянные конфликты внутри курдских партий, которые послужили причиной деления курдского движения на разнокалиберные группы экстремистского толка. Ограничение политического участия курдов так же, как сторонников ряда левых движений, было направлено на понижение уровня политической нестабильности при условии сохранения высокого уровня политической институционализации в турецком обществе. Об этом же свидетельствует статья в законе, запрещающая членство в политических партиях студентам как наиболее политически активной прослойке общества.

При этом влияние ведущих партий среди курдов на юго-востоке было весьма невелико. Тем более, что большинство из них были созданы, либо воссозданы после принятия упомянутого закона. Партия Отечества, Партия «Верного пути», Социал-демократическая партия декларировали свою приверженность национализму, осуждали любые формы сепаратизма. Такого понятия, как курдское национальное движение для них не существовало: к курдским партиям ввиду их раздробленности, экстремизма относились как к «поддавшимся вредной идеологии», «сепаратистам», «бандитам». При этом электорат в районах компактного проживания курдов был, так сказать, «втиснут» в рамки выбора между легальными политическими партиями, представлявшими государственную кемалистскую идеологию. Существующие партии редко ориентировались исключительно на электорат юго-востока. Позднее, уже в начале девяностых, эту «нишу» среди курдов на некоторое время заняла Партия Благоденствия, в программе которой заявлялось о духовном и религиозном братстве жителей страны [42, с. 109].

Подводя итог, можно резюмировать, что основным направлением властей оставался курс на игнорирование прав курдов как этноса, растворение его в едином «монолите нации» путем пропаганды кемалистской идеологии, а позже – суннитского ислама. Государственный переворот 1980 года и приход к власти военной администрации не мог не сказаться на положении курдов. Репрессии генералов вызвали большое число политических беженцев из числа курдов. Переворот вызвал также сильнейшую поляризацию политических ориентиров в турецком Курдистане. Жесткое политическое давление

не давало возможности развития либерального курдского национализма, отсюда – стратегия на насилие у курдов. При этом политическая поляризация происходила на фоне ухудшения экономической ситуации на юго-востоке, что стимулировало миграцию населения.

Пришедшая к власти гражданская администрация также продолжала проводить ассимиляционную политику. Помимо чисто военных мер по подавлению вооруженных повстанцев, властями проводилось «укрупнение деревень», создание системы «сельских стражей», введение функции генерал-губернатора региона, настраивание общественного мнения против партизан через масс-медиа. При этом любые попытки инакомыслия по проблеме среди турецкой интеллигенции жестко подавлялись.

Принятые военной администрацией законы в большинстве своем были нацелены на подавление любых националистических тенденций в среде курдов. Однако это вряд ли могло сдержать рост националистических настроений на юго-востоке.

В восьмидесятые годы наметился рост числа курдских политических партий, которые в существующих политических условиях стремились создать политические платформы с близкими по духу движениями как в Курдистане, так и среди левых нелегальных партий Турции. Политическую жизнь «курдской периферии» отличали рост числа партий левозэкстремистского толка, отстаивавших необходимость ведения вооруженной борьбы. В большинстве своем они ориентировались на молодежь, на маргинальные слои, что определяло и методы ведения борьбы. Их политические программы объявляли Курдистан колонией Турции, конечной их целью были независимость Курдистана, а иногда и пролетарская революция на всем Ближнем Востоке.

Несмотря на обилие и разнообразие политических партий Турецкого Курдистана, именно ПКК удалось стать главной движущей силой курдского сопротивления, своеобразным мобилизационным «стержнем» не только Национального движения курдов, но и левых «антиимпериалистических» сил Турции.

Виды и формы политической социализации «периферийного» населения на юго-востоке сильно отличались от Центра: после прихода к власти гражданского правительства здесь участились формы неконвенционального участия, рост симпатий к экстремизму, явная поддержка избирателями оппозиционных

партий на выборах. Сказывалась и нерешенность социальных проблем.

В июне 1987 года Европарламент на заседании в Страсбурге официально признал наличие в Турции курдской проблемы. Началось давление Европы на правительство Озала. Высказывалась возможность пересмотра участия Турции в НАТО. Отрицание курдской проблемы рассматривалась как признак отсутствия в Турции парламентской демократии, неуважения к личным свободам, что является препятствием к вступлению Турции в Европейское сообщество.

Более того, вскоре именно Европа стала ареной политической жизни курдов. С 1986 года конфликты PKK с курдскими партиями в Европе приобрели характер столкновений и погромов. В 1986–1987 годах жестокие стычки имели место в Германии и Греции. Основными же европейскими странами, где курдское движение было представлено довольно широко, оставались Германия, Швеция и Голландия. Левачество и насилие PKK не вызывало симпатии у европейцев. В одном из отчетов Международной амнистии говорится: «PKK постоянно совершает массовые нарушения прав человека, ее целями становятся мирное население, дети, учителя, местные политики. Сотни их были убиты в результате военных операций» [1, с. 1].

Постепенно Германия и Швеция, где проживает наибольшее количество курдских эмигрантов, стали ареной соперничества курдских партий. Как уже говорилось, в Германии СПТК поддерживала значительная часть профсоюзов, а в Швеции курды-социалисты могли рассчитывать на поддержку правящих социал-демократов. Здесь были созданы наиболее значительные политические объединения курдских представителей социалистической ориентации, такие как Фронт освобождения Курдистана, ТЕВГЕР (1988 г.).

На международное участие в деле нейтрализации боевиков большие надежды возлагали в Турции. Это касалось взаимодействия с сопредельными государствами – Сирией, Ираком и Ираном. Договориться о совместных действиях против апочистов было весьма сложно: PKK поддерживала Сирия, а в Ираке северные районы контролировала Демократическая партия Курдистана, которую связывали с PKK хоть и прохладные, но все-таки дружественные отношения. В условиях ирано-иракской войны иракские курды рассматривались Тегераном как возможные стратегические сотрудники, что тоже не давало

Анкаре достичь с Ираном соглашения о совместных антикурдских действиях.

Нужно отметить, что рейды турецкой армии на территорию Ирака совершались еще до начала восстания апочистов. Они имели место в 1983 году и в начале 1984-го. Однако когда восстание приобрело широкий размах, было подписано соглашение между Турцией и Ираком о совместных рейдах против партизан (октябрь 1984 г.). Это соглашение дало повод говорить левым партиям обеих стран о «межгосударственном геноциде против курдов». Именно в таких тонах был выдержан информационный бюллетень Коммунистической партии Ирака, выпущенный в связи с описываемыми событиями. Практика ведения боевых действий против курдов на сопредельной территории Ирака показалась властям эффективной: как уже упоминалось, в августе 1986 года были нанесены очередные удары по курдам на территории Ирака.

В 1987 году Турция попыталась нанести второй удар, но уже дипломатический. После визита Тургута Озала в Сирию наметилось потепление отношений между двумя странами. Сирийское правительство подписало протокол, согласно которому обязывалось воспрепятствовать проникновению апочистов на территорию Турции и закрыть принадлежащие им военные лагеря. Американский исследователь Майкл Гюнтер по этому поводу замечает, что официальный Дамаск, дабы избежать упреков Анкары, переместил лагерь в долину Бекаа в Ливане, находящуюся под сирийским контролем, и, действуя по принципу «и волки сыты, и овцы целы», юридически выполнил, таким образом, условия договора [55, с. 99].

Все это свидетельствует о том, что курдский вопрос стал превращаться в международную проблему. Победа «дипломатии Озала», означавшая координацию усилий сопредельных стран в вопросах борьбы с терроризмом, имела и нежелательные для Анкары последствия. Курдский вопрос постепенно превратился в инструмент внешнеполитического давления, своеобразный козырь политической игры как против соседних стран, так и против курдов.

В турецко-сирийских отношениях курды стали козырной картой в т.н. «водной войне» вокруг Тигро-Евфратского речного узла. Осуществление в Турции крупномасштабного оросительного Юго-восточного анатолийского проекта позволило ей регулировать подачу речной воды в Сирию. Решение этого во-

проса вынудило Дамаск пойти на подписание упомянутого договора по курдам. Поддержка же Сирией ПКК также связывается с «водным вопросом». Сразу же после подписания соглашения 1987 года Турция приняла решение не позволять потоку реки, идущему в Сирию, опускаться в приграничной точке ниже уровня 500 куб. м/сек [44, с. 89]. Позднее, в начале девяностых, когда Турция практически перекрыла Евфрат, чтобы заполнить водохранилище Ататюрка, Сирия в резкой форме выразила свой протест. Турция же дала понять, что перекрытие последовало за столкновениями турецкой армии с курдскими отрядами в ноябре 1989 г. и в феврале 1990 г. До этого летом 1989 года президент Озал не исключил блокирование потока Евфрата, чтобы остановить помощь курдам.

Таким образом, подобная «интернационализация» курдской проблемы еще больше усложнила возможные пути ее разрешения. ПКК же становилась еще и элементом внешнего давления на Турцию. Позднее мы увидим, что самым важным с этой точки зрения периодом стало начало 90-х годов, когда не только крах мировой коммунистической системы, но локализация конфликта в непосредственной близости от турецкой границы привели к тому, что «курдский вопрос» из узкострановедческого интереса приобрел международное значение ввиду вовлечения в него третьих сил. Как уже отмечалось, в самой Турции именно этот факт видится в качестве главной причины курдского конфликта.

Глава III.
КУРДСКИЙ ВОПРОС
В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТА ОЗАЛА
(1989–1993)

Изменение политики властей
в период правления Т. Озала

В начале девяностых годов взгляды правящей элиты в Турции на национальный вопрос претерпели значительную трансформацию. Аннексия Ираком Кувейта привела к сосредоточению в регионе миротворческих международных сил, в которых Турция принимала непосредственное участие. Определенная открытость границ, обусловленная военными действиями, способствовала усилению контактов проживающих здесь курдов из двух сопредельных государств. Еще в начале этой военной операции Анкарой особо оговаривалось неременное условие – не допустить создания курдского государства [29, 1998, № 2].

Актуализация в Турции курдского фактора в начале девяностых годов имеет несколько причин. Условно их можно разделить на внутренние и, как уже отмечалось, внешние факторы. Во-первых, изменение ситуации в Северном Ираке вдохновило на борьбу повстанцев в самой Турции. Стимулом к действиям, направленным на приобретение политического статуса турецкого Курдистана мог служить процесс обретения независимости национальными государствами в бывших СССР и Югославии. Возрастание подобных центробежных тенденций в мире в целом, когда за короткий период в 1990–1991 годах на месте союзных образований Югославии и СССР были созданы новые государства, в Европе произошел мирный раздел Чехословакии, а, например, в Африке в результате вооруженной борьбы от Эфиопии отделилась Эритрея, не могло не выпасть из поля зрения курдских политических элит в Турции. «Наблюдая за тем, как курды получают автономию в соседнем Ираке и как страны бывшего СССР обретают независимость, курды Турции решили, что пришел и их черед», – писала в

начале 1992 года «Нью-Йорк Таймс» [113, 30.03.1992]. Другим немаловажным фактором является актуализация национальной идентичности как фактора объединения ряда стран: объединение Германии в Европе и Йемена в Азии, общая тенденция к интеграции в Европе могла бы стать своеобразным стимулом общекурдской мобилизации, к поиску компромиссного политического решения о будущем страны.

Не секрет – и это мы увидим ниже, – что у ведущих сил национального движения в Турецком Курдистане (ни у СПТК, ни у ПКК) не было достаточно продуманной концепции будущего административного или государственного устройства Курдистана. В целом можно сказать, что национальный фактор в мире реализовывался в контексте как центробежных, так и центростремительных тенденций. Возможно, что для курдов не существовало условий ни для одного из подобных вариантов: любые разговоры об отделении на корню пресекались как в Турции, так и в сопредельных странах: Сирии, Иране и Ираке. С другой стороны, создание национального государства курдов было невозможно и по другим причинам: слишком разительны были противоречия во взглядах политических курдских элит в этих странах, их идеологии были если не взаимоисключающими, то весьма противоречивыми. То же самое касалось и методов политической борьбы, социально-экономических факторов в регионах проживания курдов. Таким образом, автономия или членство в составе федеративного государства стали в 90-е годы основным требованием курдских политических организаций в Турции. Вторым внешним фактором стала проблема курдских беженцев из Ирака. Как следствие, курдский вопрос в целом приобрел международную значимость. Об «исходе» курдов заговорил весь мир, а ряд западных правозащитных организаций стал все чаще обращать свой взор на проблему нарушения прав человека на юго-востоке Турции.

Но были и внутренние факторы актуализации курдской проблемы в Турции. Демократизация страны, пришедшая на смену авторитарной власти военных, ставила все более широкие задачи в деле решения курдской проблемы, в том числе и политического характера, несмотря на то, что консервативная часть политической элиты Турции выступала за жесткое подавление любых сепаратистских тенденций в среде курдов.

В марте 1989 года правящая Партия Отечества потерпела серьезное поражение на выборах в местные органы власти. За

этим последовала отставка главы МИДа Турции Месута Йылмаза – одного из авторитетнейших политиков ПО, чью отставку связывают с желанием дистанцироваться от непопулярного руководства. Для привлечения поддержки вооруженных сил и националистически настроенного электората Партия Отечества решила ужесточить свою позицию в отношении юго-востока. Косвенным подтверждением тому, уже после избрания лидера ПО Тургута Озала президентом (ноябрь 1989), стало назначение на пост премьер-министра бывшего министра внутренних дел Йылдырыма Акбулута, сторонника жестких силовых мер давления на сепаратистов.

На состоявшемся в марте 1990 года заседании Совета Акбулут заявил, что принято решение «отвечать оружием на оружие» [93, 29.03.1990]. Подобные меры заставляют предположить, что правительство по-прежнему предпочитало разговаривать с курдами на языке пушек, признавая политическую несостоятельность мирного диалога с PKK.

При этом не следует сбрасывать со счетов и рост популярности PKK среди населения юго-востока, расширение ее социальной базы за счет радикальных популистских идей. Вот что писал директор Курдского института в Париже Кендал Незан: «PKK переживает сейчас (...) период подъема... Именно вооруженной борьбе партия обязана своим выживанием. Несмотря на крах коммунистической системы, эта партия, возникшая благодаря необычному сочетанию турецкого варианта сталинского мессианства и революционных методов некоторых палестинских группировок, оказалась на редкость живучей [110, 09.1991].»

Начало девяностых ознаменовалось ростом курдских выступлений, акций протеста в районах их проживания, причем не только под флагом PKK. Образовывалось большое количество курдских партий, радикальные лозунги которых не могли не беспокоить правительство. Широкий размах приобретали публичные выступления курдов, не состоящих в PKK или других политических партиях, но негативно настроенных против властей. При этом складывалось впечатление, что конфликт все отчетливее приобретал характеристики открытого межэтнического противостояния. Автор передовиц в стамбульской газете «Тюрьки» Алтемур Килич писал: «То, что некогда было региональной проблемой на юго-востоке, быстро перерастает в общий турецко-курдский конфликт, который может достичь

немыслимых прежде размеров фактической гражданской войны» [128, 10.11.1992].

Психологическая кампания властей на тему об «угрозе сепаратизма», а также попытки всеми силами выставить ПКК как партию террористическую, клеймя ее сторонников, а также тех, кто требует прав для курдов, как «предателей страны», стали в конечном итоге приносить результаты, прямо противоположные ожидаемым. Демократические же начинания в вопросе признания прав курдов, способные ослабить вооруженный конфликт, все еще оставались недостаточными. Кендал Незан в цитированной выше статье продолжает: «Турция разрывается между своими авторитарными традициями и стремлением все более широких слоев общества к демократии, между желанием представить своим западным союзникам демократический фасад и страхом, что подлинная плюралистическая демократия приведет к усилению курдского национализма... Несмотря на косметический ремонт своего фасада, турецкая демократия после нескольких лет военной диктатуры все еще гораздо ближе к пакистанскому и южнокорейскому вариантам» [110, 09.1991].

Тот же Кендал Незан в 1993 году в газете «Либерасьон» выразил мнение, что «курдская драма в Турции – сложное переплетение обстоятельств, которое рано или поздно может привести к войне между Турцией и Ираком, или между Ираком и Сирией, к появлению действительного курдского национализма, рожденного отчаянием... К падению Турции в бездну новой военной диктатуры или к торжеству – в Турции или в Курдистане – религиозного фундаментализма, распространяемого сейчас в курдской среде турецкими властями в качестве противоядия против национализма» [цит. по: 76, № 209, с. 41].

Усиление военных действий и конфликтной ситуации в целом влияло на отказ многих государственных служащих и даже военных работать в регионе. Турецкий журнал «Темпо» писал, что многие государственные служащие, несмотря на привлекательную надбавку к зарплате, всеми силами стремятся покинуть Юго-Восточную Анатолию [124, 08.09.1992]. Становилось очевидным, что необходимы были новые меры в национальной политике.

Усиливалось и внешнее давление на Турцию. Так, в мае 1990 года Европейский парламент принял резолюцию, которая осуждала терроризм в Турции, но в то же время содержала

упреки в адрес правительства за невнимание к политическим, культурным и общественным правам курдов. Конференция по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) на встрече в июне 1990 года в Копенгагене приняла декларацию № 10, которая начинается тезисом о том, что все «вопросы, имеющие отношение к национальным меньшинствам, могут удовлетворительно решаться только в демократической политической системе, базирующейся на законе.» Далее в декларации подверглась критике позиция Турции – страны, участвующей в СБСЕ. В ноябре 1990 года делегация Турции приняла участие в парижском заседании ОБСЕ. В итоговой декларации заседания говорится, что страны-участницы обязуются защищать и уважать этнические, культурные и религиозные особенности проживающих на территории государства национальных меньшинств, представители которых обладают свободой слова и имеют право развивать свою идентичность в условиях равенства всех граждан перед законом».

С другой стороны, турецкое правительство добилось некоторого успеха в изображении PKK отъявленными террористами, и это возымело действие на европейских парламентариев. Однако многие из них признавали необходимость начала конструктивного диалога властей с повстанцами.

Итак, изменившиеся внешнеполитические условия, давление ряда международных организаций и критика либеральной оппозиции вынуждают правительство пойти на ряд мер по признанию культурных и политических прав курдов. Заметим, однако, что государство старательно избегало каких-либо увязок процесса либерализации с деятельностью PKK или любых других экстремистских организаций.

В июле 1990 года Социал-демократическая народническая партия подготовила в меджлисе доклад о ситуации на юго-востоке страны. В докладе напрямую указывались три необходимых условия снятия напряженности в курдском регионе – это снятие запрета с использования курдского языка, прекращение режима чрезвычайного положения и отмена системы «сельских стражей» [125, 1990, № 11, с. 11–15]. В докладе говорилось, что «система «сельских стражей» разжигает локальные конфликты в обществе, вынуждает людей выбирать: либо вы с властью, либо против нее, и таким образом способствует расширению подозрительности среди населения». Как сообща-

лось, лидер СДП Эрдал Иненю просил Озала «принять хотя бы одну из этих мер, чтобы не допустить социальной катастрофы на юго-востоке» [109, 30.01.1991]. Это была первая попытка официальных кругов Турции конструктивно и комплексно подойти к проблеме юго-востока, не прибегая к помощи военных. Однако предложения, высказанные в «Отчете о Юго-Восточной Анатолии» СДП были недостаточными для того, чтобы разрядить обстановку в этом регионе. Вот что писал в этой связи французский ежемесячник «Монд дипломатик»: «Этот весьма робкий план не удовлетворяет ни курдов, ни, судя по всему, турецкую военную верхушку, которая с давних пор считала себя хозяйкой республики, хранительницей ее исходной идеологии – кемализма, в конечном счете определяла политику Турции» [110, 09. 1991]. Как мы увидим ниже, все политические партии страны в той или иной мере соизмеряли свои решения по курдскому вопросу с мнением военных, чье право вмешиваться в политику и принимать решения на уровне Совета национальной безопасности, которому фактически был подотчетен премьер-министр, было закреплено конституцией.

Социал-демократы также стремились не допустить в свой адрес каких-либо возможных упреков в поддержке курдского национализма. В феврале 1989 года депутат СДП от провинции Малатья был исключен из партии за высказывания в поддержку культурной автономии Курдистана. Та же участь постигла и семерых курдов из числа СДП, которые приняли участие в ноябре 1989 г. в парижской конференции по правам курдов.

С другой стороны, можно с уверенностью сказать, что в спектре легальных политических партий начала девяностых годов СДП оставалась наиболее лояльной к курдам политической организацией. Сопредседатель правительственной коалиции, пришедшей к власти в ноябре 1991 года, лидер СДП Эрдал Иненю первым заговорил о необходимости пересмотра отношений центра с курдской периферией. Еще в 1988 году депутат от социал-демократов Мехмет Али Эрен заявил в меджлисе, что курдский вопрос – одна из самых болевых точек турецкого общества, и поэтому необходимо обсудить эту проблему, ибо курдов подвергают политической и экономической дискриминации. Пожалуй, это наиболее точное выражение позиции СДП в отношении курдского вопроса: социал-демократы выступали за приоритет политических и экономических мер решения конфликта.

Их действия во многом были затруднены правоцентристским крылом правительства в лице Партии Верного пути и, возможно, вызывали недовольство у турецкого генералитета.

В начале 1991 года президент Озал предложил к рассмотрению в парламенте пакет документов, которые во многом были основаны на докладе комиссии социал-демократов. Предполагалась отмена запрета на пользование курдским языком в стране. То же самое касалось и прослушивания курдской музыки. При этом оставался в силе запрет на использование курдского языка в официальных документах, в обучении в школах, публикациях и радиопередачах. По сути, проект предусматривал снятие запрета только с устного использования курдского языка [126, 1991, Vol. 5, № 1, с. 2].

4 декабря 1990 года Высшее национальное собрание Турции сформировало парламентскую комиссию по изучению прав человека, чтобы привести «правовые нормы Турецкой республики в соответствие с требованиями европейских правовых комитетов», что во многом было вызвано подписанием в ноябре Парижской хартии ОБСЕ. Однако эти меры не могли, на наш взгляд, снять остроту курдского вопроса. Тем более, что «косметический» пересмотр позиций властей совмещался с мерами по ужесточению репрессий против инакомыслия.

Это вынудило правительство уже в том же 1991 году предложить меджлису ряд поправок к конституции, а также к новому антитеррористическому закону (см. ниже). Так, в ноябре ВНСТ одобрило программу правительства по демократизации. Предполагалось внести изменения в конституцию, пересмотреть Уголовный кодекс и закон о терроризме, а также удалить законодательные препятствия этнической, культурной и языковой идентичности курдов [109, 04.12.1991]. В подтверждение своих намерений правительство в том же месяце закрыло тюрьму для политзаключенных в Эскишехире. Тогда же премьер-министр Сулейман Демирель заявил, что «турецкому государству теперь придется считаться с курдской реальностью» [7, 10.1994, с. 7].

На первый взгляд, складывалось впечатление, что «новая курдская политика» Озала отличалась непоследовательностью и незавершенностью. Демократические начинания, такие как легализация курдского языка, проводились на фоне явно реакционных мер, цель которых – нейтрализовать наиболее радикальные элементы в среде курдов, в первую очередь ПКК. Процесс этот проходил по следующим основным направлени-

ям: создание прочной юридической основы, предотвращающей терроризм; военные мероприятия против повстанцев, включая рейды на сопредельную территорию Ирака, массовая депортация населения деревень юго-востока с целью воспрепятствовать поддержке ПКК; поиск внешних союзников в борьбе против апочистов.

В это время правительство провело несколько законодательных инициатив, направленных против радикалов среди курдов. Согласно закону № 413 (взамен старого закона № 424), принятому меджлисом в апреле 1990 года, губернатор девяти курдских регионов, в которых действовал режим чрезвычайного положения, получал широкие полномочия в принятии решений, которые обычно находились в ведении министерства внутренних дел. В частности, он имел право налагать запрет на периодические издания и отказывать в возвращении на места прежнего поселения тем, кто считался политически неблагонадежным [61, с. 40].

Одной из радикальных мер, направленных против деятельности курдских повстанцев, является принятие 12 апреля 1991 года «Закона о терроризме» № 3713. Многие статьи, касающиеся пропаганды сепаратизма и изъятые в свое время из Уголовного кодекса (№№ 140, 141, 142, 163), были снова включены в этот закон.

Весьма интересны определения терроризма, которые даются здесь. Закон состоит из 22 статей. В статье 1 сказано: «Любая угроза, направленная на расчленение нации и народа объявляется терроризмом».

Уже с первых строк становится ясно, что в отличие от классического определения, когда в отношении терроризма речь идет о политической стратегии групп, не связанных с властью и стремящихся к свержению существующего политического строя путем целенаправленного применения силы [33, с. 119], в турецком законе понятие «сепаратизм» по сути трактуется как «терроризм», и при этом становится очевидна его направленность против радикальных групп курдов, в первую очередь ПКК. Это подтверждает и вторая статья закона: «Любой член организации, ставящей цели расчленения страны и народа, считается террористом». Статьи 3 и 4 касаются пропаганды целей сепаратистских групп и являются идентичными статье 125 Уголовного кодекса страны. Острую дискуссию в обществе и правительственных кругах вызвали статьи 7 и 8

нового закона. В седьмой статье сказано, что «совершение противозаконного действия от имени террористической организации, не являясь членом этой организации, также рассматривается, как терроризм». Статья 8 называется «О террористической пропаганде». Согласно этому положению, строгая уголовная ответственность (до восьми лет заключения) предусматривается «за любые формы устной и печатной пропаганды, направленной на разрушение единства нации» [118, 13.04.1991]. Под эту статью, таким образом, попадали любые формы дискуссий о будущем Курдистана кроме как в составе унитарной Турции. Сюда же следует отнести и идеи о федеративном устройстве. Как видно, новый антитеррористический закон интерпретировал террористическую деятельность весьма широко и неоднозначно.

Так, 1 августа 1991 года по обвинению в нарушении этого закона был арестован социолог Исмаил Бешикчи после публикации своей работы «Вынужденные переселения курдов», за которую он был уже упрятан в тюрьму еще в 1978 году по статье 142 УК Турции («пропаганда сепаратизма»). До этого Бешикчи уже провел 11 лет за решеткой за свои публикации. Общий же срок его приговоров составил 67 лет заключения. При этом 27 из опубликованных его 31 работы были конфискованы.

В антитеррористическом законе ясно прослеживалась верность правительства курсу на продолжение политики ассимиляции курдов.

1990–1993.

Признание курдского фактора в Турции и создание первой легальной курдской партии

Волна террора в Турции в 1991–1992 гг. приобрела угрожающие масштабы, казалось, что начинает повторяться процесс общественной дестабилизации конца семидесятых, который и привел к перевороту. Однако если тогда террористические организации представляли довольно широкий спектр всевозможных левацких группировок, то в начале девяностых основной террористической организацией в Турции стала ПКК, которая как никогда чувствовала теперь свою силу.

По сравнению с 80-ми годами в начале девяностых в Турции резко выросло число радикальных левацких группи-

ровок, в том числе маоистского и троцкистского толка, при этом большинство из них в той или степени были связаны с ПКК либо с крупными левыми партиями Турции (например, Союз коммунистов Курдистана (СКК), Трудовая партия Курдистана и др.).

Тем не менее организацией с наиболее значительным в регионе мобилизационным потенциалом и основной движущей силой курдского сопротивления оставалась Партия рабочих Курдистана. Например, в 1993 году деятельность ПКК, не без давления турецкого правительства, была запрещена в Германии. Однако в ряде заявлений Оджалана в мае 1993 года указывалось, что после запрета число сторонников ПКК в Германии выросло с 7 до 11 тыс. человек, а общий мобилизационный потенциал составляет 50 тыс., то есть около 10% от всей живущей в Германии курдской диаспоры.

При этом Партии рабочих Курдистана удалось привлечь еще и внимание общественности в Европе к «жестокости и бескомпромиссности турецких властей», которую в партийных документах до сих пор называли «фашистской хунтой». Нельзя при этом сбрасывать со счетов и поддержку ПКК сопредельных государств, в первую очередь Сирии.

15 мая 1991 года в столкновении сил безопасности и ПКК погибли 60 человек: 20 военных и 40 курдов. Всего с 1991 по январь 1992 г. ПКК были убиты 52 сотрудника служб безопасности [108, 29.03.1992].

10 июня 1992 г. боевики остановили автобус и расстреляли 13 пассажиров, большая часть которых были местными функционерами Партии Благоденствия [86, 11.06.1992]. В августе была проведена атака в районе горёда Шемдёнли на границе с Ираном (апочисты потеряли убитыми 43 человека, армия – 10) [86, 22.08.1992]. В сентябре в этом же районе ПКК потеряла 200 человек убитыми. В конце сентября 1992 г. более 500 боевиков проникли на территорию Турции из Ирака и напали на жандармский участок в Хакяри. В ноябре была обстреляна машина мэра Диярбакыра. Подобные террористические акты вынуждали Совет национальной безопасности дважды в 1992 году продлевать чрезвычайное положение в десяти курдских вилайетах.

Власти опасались, что курдский экстремизм может спровоцировать ответный турецкий национализм. Чтобы не допустить этого, власти отделяли проблему ПКК от национальных про-

блем юго-востока. Озал даже предлагал объявить амнистию партизанам, если они откажутся от насилия. С целью эффективности борьбы с террором премьер-министр Демирель, в свою очередь, предлагал подчинить начальника Генерального штаба непосредственно министру обороны, а во главе разведки поставить гражданское лицо.

В августе состоялось заседание Совета национальной безопасности под председательством Озала. Чрезвычайное положение на юго-востоке было продлено еще на четыре месяца. Озал заявил, что государство прибегнет к любым законным средствам для борьбы с терроризмом. В итоговом документе отмечалась необходимость преследования террористических организаций как на территории Турции, так и за ее пределами [108, 28.08.1991]. При этом президент подчеркивал, что нельзя ограничиваться только военными методами. «Надо предпринимать смелые шаги для привлечения населения на свою сторону. Надо начать телевизионные передачи на курдском языке, открыть школы... При этом необходимо помнить, что борьба с террором – долгое явление. Противник должен знать, что Турция не отступится, даже если на это уйдет сто лет.» [108, 19.08.1991]. Озал упоминал о важности принятия мер по ликвидации идейных основ сепаратизма. Для этого надо предоставить курдам право свободно высказываться.

В 1991 году наплыв беженцев из Ирака способствовал рассредоточению боевиков ПКК на территории Восточной Анатолии. Вот что писала в этой связи турецкая пресса: «Меры безопасности властей не сработали. Военное руководство считает, что оно опоздало, создавая сеть армейских постов и пунктов. Результаты последних операций имеют чисто психологический эффект... Национальная разведывательная организация (МИТ) не располагает соответствующей информацией о деятельности боевиков. Может ли регулярная армия успешно бороться с партизанами, которые имеют поддержку у населения?.. Военные заявляют: дайте нам хоть на время отменить демократию и принять нужные меры» [108, 21.11.1991].

Особенности складывающейся политической ситуации заставили Анкару активизировать как военные, так и дипломатические рычаги давления на движение, возглавляемое Оджаланом.

Создание де-факто курдского управления в северных провинциях Ирака в конце 1991 года стало причиной постоянного беспокойства Анкары. Многие в правительстве имели вполне

конкретные опасения, что пример северного Ирака создаст политический прецедент, которым воспользуются и турецкие курды. Поэтому, предоставляя, с одной стороны, убежище курдским беженцам из Ирака, правительство проводило политику, нацеленную на то, чтобы воспрепятствовать возможному политическому альянсу между курдами двух стран.

Когда Национальный совет Иракского Курдистана провозгласил в октябре 1992 года необходимость федеративного устройства государства, премьер-министр Турции Демирель прокомментировал этот тезис следующим образом: «Это шаг на пути отделения и создания независимого государства» [127, 10.10.1992].

Курдская автономия в Ираке рассматривалась как плацдарм для создания на ее территории новых лагерей Партии рабочих Курдистана. Это послужило формальным поводом к тому, что в 1991 году турецкая армия начала серию масштабных военных операций против боевиков PKK, находящихся на Севере Ирака. 5 августа в разгар встречи в Стамбуле министров иностранных дел стран-членов Организации Исламская конференция турецкое правительство решило бросить свою армию в Иракский Курдистан с целью «раз и навсегда уничтожить учебные лагеря апочистов». Однако это сделать не удалось, рейды турецкой армии вглубь Ирака продолжались на протяжении пяти лет.

Несмотря на определенную внутреннюю нестабильность в жизни Турции в начале 90-х годов XX века продолжался процесс формирования гражданского общества. Под неусыпным оком военных страна постепенно переходила к многопартийной системе. Создавалось большое количество политических партий и движений, подавляющее большинство из которых не представляли из себя значительных политических сил. Наибольшей поддержкой населения в этот период пользовались крупные партии, такие как Партия Отечества (лидер Тургут Озал, после избрания его в 1989 г. президентом, руководить партией стал Месут Йылмаз), Социал-демократическая партия (лидер Эрдал Иненю) и правоцентристская партия Верного пути, возглавляемая Сулейманом Демирелем.

Приведение курдских умеренных националистов в большую политику было одной из основных «политических миссий» социал-демократов, которые в своих политических документах с конца 80-х развивали идею политического урегулирования

курдского вопроса путем создания легальной политической оппозиции этнического меньшинства, руководствуясь опытом таких стран, как Испания, Великобритания, а также решения вопросов социального характера на юго-востоке.

В девяностые годы правительство активно проводило политику по укрупнению деревень юго-востока, а также переселению жителей в центральные и западные районы страны. Подразумевалось, что такая политика будет иметь двойной эффект: с одной стороны, PKK лишится поддержки из числа местных жителей, с другой стороны, будет форсирован процесс национальной ассимиляции курдов, проживающих на юго-востоке. При этом экономическая отсталость региона и насилие боевиков рассматривались в качестве дополнительного стимула для «исхода» курдов в Центральную Анатолию.

Напомним, что значительная часть курдского населения вынуждена была покинуть юго-восточные районы и переселиться на запад страны. Курды, переселившиеся в основном в силу экономических причин в западные районы, уже в течение нескольких поколений встречаются в таких городах, как Стамбул, Измир. Некоторые из них неплохо там устроились, но, как правило, не хотят терять своего национального лица.

Именно президент Озал предложил в начале девяностых содействовать миграции курдов на запад страны: «Интеграция турецкого общества прошла длинный путь, но она должна продолжаться... Курды в Турции – в отличие от того, что происходит в Югославии, – исповедуют ту же религию, что и другие турки. Налицо огромная степень интеграции двух групп. С 1950-х годов эти люди направляются в западные районы. Сейчас примерно 65% (?! – здесь и далее курсив мой. К.В.) этнических курдов проживает западнее Анкары, интегрируясь с остальным населением. Сегодня курды не меньшинство, а важная часть турецкого общества. В ближайшие 10 лет, по нашим оценкам, 85% курдов будут жить западнее Анкары» [128, 10.11.1992].

По сообщению западных СМИ, за первые четыре года девяностых годов около 2 миллионов курдов вынуждены были покинуть места своего проживания либо были силой выселены в другие районы в целях безопасности. Согласно данным Центра беженцев и поселений, расположенного в Голландии, при-

мерно 1,7 млн. курдов были переселены за два года с 1992 по 1994 [21, 09.1994].

По данным наблюдателей комиссии по правам человека, большинство этих переселенцев были вынуждены покинуть свои жилища под давлением сил государственной безопасности. При этом отмечается, что основной причиной переселений послужили отказы присоединиться к дружинам «сельских стражей», давление властей, а также террор PKK [7, с. 11].

Один западный журналист описывал подобные переселения как «возмутительные»: «Как было объявлено, население около 800 деревень под давлением правительства было перемещено в другие районы, либо с целью укрупнения сосредотачивалось в одном населенном пункте. В результате этих акций население Диярбакыра выросло с 450 тыс. в 1990 году до 1 миллиона к настоящему времени (1994 г.), в то время как древний город Джизре на реке Тигр лишился двух третей своего семидесятитысячного населения [111, 30.05.1994].

По данным Би-би-си, «город Джизре – почти мертвый город, население которого вот уже два года борется с голодом и живет в постоянном страхе. Большинство предприятий в нем закрыты, школы наполовину пустые... если Джизре – пример победы государства над терроризмом, тогда не удивляет, что люди здесь поддерживают PKK» [83, 26.05.1994].

По данным правозащитных организаций, всего с 1990 г. по август 1997 г. с юго-востока было полностью эвакуировано 3185 деревень и населенных пунктов, при этом 87% перемещенных деревенских жителей живут ниже официального в Турции уровня бедности [136, № 70, 01.08.1997].

Население деревень, взяв с собой лишь самые необходимые вещи, чаще всего перемещалось в крупные города Юго-востока или Запада Турции. Поэтому для Востока Турции характерен сейчас небывалый рост населения крупных городов: «Численность жителей Мерсина за последние пять-шесть лет увеличилась почти вдвое, Сиирт, чье население в 1989 году составляло 70 тыс., сейчас (1994 г.) составляет 130 тыс. человек» [7, с. 10].

Переселение курдов в крупные города создавало обстановку социальной нестабильности. По мере активизации боевиков на Востоке и гибели турецких военных в городах нередко происходили антикурдские митинги – чаще всего во время похорон жертв войны. Эскалации межэтнической неприязни спо-

собствовал и террор боевиков PKK в крупных мегаполисах страны [126, Vol. 6, № 6, 12.1992, с. 31].

По мнению комиссии по правам этнических меньшинств, эта преднамеренная политика обезлюдения «областей восстания» привела к нежелательным для правительства результатам, еще больше усиливая поддержку PKK населением региона: Государственные репрессии в Турции вынуждают население поддерживать деятельность сепаратистов [61, с. 41].

А вот что писала лондонская «Гардиан»: «Когда апочисты начали боевые действия, в их составе было около 200 боевиков, сейчас (1994 г.) эта цифра выросла до 10 тысяч, причем не только мужчин, но и женщин [91, 23. 06.1994].

Взгляды социалистов в отношении курдского вопроса частично разделял президент Озал. В начале 1992 года он выступил с предложением создания курдского телевидения в Турции, против чего категорически выступил премьер Демирель. При Озале социалисты пользовались покровительством президента и поэтому могли с большей или меньшей степенью свободы подготавливать почву для определенных преобразований в сфере межэтнических отношений.

После победы на октябрьских выборах 1991 года, на которых СДП выступила коалицией с новой прокурдской Народной трудовой партией, социалисты продолжали проводить эту политику, однако действия социалистов во многом были затруднены правоцентристским крылом правительства в лице Партии Верного пути и, возможно, вызывали недовольство у турецкого генералитета.

В этот период правительство предпринимало весьма осторожные попытки выйти на контакт с Оджаланом. В качестве возможных посредников рассматривались лидеры иракских курдов, с которыми Анкара заметно активизировала свои отношения. Например, в ноябре 1991 года Талабани сделал следующее заявление: «Я намерен обратиться к Оджалану с требованием прекратить бессмысленную войну. Мое впечатление таково, что если г-н Оджалан изложит свои взгляды умеренным и обоснованным образом, то сможет воздействовать как на общественное мнение, так и на турецкие власти» [86, 02.11.1991].

Несомненно, наиболее значительным шагом в деле урегулирования конфликта могла стать легализация курдской оппозиции, которая представляла бы интересы курдов в меджлисе. Ведь формально курды, подобно всем гражданам страны,

имеют право вступать в любые легальные политические партии и движения. Однако до недавнего времени на политической сцене Турции не существовало легальных политических партий, выступающих от имени курдов Турции. Однако власти осознавали опасность того, что политическая партия курдов, если такая образуется, в той или иной степени будет соизмерять свои действия с нелегальной PKK, если не находится в прямой связи с этой террористической организацией. Подобная трактовка целей политической партии в Турции была просто невысказана в период авторитарного правления генералов, уже сейчас готовых совершить новый переворот, лишь бы не допустить эскалации беспорядков.

Легализация курдских партий поставила бы правящие элиты перед непростой проблемой. Скромные реформы в начале девяностых годов были призваны смягчить недовольство курдов. Реформы же в политической сфере, и тем более, ввод представителей курдских национальных партий в состав меджлиса означал бы фактическое признание курдов как отдельного от турок этнического сообщества, что могло спровоцировать нежелательные для Анкары центробежные тенденции. В таком случае возникла бы необходимость изменения Конституции.

Для целей такой «превентивной» легализации оппозиции с целью создания представительства курдов в парламенте ряд членов СДП (в основном курды) весной 1990 года перед выборами в местные органы власти создали Народную трудовую партию (НТП, турецкая аббревиатура – НЕР), ставшую первой в истории Турции легальной политической организацией курдов. Костяк партии составляли депутаты, покинувшие Социал-демократическую партию Эрдала Иненю и намеревавшиеся создать партию с «более левым уклоном». При распределении постов указывалось, что «председателем партии должен быть турок, а генеральным секретарем – курд» [65, с. 104]. Вхождение в большую политику для НТП было осложнено: попытка официально зарегистрироваться для участия в выборах была отклонена Конституционным судом, который сослался на статьи конституции и закона о партиях, усмотрев в НТП попытку создания этнической партии курдов. Тем более опасным становилось создание такой партии в условиях осложнения ситуации на юго-востоке: в конце весны 1990 г. там постоянно происходили массовые столкновения курдских активистов и демонстрантов с полицией и военными.

7 июня 1990 с назначением руководящих лиц было объявлено о создании новой партии. Интересно отметить, что первоначально НТП не задумывалась, как исключительно курдская партия. Как и предполагалось, председателем партии стал турок (Фехми Ышиклар), а генеральным секретарем курд (Ибрагим Аксой). НТП объявлялась организацией на широкой представительской основе, которая следует умеренным политическим курсом и помимо прочего выступает за увеличение прав курдов и отмену чрезвычайного положения на юго-востоке. По сути, это была партия социал-демократического толка, что создавало устойчивую основу для альянса с СДП. Под петицией о создании партии поставили подписи 77 человек, из которых 11 были бывшими депутатами парламента от СДП. Позднее к ним примкнул также и независимый депутат Махмут Алынак. Таким образом, 11 из 19 депутатов, вышедших из состава СДП, создали новую левую партию.

Сразу же после создания наиболее радикальные представители курдов обвиняли партию в том, что она пошла на сговор с режимом и вообще, была создана по инициативе Тургута Озала, желавшего таким образом создать умеренную курдскую оппозицию, стоящую на социал-демократических позициях. Однако если брать во внимание последовавшие репрессии в отношении НТП со стороны властей, тезис о том, что создание партии было инициировано сверху, кажется маловероятным.

Поражение на выборах 1991 года Партии Отечества, которую в свое время возглавлял сам Озал, не повлияло на курс правительства по постепенному признанию культурных прав курдов. Пришедшая к власти коалиция, возглавляемая Сулейманом Демирелем и Эрдалом Иненю, представляла собой компромисс между консерваторами и социал-демократами. В документе о создании коалиции содержались обещания обеспечения прав человека в соответствии с решениями комиссий ОБСЕ, развития культурных и политических свобод всех граждан страны, подчеркивалась необходимость контроля за соблюдением этих прав в условиях чрезвычайного положения на юго-востоке. Коалиция дала обязательства пересмотреть антитеррористический закон. При этом в документе отсутствовала выработанная программа реформ, не было упоминания о диалоге с законно избранными представителями курдских политических элит на юго-востоке, а слово «курды» там вообще не упоминалось.

Американский дипломат Эрик Аверби замечает, что создавалось впечатление нежизнеспособности новой правительственной коалиции, которая состояла из представителей таких разных сил, как Партия верного пути и СДП. Эта коалиция ограничилась лишь принятием абстрактных установок в деле демократизации отношений с курдами [138, б.с].

Следует отметить, что на период, когда была создана НТП, приходится резкая активизация апочистов в юго-восточных провинциях Турции. Достаточно сказать, что некоторые города на юго-востоке страны, такие как Джизре, Нусайбин, Лидже, Кулп, полностью находились под контролем ПКК, будучи так называемыми «освобожденными зонами» [65, стр. 109]. Поэтому вполне естественно предположить, что часть курдских националистов, имевшая связи с ПКК, выступавшая за легальное разрешение курдского вопроса и несогласная с тактикой террора, проводимого апочистами, решила создать официальную политическую партию курдов. Именно тезис о «наличии органических связей с ПКК», весьма труднодоказуемый, в дальнейшем станет причиной их политического преследования.

В официальной прессе того времени о создании НТП не было сказано ни слова. Исполнительному комитету партии было запрещено собираться на митинг в Стамбуле, но после разбирательств проведение митингов было разрешено в Диярбакыре, а также в ряде других городов юго-востока. В Батмане, например, в политическом митинге НТП приняли участие около 10 тыс. человек. Одним из основных лозунгов, нашедший самый широкий отклик на Юго-востоке, было недопущение втягивания Турции в войну против Ирака, осуществляемую американцами операцию «Буря в пустыне». Ввиду недостаточного внимания прессы к новой партии сторонники НТП шли на неформальные методы политической агитации, например, активно участвуя в возрождении Навруза – весьма почитаемого в курдской среде традиционного мартовского празднования нового года.

Начиная с 1991 года мартовские праздники стали совмещаться с политической агитацией НТП. Впервые такое мероприятие было организовано в Стамбуле в марте 1991 года в спорткомплексе Абди Ипекчи, в котором приняли участие около 15 тыс. человек. После этого новая партия все чаще стала употребляться в прессе с приставкой «прокурдская». По

мере того, как росла популярность НТП в среде курдов, ее постепенно покидали турецкие члены. Так, партию покинул ее представитель в Стамбуле Кенан Сонмез, а позднее – представитель Аданы Джунейт Джанвер.

8–9 июня 1991 года в Анкаре состоялся первый очередной съезд НТП. Во время его открытия делегаты отказались исполнять гимн Турции, что является обязательным для политических партий. Курдский вопрос был основным на повестке дня, а принятое коммюнике по решениям съезда, в котором внутренняя политика Турции называлась «шовинистической и расистской», было выдержано в очень резких тонах.

5 июня был похищен неизвестными лицами, а затем убит руководитель отделения НТП в Диярбакыре Ведат Айдын. Его похороны, в которых приняли участие около 40 тыс. человек, вылились в столкновения с силами правопорядка, в результате которых 6 (по другим сведениям 14) демонстрантов были убиты и 119 ранены [126, Vol. 5, № 4, 08.1991, с. 21].

Обстановка накалялась не только на юго-востоке Турции. Убийство Айдына, а также события во время его похорон спровоцировали реакцию курдов не только в Турции, но и в Европе. На следующий день в Германии, Швеции, Греции были совершены нападения на представительства турецкой национальной авиакомпании. Более того, в Осло и Лондоне демонстранты забросали посольства Турции камнями, а эти события были показаны по каналу CNN. В опубликованной в газете «Йени Юльке» статье были приведены слова лидера ПКК о том, что «подобные события только на руку апочистам: «Если же НТП будет запрещена, то мы от этого выиграем еще больше. Время буржуазных партий в Курдистане давно закончилось. Здесь не осталось места для каких-то политических споров» [132, № 45, 1–7.09.1991].

В этих условиях на октябрь 1991 года были назначены внеочередные парламентские выборы. Власти стремились демократизировать систему парламентских выборов, сделать их более представительными. Следует отметить, что в тот период в Турции были только три партии, имевшие шансы попасть в парламент – Партия Отечества, которую до избрания на пост президента возглавлял сам Озал, Социал-демократическая партия Эрдала Иненю и Партия Верного пути. Из представителей этих трех партий была создана специальная комиссия, призванная разработать новое избирательное законодательство. Было предложено снизить избирательный возраст до 18

лет и увеличить количество депутатов меджлиса до 600 человек. В выборах могла принять участие политическая партия, созданная и проведшая свой первый съезд не менее чем за 6 месяцев до даты выборов (20 октября 1991 г.) и имеющая свои представительства в половине всех турецких провинций. Несмотря на то, что представительства НТП были созданы более чем в половине илах Турции, формально она не могла принять участие в выборах, поскольку ее первый съезд был проведен 8–9 июня 1991 года, то есть менее чем за 6 месяцев до назначенной даты.

В этих условиях Социал-демократическая партия Турции заключила избирательный политический союз с Народной трудовой партией, а сама с этого момента стала именоваться Социал-демократической народнической партией. (СДНП). В октябре 1991 года члены НТП вошли в состав СДНП для участия во всеобщих парламентских выборах и составили в итоге около 25% депутатов социал-демократического блока.

При этом становится очевидным, что СДНП шла на определенный риск, включив в свои бюллетени представителей опального политического движения. Позиция СДНП, решившейся пойти на альянс с курдами, может быть объяснена партийными интересами: после того, как в 1989 году несколько членов СДНП были исключены из рядов партии за участие в съезде курдов, организованном Парижским курдским институтом, социал-демократы резко потеряли популярность на юго-востоке. Альянс с прокурдской партией помог бы им повысить свой рейтинг в регионе, что собственно и произошло: благодаря СДНП представители умеренной курдской партии заняли депутатские кресла в меджлисе. Участие кандидатов курдской партии в выборах водушевило многих курдов, вызвало в их среде интерес к политическому участию в жизни страны. Так, газета «Хюрриет» сообщает, что 15 октября депутат от СДНП-НТП Орхан Доган, «совершая предвыборную поездку по вилайету Ширнак, был встречен курдами выстрелами в воздух, что является здесь традиционной формой проявления радости» [93, 20.10.1991]. Особо следует подчеркнуть, что СДНП предоставила НТП право единолично, без консультации, назначать своих кандидатов в депутаты. Как отмечала в июне 1992 года «Джумхуриет», «возможно, это было их тактической ошибкой, поскольку в парламенте оказались как умеренные, так и радикальные курды» [86, 17.06.1992]. Опасения у властей вызывали возможные связи

членов НТП с апочистами, несмотря на заверения одного из первых лиц НТП Феридуна Язара, сделанные в меджлисе: «Мы осуждаем терроризм независимо от того, кто его проводит: государство или курды» [86, 17.06.1992].

Итак, весьма осторожная легализация курдской оппозиции зародила надежду, что курдский вопрос может быть решен политическим путем на основе участия в деятельности парламента депутатов, представляющих интересы курдов.

Члены НТП получили 18 мандатов в парламенте. Среди депутатов собственно от СДНП также были четверо курдов, которых безоговорочно можно отнести к активной курдской оппозиции в парламенте. Наиболее значительные фигуры среди них – Хатип Диджле, Лейла Зана и Мехмет Алынак. Председатель НТП Фехми Ышиклар был назначен вице-спикером меджлиса от блока социал-демократов и автоматически оставил пост председателя НТП, который занял Феридун Язар. Таким образом, несмотря на консервативный состав нового парламента, 22 депутатских места были заняты курдскими оппозиционерами, что дало повод президенту Озалу в одном из своих выступлений обронить следующую фразу: «Двадцать депутатов от СДНП поддерживают курдский национализм» [86, 09.02.1992]. Во время открытия заседания меджлиса нового созыва в ноябре 1991 года депутат от блока социал-демократов Лейла Зана зачитала текст клятвы депутата на курдском языке, а депутат Фехми Ышиклар заявил, что официальный «текст клятвы депутата меджлиса противоречит идее братства курдов и турок» [86, 06.11.1991]. Часть курдских депутатов явилась на заседании парламента с желто-красно-зелеными значками, символизирующими флаг независимого Курдистана. В политических кругах Турции произнесение клятвы депутата на курдском языке было расценено как провокация. Даже лидер коалиции Эрдал Иненю потребовал вывести Зану и Диджле из состава социал-демократической партии.

Между тем, несмотря на разразившийся скандал, и СДНП и лично ее лидер Эрдал Иненю способствовали расширению политического участия курдских парламентариев в работе меджлиса. Ими совместно был подготовлен пакет срочных мер, направленных на снятие напряженности в курдском регионе, остроты курдского вопроса в Турции. При этом курдские националисты настаивали на том, чтобы в этом документе курды именовались как «курдская нация», в то время как Эрдал

Иненю и члены блока социалистов говорили о невозможности принятия подобной формулировки в нынешних условиях Турции, опасаясь, видимо, за судьбу коалиции, и предложили заменить ее формулировкой «курдский народ».

Требования сторонников НТП от Иненю, как одного из членов нового коалиционного правительства, сводились к определению конституционного статуса курдов Турции, полному снятию запрета с пользования курдским языком, обеспечению права его преподавания в качестве родного языка, предоставлению права вещания на курдском языке, отмене антитеррористического закона и чрезвычайного положения на юго-востоке страны.

Таким образом, существенным элементом «новой курдской политики» стали отказ от конфронтации со всем курдским движением, дифференцированный подход к нему, поиск компромиссов. Но одновременно с этим Анкара старалась изолировать наиболее опасную для Турции Партию рабочих Курдистана. Властями Турции делался акцент на том, что терроризм PKK не является террором этнического меньшинства против властей, это – действия «подстрекателей из среды курдов». То есть конфликт никоим образом не увязывался с этническими проблемами. Как заметил в свое время один из обозревателей «Уолл стрит джорнел», «в нынешней ситуации борьбу властей с PKK можно считать не более антикурдской, чем борьбу Англии против ИРА – антиирландской» [128, 10.11.1992]. Выступая в 1992 году в Стамбуле перед участниками дискуссии по курдскому вопросу, бывший министр финансов Аднан Кахведжи говорил: «Важно отделить курдскую проблему от проблем терроризма и анархии. Мы должны искоренить терроризм, где бы он ни проявлялся... Протесты курдов касаются религиозных проблем или действий правительства, но не требования независимости» [128, 10.11.1992].

Если раньше даже произнесение ведущими политиками слова «курд» было просто невысказуемо, то в начале девяностых сначала президент Озал, а затем и премьер Демирель стали говорить о необходимости «проявлять терпимость к факту существования в Турции курдского народа». Как писала газета «Монд», определенные результаты принятия программы по демократизации были очевидны: в Турции создали министерство по правам человека, срок задержания подозреваемых в террористической деятельности до официального предъявления обвинения был сокращен с 45 дней до 48 часов, пост ми-

нистра иностранных дел занял курд умеренных взглядов из числа членов СДНП (Хикмет Четин) [109, 05.12.1991].

При этом президент Озал был весьма осторожен в своих высказываниях, открыто не признавая существования в Турции этнической проблемы, и не стремился переоценивать действия правительства по демократизации отношений с курдами. Высказывал он и своеобразные предупреждения в адрес европейских стран, которые проявляли повышенное внимание к проблеме нарушения прав этнического меньшинства в Турции. Выступая 4 октября 1991 г. перед парламентом, он отмечал в связи с курдским вопросом, что «внешнее вмешательство во внутренние дела чужой страны в деле обеспечения прав человека может привести к непредсказуемым последствиям» [138, б.с].

Позже Озал подтвердит свою позицию о расширении культурных прав курдов заявлением от 19 апреля 1992 года, когда предложит создание специального телевизионного канала на курдском языке, вещающего на юго-восток страны [93, 19.04.1992]. Несмотря на то, что этот план был в целом одобрен военными, против него выступил премьер Демирель, который сказал, что Турция еще не готова к таким нововведениям. Против выступил и Абдулла Оджалан, но по другой причине: он посчитал, что этот канал будет использоваться «для промывки мозгов курдам» [134, б.с.].

В последующие годы правления президента Озала, несмотря на сложные отношения с легальными курдскими партиями, увеличение военного присутствия на юго-востоке и общее обострение конфликта, власти старались обеспечить права и свободы этническим курдам. Доказательством потепления политического климата может служить развернувшаяся в обществе дискуссия о путях разрешения курдского вопроса, в частности, дискуссия о федерации. Превращение Турции в федеративное государство рассматривалось некоторыми умеренными курдскими движениями, в первую очередь СПТК, как ключ к решению курдского вопроса.

Президент Озал выступал против создания федерации, однако высказывался за то, чтобы этот вопрос широко обсуждался. Он говорил, что эту идею нужно обсуждать хотя бы для того, чтобы показать, что она не сможет удовлетворить жалобы курдов.

Обсуждая проблему возможного создания федерации в Турции, представитель одной из конституционных комиссий Ше-

нер Акйол заявил, что «если какое-то официальное лицо Турции говорит о возможной федерации, то он совершает преступление против конституции, поскольку по конституции унитарный характер государства не подлежит обсуждению» [122, 23.04.1993]. Острую реакцию вызвало в 1993 году заявление российского посла А. Чернышева, который сказал, что «Турция может взять за основу российскую федеративную модель и ничего страшного в этом нет» [108, 21.03.1993]. Вслед за этим последовала реакция премьер-министра Демиреля, который сказал следующее: «Турция – унитарное государство. У нее флаг с изображением звезды и полумесяца и единство – понятие неделимое. Поэтому дискуссия о федерации ошибочна» [108, 22.03.1993]. Позднее весьма показательным примером станет реакция политической элиты Турции на выступление в Стамбуле в июне 1996 года генерального секретаря ООН Бутроса Гали, когда он с высокой трибуны, видимо, по ошибке, назвал Турцию федеративной республикой. Лидер Нового демократического движения Джелял Гюзель тут же заявил, что «планам Гали не суждено сбыться...Нельзя оставаться безмолвными, когда пытаются разделить государство» [86, 06.06.1996].

Таковы были политические реалии Турции, в которых была создана первая легальная политическая партия курдов. Сторонники НТП, найдя надежного союзника в борьбе за меджлис в лице социал-демократов (кстати, первоначально курдами рассматривался вопрос о коалиции с исламистской Партией Благоденствия), начали проводить политическую агитацию, которая не только шла вразрез с существующими нормами политической культуры Турции, но подчас являлась откровенным вызовом существующим политическим устоям. После того, как представители НТП оказались в меджлисе, партией был проведен внеочередной съезд для избрания нового партийного руководства. На съезде в качестве официального гостя присутствовала мать Абдуллы Оджалана, представлявшая на съезде генерального секретаря ПКК. В газетах этот съезд, проходивший в декабре 1991 года в одном из анкарских спорткомплексов, из-за радикальных лозунгов называли «съездом ПКК».

Что же касается государственной политики в отношении с курдами, то складывалось впечатление, что «новая курдская политика» Озала отличалась непоследовательностью и незавершенностью. Демократические начинания, такие как легализация курдского языка, ввод в парламент курдской политиче-

ской оппозиции, проводились на фоне явно реакционных мер, цель которых – нейтрализовать наиболее радикальные элементы, в первую очередь PKK. Процесс этот проходил путем создания прочной юридической основы, предотвращающей терроризм, военных мероприятий против повстанцев, включая рейды на сопредельную территорию Ирака, массовую депортацию населения деревень юго-востока с целью воспрепятствовать поддержке PKK, поиск внешних союзников в борьбе против апочистов.

В начале девяностых правительство провело несколько законодательных инициатив, направленных против радикализации курдского движения. Согласно закону № 413 (взамен старого закона № 424), принятому меджлисом в апреле 1990 года, губернатор девяти курдских регионов, в которых действовал режим чрезвычайного положения, получал широкие полномочия в принятии решений, которые обычно находились в ведении министерства внутренних дел. В частности, он имел право налагать запрет на периодические издания и отказывать в возвращении на места прежнего поселения тем, кто считался политически неблагонадежным.

Получалось, что с одной стороны, социал-демократическая коалиция и сам президент Озал всячески способствовали представительству националистически настроенных курдов в большой политике, а с другой – власти пытались нейтрализовать, недопустить проникновение в политику представителей PKK и поставить надежный заслон против терроризма на юго-востоке, принимая draconовские меры по подавлению выступлений апочистов на юго-востоке и волей-неволей нарушая права человека. Таким образом, Озал и социал-демократы оказывались под двойным ударом критики: со стороны правых (а СДП – еще и со стороны Партии Верного пути по коалиции), требовавших не допустить проникновения курдских националистов в парламент, и со стороны левых, и особенно в лице НТП, привлекавших внимание к нарушению прав человека.

Становилось все более очевидным, что легализация курдской оппозиции вызовет всплеск политической активности на юго-востоке, который может перерасти в столкновения с властями. Власти при этом осознавали, что приближающиеся демонстрации в честь Ноуруза в марте 1992 г. могут приобрести характер массовых выступлений радикалов. Опасения вызывала активизация сторонников Оджалана: за два дня

до праздника военные столкновения произошли в провинциях Мардин, Малатья и Бингёль. При этом чрезвычайное положение в десяти курдских провинциях в очередной раз было продлено. В марте 1992, во время празднования Ноуруза на юго-востоке произошли кровавые столкновения курдов с силами правопорядка.

Учитывая определенную независимость генерал-губернатора юго-восточных илов от центральных властей, довольно сложно установить, являются ли те или иные события на юго-востоке результатом политических решений центра или они спровоцированы действиями местной администрации.

Генерал-губернатор юго-востока Анатолии Унал Эركان предупредил, что силы безопасности примут все меры против возможных вылазок террористов во время празднования Ноуруза. Тем не менее праздник Ноуруз обернулся настоящей трагедией: войска открыли по демонстрантам огонь.

В результате столкновений 21 марта демонстрантов и полиции в городе Джизре погибли 12 человек. В Ширнаке жертвами стали 22 мирных демонстранта. Как затем объяснил мэр Ширнака Мустафа Малай международной комиссии, прибывшей на место для расследования причин столкновения, «войска были оповещены о том, что в толпе находятся до 1500 боевиков PKK, а военные не смогли должным образом сориентироваться в обстановке» [13, 15.04.1992]. По заключению комиссии, «насилие было спровоцировано вооруженными силами Турции, что привело к многочисленным человеческим жертвам в городах Джизре и Ширнак.» [13, 15.04.1992]. Всего за время проведения праздника погиб 91 демонстрант в 9 городах юго-востока [5, 12.1992, с. 8].

Позднее турецкое правительство сделает заявление, согласно которому во время проведения праздников 92 человека были убиты и 341 ранен. Из представителей сил безопасности погибло всего 2 человека. Наиболее ожесточенные столкновения произошли в Ширнаке, Джизре и Нусайбине [67, 1993, Vol. 69, № 4, с. 657]. По мнению авторитетной правозащитной организации «Хельсинки Вотч», «все или почти все случаи никак не были спровоцированы со стороны демонстрантов» [5, с. 43].

События марта 1992 года резко повлияли на политический диалог по ситуации вокруг юго-востока. Трагедия явилась доказательством того, что ни та, ни другая сторона не оказались способными перевести разрешение конфликта на новый поли-

тический уровень. 31 марта часть членов НТП в парламенте Турции выходит из альянса СДНП в знак протеста против бесчинств турецкой армии. Такая позиция носила во многом эмоциональный характер и не соотносилась с интересами СДНП, она стала причиной нежелательных процессов в меджлисе, когда СДНП лишилась части своих депутатов, а также вызвала обвинения в адрес НТП, действия которой направлены на подрыв нормальной работы парламента. Однако нужно иметь в виду, что их полноправное участие в деятельности меджлиса постоянно блокировалось правым большинством, которое обвиняло курдских представителей от СДНП в связях с ПКК. Курдский депутат Махмуд Алынак заявил следующее: «Государство блокирует демократические каналы, заставляя других действовать нелегально, и именно в этом причина вооруженной борьбы. Обвинения против ПКК будут лишь способствовать укреплению ее позиций. Курды возлагают надежды на Оджалана, так как видят в нем и в ПКК альтернативу милитаристской политике государства». При этом он особо подчеркивал, что «курды не хотят отделяться, они хотят жить с турками в эгалитарной демократической атмосфере» [124, 14.08.1992].

Газеты пестрели подобными сообщениями: «Несмотря на заявления функционеров партии об отрицательном отношении к террору, на многих местных собраниях и митингах НТП участники скандировали лозунги в поддержку Оджалана и ПКК» [86, 22.06.1992].

При этом как НТП, под чьими лозунгами в основном митинги и проходили, так и правительство подчеркивали недопустимость кровопролития. Одним из основных лозунгов НТП, с которыми ее представители вышли на улицы, было прекращение боевых действий на юго-востоке, решение курдского вопроса только политическими, мирными методами. По замыслу ее членов, крупномасштабная общественная мирная акция должна была продемонстрировать решимость курдов добиваться своих прав исключительно мирным путем. Она замышлялась как «послание не только правительству, но и к ПКК сложить оружие и прекратить войну» [65, с. 186]. Однако удержать ситуацию под контролем НТП не удалось. Начались столкновения, которые переросли в расстрел мирных демонстрантов военными.

По своему трагическому сценарию события в Ширнаке и других городах схожи с трагедией, произошедшей в 1972 году в британском Ольстере, позднее получившей название «крова-

вое воскресенье». Тогда британские солдаты открыли огонь по мирной демонстрации ирландцев-католиков. В результате неизвестной провокации погибли 17 ирландцев. Власти обвиняли подстрекателей из ИРА в том, что они, затерявшись в толпе, первыми открыли огонь по солдатам и таким образом спровоцировали кровавую бойню. Те же самые аргументы, но уже в отношении апочистов высказывали и армейские круги Турции. Министр внутренних дел Исмет Сезгин заявил, что это «была провокация, чтобы вызвать восстание» [65, с. 187].

Курдских активистов не могло не настораживать и то, что мирные демонстрации закончились кровавыми бойнями практически во всех городах юго-востока, где они проводились. Невозможно сбрасывать со счетов тот факт, что несмотря на согласование проведения празднования Ноуруза с властями, для предотвращения возможных беспорядков было задействовано большое количество армейских частей, а также тяжелой техники. У курдов возникал вполне естественный вопрос – а не готовилось ли правительство заранее к этой кровопролитной бойне?

На следующий день после событий председатель НТП Феридун Язар призвал остановить празднование Ноуруза, а депутат от НТП Лейла Зана заявила, что «события в Ширнаке, Джизре и Нусайбине есть результат проводимой властями секретной войны против курдов». События в Ширнаке и других городах стали серьезным ударом по проводимой Озалам либеральной политике в отношении курдов. Складывалось впечатление, что ни президент, ни правительство не в состоянии контролировать действия своих вооруженных сил. Об этом открыто говорили курдские представители в парламенте. Таким образом, бойня в Ноуруз могла быть провокацией, которая была выгодна как ПКК, так и военному генералитету, желавшему подорвать не только доверие к НТП, но и авторитет президента Озала, чтобы не допустить развития националистических тенденций в среде курдов, что представляло серьезную угрозу целостности и безопасности страны.

Между тем в самой НТП возникли серьезные разногласия между умеренными и радикальными курдскими депутатами. Протестуя против кровопролития, а также против того, что меджлис отклонил предложение НТП об отмене чрезвычайного положения на юго-востоке. Вслед за радикально настроенными депутатами Лейлой Заной и Хатипом Диджле, которые были выведены ранее из состава СДП по инициативе Эрдала

Иненою, еще 14 членов НТП заявили о своем выходе из состава коалиции социал-демократов. Таким образом, в составе Социал-демократической партии из 22 депутатов от НТП остались только шестеро, среди них был и бывший председатель НТП Фехми Ышиклар, который после закрытия Народной трудовой партии вошел в состав руководства СДП. Указывая на то, что социал-демократы не смогут помочь курдам в обеспечении их прав и требований, покинувшие партийный альянс СДП-НТП 16 курдских депутатов объявили о создании т.н. Новой демократической организации, которая на правах партии объединится с существующей НТП. Это было необходимо для того, чтобы исключенные из состава СДП депутаты могли остаться в парламенте. Бывшего же председателя НТП Фехми Ышиклара Махмут Кылыч, один из исключенных из состава СДП депутатов, назвал «предателем интересов курдов» [65, с. 191]. Планировалось, что создаваемая политическая организация станет более действенной по сравнению с НТП. На учредительный съезд были приглашены курды из других крупных политических партий, однако создание новой курдской партии ни у кого не вызвало интереса, кроме самих ее учредителей, поэтому после проведения съезда было принято решение о нецелесообразности ее создания [86, 10.03.1992]. Вместо Новой демократической организации 25 июня 1992 года было объявлено о создании Партии Свободы и Равенства (ПСР), куда, как и следовало ожидать, вошли все 16 бывших членов НТП. Пост председателя был предложен депутату НТП от Адьямана Махмуду Алынаку при условии, что он покинет НТП. В итоге Алынак стал председателем новой партии.

На пресс-конференции после создания партии Алынак заявил что, ПСР рассматривает НТП как своего союзника и готова пойти на политический альянс с этой партией [86, 26.06.1992]. Было очевидно, что курдские депутаты стремились создать свою независимую курдскую фракцию в парламенте Турции, крайне недовольные бессилием партии социал-демократов решить курдскую проблему. Однако сразу же после создания ПСР конституционный суд Анкары выступил с требованием закрыть Народную трудовую партию как «осуществляющую незаконную политическую деятельность, идущую вразрез с принципами единства и неделимости государства» [86, 04.07.1992]. После этого руководство ПСР приняло решение о самороспус-

ке новой партии и вхождении ее членов в состав НТП с целью ее поддержки.

30 сентября 1992 г. был арестован председатель НТП Феридун Язар. Его речь на втором съезде НТП 19 сентября 1992 г., где он высказался в поддержку действий ПКК, была расценена как посягательство на «национальную целостность и сепаратистская пропаганда» [108, 01.10.1992]. Судебное разбирательство длилось несколько лет, а решение суда о деле Язара, признанного виновным по восьмой статье антитеррористического закона, было передано в Апелляционный суд, который, однако, подтвердил верность приговора и 1 сентября 1998 года Язар был заключен на два года в тюрьму [86, 02.09.1998].

После ареста Язара в 1992 году новым председателем партии стал Ахмет Тюрк. В середине ноября 1992 года 18 курдов от НТП в парламенте начали бессрочную голодовку, стремясь привлечь внимание общественности к действиям военных на юго-востоке, а также к нераскрытым убийствам активистов этой партии.

На фоне этих политических событий характер противостояния армии и ПКК все больше принимал характер настоящей гражданской войны. Наиболее масштабная операция против партизан ПКК на Севере Ирака, носившая кодовое название «Сэндвич», началась 23 октября 1992 года. По сообщениям прессы, она была направлена в основном против второго по величине лагеря апочистов «Хаффтанин», где было сосредоточено около 4 тыс. боевиков. В истории военного противостояния курдских повстанцев и армии было задействовано самое большое количество турецких солдат – 50 тыс. человек по данным на 5 октября. По всей видимости, власти были уверены в ослаблении позиций ПКК в регионе и рассчитывали, что организация Оджалана не окажет сильного сопротивления. Незадолго до начала военного вторжения в Северный Ирак председатель парламента Джиндорук сказал: «У ПКК нет поддержки среди населения...Оджалан утратил свою национальную принадлежность, действуя по указке других стран» [124, 23.09.1992]. О том же самом заявлял и министр внутренних дел Исмет Сезгин. При этом он подчеркнул, что происходит размежевание в вопросе о путях национальной борьбы курдов [124, 14.08.1992].

Параллельно во второй половине 1992 года осуществлялись карательные экспедиции и на территории Турции. Пра-

вительственные войска обрушили удары на города Ширнак (18 августа), Варто (7 октября), Джизре (18 октября), Чукурджу (28 августа), Кулп (4 октября), Хани (3 ноября). Что же касается Ширнака, то образованная для расследования этого случая парламентская комиссия в докладе от 28 августа сделала вывод, что там речь шла «о преднамеренной провокации со стороны армии».

Нередко сообщения о стычках между правительственными войсками и боевиками PKK грешили неточностью, противоречили друг другу, а иногда просто не соответствовали здравому смыслу. Так, согласно заявлению министра внутренних дел Исмета Сезгина, «около 1500 боевиков атаковали вечером 18 августа 1992 г. город Ширнак, в результате чего город был подвергнут бомбардировке, после чего завязался 40-часовой бой с силами правопорядка, которые и отбили атаку [124, 30.08.1992].

Однако в то же самое время на одной из пресс-конференций для иностранных журналистов было заявлено, что в результате этой акции «700 террористов захватили Ширнак, но через два дня были выбиты из города частями регулярной армии» [104, 1992, vol.XVI, с. 759]. При этом западные журналисты, работающие в зоне конфликта, отмечали, что «никакого масштабного нападения на город вообще не было, поскольку после атаки был обнаружен лишь один погибший боец PKK. При этом не было обнаружено никакой военной техники, принадлежащей боевикам... Власти заявили, что в результате 40-часового боя погибли всего три солдата регулярной армии и 17 мирных жителей» [20, 10.1992].

Как видно, в период с 1990 по 1993 год происходило усиление мер военных по подавлению сопротивления курдских радикалов. Параллельно шел процесс политической активизации курдов Турции, выдвижения ими требований гражданских свобод, отмены чрезвычайного положения на юго-востоке, легализации курдского языка. Постепенно правительственная коалиция в лице блока СДП-ПВП усиливала (видимо, не без влияния военных) давление на прокурдскую Народную трудовую партию. Учитывая начавшиеся судебные разбирательства о закрытии НТП 19 октября 1992 года 37 ее членов, а также несколько независимых участников учредили партию Свободы и демократии (председатель – Мевлют Ылык). Как отмечает Осман Ольмез, партия эта была гораздо более радикальна,

чем НТП, и уже через год, в октябре 1993 года конституционный суд принял решение о ее закрытии [65, с. 211].

В руководстве страны по курдскому вопросу наметилась борьба политических элит, представлявших демократическое направление (президент, гражданское правительство) и консервативный генералитет, а также партии правого толка. Роль военных, стремившихся не допустить подъема курдского национализма, представлявшего угрозу целостности и безопасности страны, была четко оговорена в конституции в статье об «особой роли военного переворота 1980 года в жизни страны» и ответственности военных за внутривнутриполитическую ситуацию. Действия правительства постоянно находились под присмотром генералитета. Так, американский исследователь Эрик Эверби приводит любопытное высказывание одного турецкого дипломата, сославшегося на высказанное Озалом в частной беседе мнение, что несмотря на то, что президент Турции является верховным главой государства, «излишняя самостоятельность может стоить президенту головы» [138,б.с].

Тем не менее в начале девяностых им были предложены меры по легализации курдского языка, созданию условий для его преподавания в стране, а также осуществлению теле- и радиовещания на курдском. Более того, Озал не считал зазорным вести общественный диалог по курдскому вопросу, а в качестве возможной альтернативы его разрешения не исключал возможности рассмотрения вопроса о создании федерации. Озал, как никакой другой лидер Турции, вызывал симпатии у курдов. Его администрацией был снят запрет на использование курдского языка, по его инициативе в 1984 году был введен мораторий на смертную казнь. В марте 1991 года Озал впервые встретился с Талабани, несмотря на нежелание властей идти на контакты с любыми курдскими группировками.

Президент Озал искал надежного союзника в борьбе против ПКК. Однако в лице Талабани он нашел не столько союзника, сколько посредника в деле урегулирования курдской проблемы, который осуществлял неофициальные (и засекреченные) контакты Озала с Оджаланом.

Создание в начале девяностых в Ираке курдской автономии было неофициально расценено Анкарой как «очередной плацдарм боевиков ПКК против Турции». Но очень скоро власти Турции принялись налаживать контакты с политическими

партиями Северного Ирака в деле сотрудничества по предотвращению проникновения апочистов в Турцию, а также с целью предотвращения создания на контролируемой курдами иракской территории новых партизанских баз [67, с. 675].

После провозглашения курдской автономии ее руководство было намерено установить добрососедские отношения с Турцией, чтобы снабдить автономию столь необходимым продовольствием, а также обеспечить безопасность северных границ.

Между представителями политической элиты иракских курдов и Анкарой был заключен ряд соглашений, по которым власти автономии обязывались поддерживать «зону безопасности» в районе турецко-иракской границы. Газета «Нью-Йорк Таймс» писала, что «иракские курды заинтересованы в том, чтобы держать границы с Турцией открытыми, чтобы сохранить зону безопасности, созданную в 1991 году для предотвращения нападения курдской армии», [113, 30.03.1992]. А в прессе широко освещался прием, оказанный официальной Анкарой представителям иракских курдов: «Турция с большими почестями принимала у себя Талабани и Барзани, так как с их помощью намерена решить курдскую проблему» [88, 25.10.1992].

Отношения между иракскими курдами и PKK были весьма обострены летом 1992 года, когда апочисты, контролирующие часть границы с Ираком, старались предотвратить поставку турецких товаров в Северный Ирак в ответ на официальные контакты представителей курдской политической элиты из Ирака с анкарским правительством [124, 18.08.1992]. Это был довольно болезненный удар по хозяйству курдской автономии, учитывавшая экономическую блокаду Ирака в целом.

Крис Кучера пишет, что для PKK «правительство в Эрбиле не являлось легитимным. Для них это была всего лишь власть крупных племенных вождей. Однако союз между иракскими курдами и Анкарой не мог не беспокоить PKK» [58, 07–08.1994]. В свою очередь Джохар Намек, один из депутатов курдского правительства в Эрбиле, заявил, что курды Ирака не согласятся пожертвовать свободным Курдистаном с демократически избранным парламентом ради борьбы с турецкой жандармерией [93, 01.09.1992]. А лидер одной из курдских партий Ирака Аднан Муфти так отреагировал на претензии PKK: «Если они считают, что у Курдистана нет границ, то почему они не борются с режимом Саддама Хусейна?» [93, 01.09.1992].

В начале октября 1992 г. проживающие на Севере Ирака курды сделали «последнее предупреждение» ПКК: вооруженные формирования иракских курдов начисто отрезали отрядам ПКК ранее открытые пути отступления в иракские горы. При этом делались заявления, что конфликт ведется только между двумя соперничающими группами. В интервью египетской газете «Аль-Ахрам» Талабани заявил о недопустимости втягивания Ирака в боевые действия между иракскими и турецкими курдами [81, 13.10.1992].

Синхронность начала действий турецких военных с операциями иракских курдов против ПКК говорит о тщательной разработке осенней кампании. По некоторым данным, в военной операции сентября-октября 1992 года против апочистов принимали участие и формирования пешмерга – иракских курдов в количестве 20 тыс. человек. Лидеры иракского Курдистана согласились на участие в этой операции, чтобы «поддержать авторитет созданной автономии, как противостоящей терроризму» [48, с. 249]. Но скорее всего основной причиной были усилия апочистов по блокированию движения турецких товаров к автономии.

Иракские курдские партии – недавние союзники турецких повстанцев – приняли активное участие в военной операции на стороне турецких войск. Еще до начала операции, 16 октября, барзанисты и сторонники ДПК иракского Курдистана предъявили ультиматум ПКК о выдворении боевиков с территории Северного Ирака. В частности, ПКК была обвинена в заговоре против автономии курдов с правительством Ирака.

Несмотря на это, Талабани довольно долго пытался убедить Оджалана провозгласить одностороннее шестимесячное прекращение огня, чтобы «проверить желание турецких лидеров пойти на мирное решение вопроса» [58, 07–08.1994].

Таким образом, используя сложившуюся политическую обстановку на севере Ирака, турецким властям фактически удалось получить в качестве союзников иракских курдов. Помимо этого в поддержке апочистам отказали также Тегеран и Дамаск. Иран закрыл все базы ПКК на своей территории. Сирия, поставленная перед весьма болезненной перспективой перекрытия вод Евфрата, временно прикрыла базы ПКК в долине Бекаа. В масс-медиа писали в связи с этим, что «у такой стратегии Анкары больше шансов на успех. Значительное изменение отношений между Дамаском и Анкарой вынудило бойцов Оджалана покинуть учебные лагеря в Бекаа» [115, 25.10.1992].

В этих условиях апочисты стали нести существенные потери. По сообщениям начальника генерального штаба Турции генерала Догана Гюреша, в ходе осенней кампании были убиты 1056 и ранены 1000 боевиков [124, 19.11.1992]. Курдская пресса при этом предоставила другие данные – 150 убитых и 200 раненых [124, 25.11.1992]. Как бы то ни было, но в результате этой операции курдскому партизанскому движению в лице PKK был нанесен сильный удар. По сообщениям агентства Рейтер, всего на 1992 год приходится более одной трети всех погибших боевиков за годы войны (4800 чел.).

После вывода турецких войск в начале ноября власти автономии предприняли шаги по ограничению присутствия боевиков PKK в лагерях в Залехе близ Ирано-Иракской границы, также было организовано патрулирование «зоны безопасности» вдоль границы Турции и Ирака [92, 01.1993, № 5, с. 4]. Тем не менее к концу 1993 года бомбардировки турецкими ВВС северных провинций Ирака повторились.

Возможно, к началу 1993 года Озал серьезно рассматривал возможность политического решения конфликта, причем понимали это обе противоборствующие стороны: PKK понесла значительные потери в живой силе, были ликвидированы ее лагеря в Северном Ираке и в Бекаа, она потеряла практически всех своих союзников. Лидер PKK Абдулла Оджалан провел 17 марта в Бейруте пресс-конференцию, на которой дал понять, что его организация в одностороннем порядке прекращает военные действия и вводит прекращение огня на 25 дней, начиная с 20 марта по 15 апреля, при условии, что в этот период военная активность турецкой армии также будет приостановлена.

На пресс-конференции Оджалан заявил, что стремится развивать взятый политический курс на мирное урегулирование конфликта, в эскалации которого он обвинил турок. Он объяснил, что надеется, «что перемирие станет испытательным периодом, который позволит начать политические переговоры с турецким государством» [124, 18.03.1993].

Он также сказал, что требования о сдаче партизан в горах «абсурдны, поскольку в них население видит своих защитников от посягательств военных». Прекращение огня было объявлено «актом доброй воли» и многими в Турции было воспринято с облегчением как знак того, что кровопролитная война скоро прекратится. Условие для перемирия было одно – если турецкие войска первыми не начнут боевые действия. Правитель-

ство Демиреля дало положительный ответ, оставив за собой право оценить поведение ПКК во время праздника 20 марта. Зондаж общественного мнения газетой «Хюрриет» выявил, что если 55% турок все еще настроены против переговоров с ПКК, то 45% высказались за политическое разрешение курдской проблемы, и только 13% считают, что она может быть урегулирована силой оружия [76, 23.11.1992, № 209, с. 4].

Оджалан определенно использовал новый язык в общении с турецкой стороной, аргументируя цели своей организации. Он говорил о необходимости отказаться от слепой борьбы, которая будет иметь гораздо более насильственный характер, чем война в Югославии. Еще в 1991 году в интервью «Теркиш дэйли Ньюз» Оджалан заявил: «Наши партизаны не ставят целью создание независимого государства. Даже если бы мы хотели, мы не смогли бы отколоться от Турции. Мы жили бок о бок с Турцией 900 лет» [124, 29.11.1992].

Вот что писал Оджалан в ответ на письмо руководителя организации «Международная амнистия»: «Усиливается жестокость, все большие масштабы приобретают военные действия. Мы никогда не хотели и в будущем не хотим войны. Мы вынуждены защищаться...Мы не хотим проливать кровь, а хотим политическим способом урегулировать конфликт» [цит. по: 30, с. 53].

Руководитель ПКК, без сомнения, рассчитывал на возможность диалога с Озалом. Попытки к сближению принимались и со стороны президента. Об этом, в частности, заявил Дж. Талабани в интервью газете «Новый Курдистан», упоминая о том, что Озал рассматривал его в качестве главного посредника в диалоге между правительством и Оджаланом. Там же он упоминает, что объявление перемирия было заранее согласовано с Озалом и одобрено им [77, № 20, 04.1999].

Чрезвычайно важным моментом весеннего прекращения огня стал поиск Оджаланом политических союзников как в среде курдов, так и среди левого движения. Наиболее приемлемым кандидатом в этой связи оставалась Социалистическая партия Турецкого Курдистана. Видимо, председатель партии Кемаль Буркай настаивал на том, что это будет исключительно политический альянс с умеренными целями. 22 марта между Буркаем и Оджаланом подписывается протокол, в котором Оджалан признает необходимость федерализма в условиях Турции. По сути ПКК официально отказалась от борьбы за отделение Курдистана и пошла на компромиссные политические

уступки, в том числе и на альянс с политическим движением, с которым еще в недавнем прошлом у ПКК были серьезные политические разногласия. В подписанном протоколе курдские лидеры призвали другие национальные организации сотрудничать с ними. Они обратились к властям с требованием легализации политических партий Турции, предоставления им права выступать в средствах массовой информации, иметь собственные печатные органы. В документе особо подчеркивалась необходимость содействия со стороны турецкого правительства социально-экономическому развитию курдских районов.

Основными требованиями подписанного совместного протокола были прекращение кровопролития, легализация курдских партий, отмена чрезвычайного положения в курдском регионе, принятие программы экономического развития юго-востока.

В свою очередь Оджалан снова призвал левые силы Турции усилить давление на правительство и государство. При этом становится очевидным, что ПКК начала переходить к более гибким и продуманным отношениям с левыми партиями, которые логично было рассматривать в качестве возможных союзников. Не секрет, что подобных альянсов руководство ПКК старалось избегать на протяжении всей своей истории, претендуя на руководящую роль не только в курдском, но и левом оппозиционном движении. Еще в начале девяностых Оджалан говорил об исключительной роли ПКК в оппозиционном движении, подразумевая неспособность «партий левого толка создать даже намек на действительную оппозицию» [120, № 107, 11.1990].

Примером изменения подобного курса ПКК может служить создание после объявленного перемирия Союза революционно-демократических сил, куда помимо ПКК входили Коммунистическая трудовая партия Турции, Союз вооруженной пропаганды марксизма-ленинизма, Коммунистическая партия Турции-Искра, Коммунистическая партия Турции (Марксистско-ленинское движение), Революционная партия Турции и «Революционный партизан». Перемирие позволило ПКК добиться согласия с Талабани, который рассматривался Анкарой в качестве посредника в возможных контактах турецких властей с Оджаланом.

Большинство турецких парламентариев с осторожным оптимизмом восприняли заявление Оджалана об одностороннем прекращении огня. Они выступили против каких-либо уступок, подчеркнув необходимость убедиться, насколько искренен ли-

дер PKK. Партия Отечества посчитала в свою очередь, что заявления Оджалана – очередная уловка. Тем не менее Озал был решительно настроен на продолжение перемирия и, по сведениям Дж. Талабани, был заинтересован в продолжении контактов с лидером PKK: «Турецкое правительство хотело бы с моей помощью связаться с Оджаланом и, если это возможно, повлиять на его решение... Я был уверен, что он остановит боевые действия, предоставив турецкому правительству время для подготовки переговоров» [77, № 20, 04.1999]. На состоявшейся в Дамаске встрече с Талабани Оджалан поддержал идею мирного урегулирования без каких-либо предварительных условий.

Таким образом, обе противоборствующие стороны в конце марта 1993 года оказались готовы к политическому разрешению конфликта. В первую очередь это касалось изменений в позиции PKK: военные действия были временно прекращены. Главным изменением в позиции Оджалана было то, что он больше не настаивал на отделении и создании независимого Курдистана. Свои взгляды и условия перемирия Оджалан изложил ранее на страницах газеты «Сабах» 13 марта 1993 года через журналиста Дженгиза Чандара, близкого также и к президенту Озалу. Учитывая то, что у Оджалана было несколько влиятельных посредников в лице, например, самого Талабани, можно предположить, что условия о перемирии были заранее согласованы на самом высшем уровне. Более того, у PKK появился авторитетный союзник в лице умеренной СПТК, и что самое главное, Оджалан открыто требовал проведения мирных переговоров. Перемирие PKK могло стать началом конструктивного поиска политического компромисса. С другой стороны, мирный процесс означал бы признание курдских радикальных организаций как неотъемлемого фактора политической жизни Турции. Это представлялось практически невозможным, учитывая то, что в официальных кругах PKK рассматривалось только как террористическая организация, но не политическая партия. Как пишет турецкий исследователь Осман Ольмез, «сообщение о перемирии, объявленном PKK, повергло всю политическую элиту Турции в шок. Никто не верил и не хотел верить, что PKK способна на такой решительный шаг. При этом многие политические лидеры, включая президента и премьер-министра, на первых порах отказывались давать какую-

либо оценку этому событию» [65, с. 220]. Позднее как премьер-министр, так и лидеры политических партий весьма скептически отнеслись к объявленному одностороннему перемирию. Здесь можно привести слова лидера партии Отечества Месута Йылмаза, который заявил, что «государство не примет условия, выдвигаемые террористической организацией, и не сядет с ней за стол переговоров. И торговаться с ними мы не намерены» [65, с. 221].

Можно заметить, что перемирие PKK совпало по времени с празднованием Ноуруза, который, как уже отмечалось, использовался курдами для проведения политических манифестаций. Помня о кровавых событиях в марте 1992 года, лояльные курды из числа НТП опасались, что Ноуруз опять превратится в кровавое побоище и перемирие будет сорвано. Тем более, что накаленная обстановка на юго-востоке мало чем отличалась от прошлогодней.

Несмотря на ослабление позиций PKK в результате осенней операции, стычки с армией и полицией продолжались. В январе – феврале 1993 года было убито 300 человек, из них активистов PKK – 154 человека. Службы безопасности не предпринимали действенных шагов для раскрытия т.н «загадочных убийств» (в основном сторонников НТП), число которых продолжало расти. В начале 1993 года министр внутренних дел Исмет Сезгин заявил, что 534 нераскрытых убийства – дело рук «Хизболла» и PKK. Если за весь 1992 год их было совершено 450, то за первые два месяца 1993 года – уже 137.

Было важно, как поведут себя во время мартовских демонстраций сторонники PKK и регулярная армия. В связи с этим председатель НТП Ахмет Тюрк говорил, что «правительство должно разъяснить, каким образом силы безопасности будут реагировать, если активисты PKK смешаются с толпой для того, чтобы выкрикивать лозунги или размахивать «запрещенными флагами» (имелись в виду флаги PKK и курдский триколор). Государство должно твердо заявить, как оно будет себя вести в этих условиях» [76, 11.03.1993]. Было также важно, насколько эффективно глава PKK сможет контролировать свою партию, чтобы исключить незапланированные провокации. 23 марта, то есть сразу же после подписания соглашения, все средства массовой информации Турции распространили заявление премьер-министра Демиреля с признанием «ошибочности ассимиляционной политики по отношению

к курдам», которая осуществлялась на протяжении всей истории республики.

Это был сенсационный, но довольно просчитанный ход: он фактически выбивал почву из-под ног курдских националистов. Правительство признало несостоятельность своих ассимиляционных мер, что естественно автоматически подразумевало признание «культурного своеобразия» курдского народа в Турции. Курды, таким образом, лишались довольно весомого аргумента о культурном притеснении в Турции, отсутствии элементарных культурных прав.

Но возможно, что это заявление было следствием «джентльменского соглашения» между правительством и Оджаланом, по которому первые признавали существование в Турции курдского фактора, а последний отказывался от отделения Курдистана. Тогда же заместитель премьер-министра по коалиции Эрдал Иненю заявил, что «цель коалиции – обеспечить право каждого курдского гражданина получать образование на родном языке в структуре учебных заведений унитарного государства». С другой стороны, ожидалось, что после столь решительных заявлений премьера последуют новые шаги правительства по развязыванию курдского узла.

После того, как манифестации в честь празднования Ноуруза прошли более и менее мирно, правительству необходимо было принять действенные шаги, чтобы воспользоваться перемирием и выработать позицию в связи со сложившейся ситуацией. С этой целью 30 марта 1993 года в Чанкая было проведено закрытое совещание по инициативе и под председательством президента Озала, в котором приняли участие премьер-министр и силовые министры по выработке стратегии в отношении курдского вопроса. Однако силовые министры были настроены категорически против диалога с PKK, а премьер Демирель после совещания заявил, что «изменения позиции правительства в отношении PKK быть не может»[86, 31.03.1993].

После того, как стало ясно, что правительство не пойдет на уступки PKK и не сядет с ней за стол переговоров, в Турцию с официальным визитом прибыл Талабани, выступавший посредником между Оджаланом и турецкой правительственной верхушкой. Встретившись с Озалом, он большую часть времени провел в переговорах с представителями НТП, желая подчеркнуть, что прибыл с визитом в Турцию как курдский лидер. В частности, отказавшись от официального

обеда в правительственной резиденции, Талабани принял участие в обеде в курдском ресторане, куда были приглашены руководители НТП, а также курды из других политических партий [65, с. 227].

После посещения Турции Талабани ПКК через свое европейское представительство объявила о продолжении временного перемирия [86, 12.04.1993]. В ответ на это Озал предложил провести амнистию заключенным бойцам ПКК и начал консультации с НТП по этому поводу.

Исследователь Осман Ольмез пишет, что за всю историю Турции впервые была создана возможность реального разрешения курдского узла путем переговоров и взаимных уступок. Во многом это стало возможным благодаря президенту Озалу, который после избрания на этот пост начал открыто говорить о необходимости лояльного отношения к «курдскому фактору» в Турции.

В апреле НТП обратилась с предложением также выступить посредником в переговорах между правительством и ПКК. Идея такого посредничества нашла отклик у многих политических сил, за исключением только генералитета. Один из высокопоставленных военных, Теоман Альптюрк, заявил, что «такие переговоры он видит бесполезными и потребует приостановить подобное посредничество» [65, с. 233].

Тем не менее между Оджаланом и председателем НТП Ахметом Тюрком состоялись переговоры, а их результаты были доложены президенту Озалу. 9 марта 1993 года между представителями НТП Ахметом Тюрком, Орханом Доганом, Махмутом Кылычем и президентом состоялась закрытая встреча, на которой Озалом был предложен первый этап урегулирования курдского вопроса. Он касался поэтапной амнистии боевиков. Все партизаны должны были предоставить письменные прошения об амнистии независимой стороне, после чего им гарантировались все гражданские права. Амнистия вступала в силу через пять дней после подачи письменного прошения, при условии, что ее податель больше ни разу не участвовал в военизированных формированиях.

Представителей НТП такое предложение Озала не удовлетворяло. Они не видели здесь реальных шагов по решению курдского вопроса. Однако, как пишет Ольмез, возможно, это было только первым этапом придуманного Озалом плана развязывания курдского узла [65, с. 235].

Встреча представителей НТП с Озалом носила закрытый характер, а ее результаты нигде не публиковались. Тем не менее некоторое представление о характере и целях диалога президента и представителей НТП могут дать письма одного из ее участников Орхана Догана, бывшего депутата НТП от округа Ширнак, которые он написал позднее, уже сидя в тюрьме. Они приводятся в книге Ольмеза:

«Наша первая запланированная встреча с президентом вместо 20 минут продлилась почти два часа. Президент пригласил нас передать ему отчет о столкновениях, произошедших в Ширнаке в августе месяце. Президент сказал, что в курсе того, что показанные вчера по телевидению якобы погибшие в Ширнаке террористы на самом деле являются мирными крестьянами. Он был полон решимости остановить кровопролитие, однако для того, чтобы сделать это, недостаточно только его собственных усилий: «Сулейман-бей (*премьер-министр Демирель* – К.В) настрадался в свое время от военных (*правительство Демиреля было свергнуто военными в 1980 году* – К.В), очень их боится и никогда на это не пойдет. Конечно, я со стороны военных тоже большой любви не чувствую. Но я постараюсь их убедить. Я хочу превратить Турцию в цивилизованное европейское общество. Вот поэтому я так внимательно слежу за тем, что происходит в северном Ираке. Необходимо задействовать тамошнее руководство для решения этой проблемы в Турции. У меня есть несколько вариантов урегулирования, которые я хочу претворить в жизнь» [65, с. 240].

Далее в своем письме депутат от Ширнака ссылается на то, что официального протоколирования этой встречи не происходило. Более того, Озал просил, чтобы информация о встрече не просочилась в печать. После этой первой встречи с президентом, как пишет Доган, начались контакты Озала с Талабани, за что Озала очень сильно критиковали как политические круги, так и официальная пресса.

Со стороны НТП в этот период начались консультации с политиками и учеными-политологами с целью подготовки серьезной программы, а также создания Ученого совета по урегулированию курдского вопроса в Турции. В Ученый совет был привлечен профессор Догу Эргиль, известный своими исследованиями социальных и политических проблем юго-востока. Озал получал полную информацию о ходе подготовки программы урегулирования. Программа должна была предусмат-

ривать изменение конституции Турции с целью отражения в ней полиэтничного характера страны, а также реформирование системы «сельских стражей» на юго-востоке, придания им характера отрядов быстрого реагирования в случае стихийных бедствий, а также для защиты окружающей среды.

Также Доган с своим письме описывает вторую встречу с Озалом в марте 1993 года, целью которой было обсуждение вопросов с целью недопущения повторения событий во время празднования Ноуруза в марте 1992 года. Доган пишет, что президент возлагал большие надежды на НТП в деле урегулирования курдской проблемы, упомянув при этом, что кое-кто в правительстве уже называет его «тайным членом НТП» [65, с. 243].

Тактика Озала была довольно рискованной. Было очевидным, что контакты через посредников Озала с Оджаланом (а это не вызывает сомнений – контакты были) осуществлялись через голову генералитета, который был этим крайне не доволен. Однако повлиять на президента они не могли – правительственная коалиция в лице СДП-ПВП была слишком либеральной, чтобы беспрекословно подчиняться генералитету. Многие функционеры НТП (да и не только) понимали или догадывались, что т.н. «одностороннее прекращение огня» ПКК не было таким уж и односторонним, а было скорее всего заранее согласовано с президентом.

Внезапная смерть президента Озала 17 апреля повлияла на то, что мирный переговорный процесс был остановлен.

Кончина Озала образовала политический вакуум в стране, который усилился после объявления о желании Демиреля претендовать на пост главы государства. Таким образом, начиналась борьба сразу за два кресла – президента и премьер-министра. Эти внутривнутриполитические изменения отодвинули вопрос курдского перемирия на второй план. Отсутствие конкретных политических решений, стойкое нежелание властей идти на контакт с ПКК сводили на нет успехи, достигнутые покойным президентом. В мае месяце в интервью «Файненшнэл Таймс» будущий президент Демирель заявил, что «власти никоим образом не намерены вести переговоры с апочистами» [89, 07.05.1993].

К тому же складывалось впечатление, что Оджалан не имеет полного контроля над своей партией: в течение перемирия совершались вылазки боевиков, нападения на военных, что ставило под угрозу начало переговорного процесса. Оджа-

лан продлил прекращение огня за день до кончины президента. Оно было прервано 24 мая, когда в прессе появилось сообщение, что боевики ПКК убили 33 турецких солдата в районе города Бингель [126, 1993, vol. 7, № 2].

Исполняющий обязанности премьер-министра Эрдал Иненю заявил, что «это злодеяние – удар по мирным усилиям, направленным на урегулирование конфликта... Мы вынуждены будем пересмотреть объявленную амнистию боевикам» [86, 27.05.1993]. Расстрел военных послужил формальным поводом для возобновления боевых действий. Между тем Оджалан заявил, что не отдавал приказа об этой операции. Считается, что к ней был причастен один из членов руководства ПКК Шемдин Сакык, сторонник жестких отношений с Анкарой, который был не согласен с новой политикой Оджалана.

Курдские источники отмечают, что и военные вели себя не с лучшей стороны: с 17 марта по 24 мая, то есть в период одностороннего прекращения огня, были убиты 130 бойцов ПКК [99, 07.07.1993]. В этот же период от рейдов «коммандос» пострадало и мирное население ряда деревень юго-востока [100, 26.07.1993, № 7].

Удостоверившись, что переговоры застопорились, и рассценивая это как приготовление турецкой армии, Оджалан 8 июня объявил об окончании перемирия и о предстоящем «жарком лете» – наступлении на экономические и туристические интересы Турции в стране и за границей, а также возможных терактах против западных туристов, подрывая таким образом престиж Турции [126, Vol. 7, № 2, с. 2]. Возможно, такая позиция Оджалана и была, как пишет лондонская «Индепендент», тактической ошибкой, поскольку настраивала лояльные к курдам европейские государства против них [94, June 9, 1993].

Таким образом, перемирие пришло к своему малоуспешительному финалу. Возможность прекращения кровопролития была выпущена из рук. При этом факты свидетельствуют, что обе стороны оказались не готовы к масштабному политическому диалогу. Правительство с недоверием отнеслось к заявлениям Оджалана, рассматривая прекращение огня как уловку для проведения мобилизации своих сил, изрядно ослабленных после осенней кампании. Недоверие вызывало и отсутствие у ПКК конструктивных политических предложений, кроме предложения о создании федерации, которое власти никогда бы не приняли. Безусловно, на прекращении перемирия сказались и

действия некоторых активистов PKK, упомянутые выше. С другой стороны, в лице Озала PKK потеряла главного партнера по переговорному процессу. Его преемник Сулейман Демирель и новый премьер Тансу Чиллер были сторонниками более жесткой линии в отношении повстанцев.

Несмотря на объективные условия для прекращения войны и перехода к возникшему при президенте Озале политическому урегулированию курдского вопроса, по ряду причин эта возможность была упущена.

Во-первых, внутри руководства страны не было единства взглядов о путях и методах разрешения кризиса. Попыткам либерализации, сторонниками чего была Социал-демократическая народная партия и отчасти президент Озал, противостояли политические силы в лице военных и консервативных партий. Частным проявлением этого противостояния стала нежизнеспособность правительственной коалиции ПВП-СДНП в главе с премьером Демирелем, многие попытки либерализации национальной политики были фактически сведены на нет.

Во-вторых, происходило ужесточение репрессий как со стороны правительства, так и со стороны PKK. Создание лояльного политического звена курдов происходило на фоне террора Партии рабочих Курдистана, который не прекращался и в период проведения демократических выборов. С другой стороны, бесчинства турецкой армии на юго-востоке, массовые депортации местного населения, преследования и убийства представителей лояльных курдских партий и демократической прессы дестабилизировали ситуацию. Помимо этого определенная независимость Совета национальной безопасности, принимавшего решения о военных операциях и продлении чрезвычайного положения в регионе, не согласовывались с намерениями демократического крыла в турецком правительстве.

И, в-третьих, свою роль сыграла политическая незрелость курдских представителей в парламенте, нередко провоцировавших власти на применение силы вместо начала политического диалога в демократических нормах. Открытая поддержка Оджалана некоторыми членами НТП служит тому примером. Не послужил делу урегулирования курдского кризиса и демонстративный выход членов НТП из парламента, что настроило большую часть депутатов против них, а также против Социал-демократической партии.

После срыва упомянутого перемирия 1993 года Оджалан стремился к дальнейшей активизации боевых действий, отметив, что «ее целями станут и иностранные инвестиции в стране». Он заявил: «Мы примем более жестокие меры, в один день могут погибнуть 50 человек. Если мы это говорим, мы это сделаем. Мы не будем нести ответственность, если эти 50 человек умрут. У нас нет выбора, так как они уничтожают Курдистан» [76, 25.10.1993, с. 33]. После срыва процесса перемирия изменилась и тактика апочистов. В период 1993–1997 годов Оджалан неоднократно заявлял о том, что целями терактов станут туристические объекты Турции, и призывал туристов, в том числе и российских, воздерживаться от поездок в эту страну [78, № 2, 1997].

В 1993 году деятельность PKK, не без давления турецкого правительства, была запрещена в Германии. Однако в ряде заявлений Оджалана в мае 1993 года указывалось, что после запрета число сторонников PKK в Германии выросло с 7 до 11 тыс. человек, а общий мобилизационный потенциал составляет 50 тыс., то есть около 10% от всей живущей в Германии курдской диаспоры.

Сообщения о количестве убитых боевиков PKK в турецкой и курдской прессе весьма противоречивы, хотя обе стороны признают, что наиболее значительные потери боевиков произошли во время военных операций 1993 и 1997 гг. Нет точных сведений и об общей численности активистов PKK, которая постоянно пополняется вербуемыми как в Европе, так и внутри страны курдами. Учитывая определенное затишье в боевых действиях против PKK после весны 1996 года, партии, по всей видимости, удалось существенно пополнить свои ряды. Об этом в конце 1996 года в интервью «Московским новостям» заявил Оджалан [78, 1997, № 2].

Делая определенную скидку на возможную неточность сведений турецкой и курдской печати, по нашим подсчетам, к началу 1998 года численность бойцов PKK составляла от 18 до 20 тыс. человек. Из них 5–6 тыс. находились в Турции, около 2,5 тыс. – в Ираке, 100 – в Иране, 400 – в Сирии. По нашим же подсчетам, основанным на данных турецкой печати, общее количество погибших боевиков на 15 февраля 1999 года, то есть на момент ареста Оджалана, составило около 21 тыс. человек.

В конце девяностых внутри PKK усилилась борьба за лидерство, что, возможно, было вызвано желанием Оджалана

начать политический диалог с властями. Сторонниками т.н. «силовой» линии выступали Осман Оджалан, брат лидера ПКК, и полевые командиры: Джамиль Байик и Мурад Карабелян, а также Шемдин Сахык, который в начале 1998 года из-за разногласий с Оджаланом вышел из ПКК и присоединился к сторонникам Барзани. Деятельность возглавляющего политическое крыло ПКК в Европе Кани Йылмаза, наоборот, была сосредоточена на придании ПКК легального политического статуса в отношениях с парламентами европейских стран. После ареста Оджалана К. Йылмаз рассматривался в качестве возможного кандидата на пост главы ПКК.

Благодаря значительным масштабам курдской диаспоры партия имела много подпольных активистов, тайных членов среди городских масс Турции. Вот почему в начале зимы 1991/92 г. правительство Анкары со всей серьезностью отнеслось к угрозам партии развязать городскую партизанскую войну в Анкаре, Стамбуле и Измире.

Средства массовой информации Турции нередко заявляют, что ПКК и Фронт национального освобождения Курдистана» (ФНОК) имеют на востоке и юго-востоке страны широкую сеть осведомителей. С ее помощью устанавливаются владельцы крупной собственности, а затем с помощью угроз и шантажа взимается т.н. «революционный налог», который идет на закупку оружия в соседних ближневосточных странах. Турецкая компания «Интерстар» сообщала, что эта организация занимается своеобразным рэкетом: все производители табака, фундука, а также скотоводы откупаются от набегов ПКК большими денежными суммами. В противном случае склады, мастерские и другие объекты уничтожаются [76, 24.11.1993, с. 16].

Чрезвычайно разветвленная сеть представительств, в том числе и легальных, по всей Европе позволяла в девяностые годы назвать ПКК «государством без территории со своим правительством, законодательным собранием (Курдским парламентом в изгнании), базирующимся в Гааге, армией и лояльными гражданами» [78, 1997, № 2].

Однако руководство партии твердо подтверждало свое стремление перейти к легальным формам борьбы, отказавшись от террора. Изменения в позиции ПКК не могли быть незамеченными политическими и государственными деятелями Турции. Бывший руководитель турецких разведслужб профес-

сор Мухир Кайнак подчеркивает, что курды заявляют не о желании отделиться, а быть включенными в состав того же демократического государства, что и турки. Как писал вышеуказанный чиновник на страницах «Хюрриет», «ПКК служит объектом провокаций, исходящих от внешних сил. Она была бы не в состоянии создать в Турции независимый Курдистан или со статусом члена федерации. Но она могла бы вызвать важные перемены, которые привели бы к признанию курдской национальной общности и к ограничению роли армии в турецкой внутренней политике» [цит. по: 76, 23.12.1993, с. 42]. Профессор утверждает, что до сих пор курды старательно избегают действий, которые могут привести к прямой конфронтации. Он дает понять, что ПКК могла бы быть использована Соединенными Штатами с целью изменения структур Турции, чтобы сделать это государство более пригодным для мировой роли «в Центральной Азии к северу от Ирака и на Балканах» [76, 23.12.1993, с. 43].

Тем не менее в начале 1994 года высокопоставленные турецкие военные утверждали, что ПКК должна быть уничтожена, даже если это принесет большие жертвы. При этом конфронтационность властей в отношении ПКК заслуживала объективной критики. Уже упоминавшийся в настоящей работе директор Курдского института в Париже Кендал Незан утверждает, что «осуществление реформ, отложенных под предлогом борьбы с террором, которая объявлена первоочередной задачей, в результате изолировало бы и оттеснило на обочину ПКК и предоставило бы, с другой стороны, возможность освободить политическую жизнь от удушающего гнета армии [цит. по: 76, 23.12.1993, с. 43]. В одном из обращений в марте 1994 года Оджалан подчеркнул, что ПКК «не настаивает на разделении Турции и готова рассмотреть любые альтернативы, включая и федерацию» [112, 23.06. 1994, с. 50].

Таким образом, несмотря на отношение правительства Турции, ПКК оставалась той силой, с которой необходимо было считаться. Единственной партией, которая поддерживала мирные инициативы ПКК, оставалась прокурдская Демократическая партия. На страницах ее партийной прессы («Озгюр Гюндем», «Ени Ульке») активно публиковались материалы об инициативах Оджалана, давались оценки действий властей на юго-востоке.

Подводя итог, можно отметить, что в период президентства Тургута Озала (1989–1993) в отношении курдского вопроса в позиции властей произошли значительные изменения. Был снят запрет на пользование курдским языком, легализована курдская политическая партия. Меры эти, однако, носили половинчатый и незавершенный характер, ибо не могли сиюминутно снять остроту накопившихся проблем. Тем не менее с началом дискуссии по вопросу будущего курдов был выпущен из бутылки джинн, и его было весьма не просто загнать обратно. К тому же в правящей верхушке уже не было полного единства относительно этой проблемы. Представлялось, что президент предпочитал «выдавать» свободу малыми дозами и малыми темпами, причем с оглядкой на военный генералитет.

Тем не менее этот период можно охарактеризовать как период упущенных возможностей, когда стороны вплотную подошли к возможным формам если не разрешения, то хотя бы снятия остроты противоречий. Это выражалось в желании ПКК идти на политический диалог, когда центральное правительство начало действовать через посредников в поиске политического решения.

Политика либерализации национальных отношений (признание культурных прав, разрешение деятельности легальных курдских партий) после Озала проводилась с крайней непоследовательностью. И причина здесь не только в неустойчивости пяти правительственных коалиций, находившихся у власти с июня 1993 года. Причина того, что курдский вопрос так и не нашел своего разрешения заключается в том, что ни одно правительство Турции не смогло довести этот процесс до конца. Любые демократические начинания правительства проходили на фоне усиления военного присутствия в регионе, еще более жестких мер турецкой армии против повстанцев, нарушения элементарных прав человека, принципов демократии, свободы слова.

Однако и позиция ПКК, столь же бескомпромиссная и жесткая, внесла свою лепту в то, что возможности урегулирования конфликта были утрачены. Непоследовательность мирных инициатив, нежелание полностью отказаться от вооруженных методов борьбы не давали возможности сосредоточиться на принятии конструктивных политических решений.

Глава IV

ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ И КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х ГОДОВ И В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ужесточение позиций правительства в конце девяностых годов XX века

13 марта 1993 года президентом Турции был избран Сулейман Демирель. Новый глава турецкого правительства (и новый лидер Партии Верного пути) Тансу Чиллер заявила, что в действиях против курдского сепаратизма власть будет «тверда, как скала». На ужесточение позиции правительства в отношении курдов повлияли несколько условий. Во-первых, становилось очевидным, что ресурсы PKK уменьшились. С середины 1993 PKK стала избегать прямых стычек с 150-тысячным корпусом турецких вооруженных сил, да и за время перемирия PKK, очевидно, так и не смогла восстановить свою былую мощь. Анализируя боевые сводки в турецкой прессе, по нашим подсчетам, только за первые четыре месяца после возобновления боевых действий в июне 1993 г. апочисты потеряли более 1500 человек. Ответные действия партизан при этом стали все больше сосредотачиваться на акциях экономического саботажа.

Во-вторых, имело место определенное ухудшение обстановки в Северном Ираке, где «двуглавая власть» в лице ДПК и ПСК, сохраняя эффективное единство по отношению к внешнему миру, начала между собой «незримую войну», которая в 1994 году вылилась в вооруженные столкновения. В этих условиях апочисты фактически лишились возможных посредников в политическом диалоге с правительством.

В-третьих, правительству Чиллер удалось добиться поддержки западных государств – в первую очередь Германии и США – в вопросе борьбы с терроризмом. В связи с этим в 1993 году в Германии PKK была объявлена вне закона, что существенно подорвало ее поддержку в Европе.

Новое правительство Тансу Чиллер, куда помимо Партии Верного пути входила Социал-демократическая партия, отвергало любой диалог с «бандитами» из ПКК и выдвигало на первый план бескомпромиссную борьбу с террористами. Во что вылилась эта «бескомпромиссная борьба», можно судить по количеству жертв с той и другой стороны. Наблюдатели комиссии по правам человека свидетельствовали в этот период: «Из 13 тыс. военных и гражданских лиц, погибших в Турецком Курдистане начиная с 1984 года, половина погибла за последние два года» [6, б.с.]. Тем не менее успех возглавляемой Чиллер Партии Верного пути (ПВП) на мартовских местных выборах в 1995 году дает право судить о поддержке значительной части населения ее бескомпромиссной позиции [96, 05.07.1994].

В июне 1993 года был опубликован «Протокол правительственной коалиции», где подтверждалась верность курсу признания прав курдов. При этом было подчеркнуто, что «борьба против терроризма» должна продолжаться, но наряду с этим упоминалось о необходимости прекращения режима чрезвычайного положения и отмены системы «сельских стражей» [118, 13.06.1993].

Но при этом изменения произошли во взаимоотношениях власти с легальными курдскими оппозиционерами в лице НТП. Не всегда корректная политика НТП, ярко выраженный радикализм ряда ее депутатов вызывали раздражение турецких парламентариев, которые говорили о невозможности присутствия в парламенте сторонников Оджалана.

В этом и заключался один из политических парадоксов развязывания «курдского узла»: быть в оппозиции официальной точке зрения на «курдскую проблему», рассматриваемую властями исключительно как проблема терроризма, призывы сесть за стол переговоров с ПКК означали фактически нарушение антитеррористического закона, согласно которому уголовной ответственности подвергаются лица, контактирующие с террористической организацией. Именно этот тезис и был инкриминирован депутатам от НТП Судом государственной безопасности, заседание которого состоялось за неделю до закрытия партии.

Параллельно по всей стране прошли аресты активистов НТП. Полицейские подразделения начали проводить рейды по офисам Народной трудовой партии. Однако депутаты от НТП в парламенте имели время для политического маневра – созда-

ния новой парламентской партии. Согласно статье 84 (параграф 3) конституции Турции, «срок действия мандата депутата меджлиса, состоящего в партии, дело о закрытии которой рассматривается в Конституционном суде, оканчивается в момент заявления ВНСТ о роспуске этой партии.» В апреле 1993 года члены НТП, включая 16 депутатов, вышедших из состава СДНП, основали новое движение – Демократическую партию (ДП, турецкая аббревиатура – DEP, председатель – Яшар Кая). Программа Демократической партии открыто провозглашала культурное равенство прав турецкого и курдского населения страны, при этом особый акцент делался на характер отношений курдских провинций с Центром.

В результате «юридического маневра» курдские депутаты остались в парламенте в составе новой партийной фракции. Более либерально настроенный Махмут Алынак дистанцировался от бывших соратников по партии, выступив как независимый кандидат. Фракция ДП по-прежнему представляла собой группу как радикально настроенных курдских депутатов (Зана, Диджле), так и умеренных (Сакык, Садак, Мезарлыджи). Четыре бывших депутата от НТП были лишены своих полномочий. При этом мандата необоснованно был лишен бывший вице-спикер меджлиса Фехми Ышиклар, который на момент запрета партии не состоял ее членом.

Было очевидным, что со смертью Озала прокурдские партии лишились влиятельного политика, который был настроен на конструктивный диалог с курдскими парламентариями. Для членов НТП становилось все более и более явным, что партия находится на грани запрещения: продолжающиеся судебные разбирательства в Конституционном суде по обвинению в сепаратизме приближались к малоутешительному финалу. В этих условиях курдская партия провела в июле 1993 года свой последний, третий чрезвычайный съезд, на котором председатель партии Ахмет Тюрк заявил, что в случае закрытия НТП все ее кадры перейдут в создаваемую новую Демократическую партию, после чего сложил с себя полномочия председателя, чтобы сосредоточиться на создании новой партии [86, 03.07.1993]. Вместе с ним в руководство создаваемой партии перешли 16 курдских парламентариев от НТП.

14 июля было принято решение о закрытии НТП как организации, «действия и высказывания членов которой идут вразрез принципом целостности государства». Немного позднее

в «Ресми газете» было опубликовано решение суда о закрытии НТП, в котором помимо прочего было сказано, что «действия Народной трудовой партии противоречат конституции и закону о политических партиях страны, поскольку члены НТП настаивают на существовании в стране «турецкой и курдской наций», таким образом наделяя этнических курдов понятием «нация» и настаивая на ведении борьбы за их независимость и самоопределение» [118, 18.08.1993].

Если при создании НТП акцент на том, что партия является курдской, звучал не так сильно, то при создании ДП было объявлено, что новая партия нацелена на разрешение курдского вопроса в Турции в рамках демократических традиций. При этом всячески подчеркивалось, что будучи открытой для всех, партия собирается вести свою деятельность только на легальной основе и является организацией, действующей в рамках политической культуры Турции.

На первом съезде ДП в июне 1993 года ее председателем был избран Яшар Кая. На съезд прибыли 418 делегатов из 44 провинций Турции, где были созданы ее представительства [65, с. 277]. Одной из целей партии было поддержание перемирия, объявленного Оджаланом в марте месяце. Однако уже в июне перемирие было прекращено, а военные действия на юго-востоке возобновились с новой силой. В этих условиях в августе месяце ДП выступила с программным документом, призванным остановить войну на востоке страны и начать процесс мирного решения курдского вопроса. Этот «Призыв к миру», подписанный руководителями ДП, содержал, в частности, следующий взгляд на сущность курдской проблемы: «Турция в настоящее время находится в состоянии гражданской войны. В этой войне каждый день погибают 30 наших граждан. А всего уже погибло более 17 тысяч человек. Но мы знаем одно. Сколько бы эта война ни продолжалась, сколько бы еще наших граждан ни погибло, курдский вопрос никто не сможет разрешить только военным путем. Язык пушек применяется к курдам уже на протяжении 70 лет» [65, с. 281]. Далее предлагался следующий план урегулирования курдского конфликта:

- государство должно начать переговоры с избранными курдами местными органами власти;
- в конституции должно быть зафиксировано и признано наличие «курдского фактора» в Турции;

- курды получают право беспрепятственно пользоваться родным языком как в устной речи, так и в письменном виде, развивать собственную культуру и искусство;
- курдам предоставляется право обучения на родном языке, а также право пользования курдским телевидением и радио;
- создание условий для свободного и беспрепятственного обсуждения как курдского вопроса, так и других схожих проблем в турецком обществе;
- отмена чрезвычайного положения на юго-востоке;
- вывод военных спецгрупп из региона проживания курдов;
- освещение хода расследования так называемых «загадочных убийств» курдских представителей НТП и курдской интеллигенции;
- ликвидация системы «сельских стражей»;
- отмена антитеррористического закона;
- всеобщая амнистия;
- справедливая система выборов с обеспечением условий для возможности свободных политических объединений;
- обеспечение обратного заселения опустошенных или перемещенных деревень, выплата жителям компенсации;
- принятие действенных мер для подъема экономики региона компактного проживания курдов;
- возвращение исконных курдских названий населенным пунктам на юго-востоке.

Курдские парламентарии от НТП находились теперь в меджлисе как представители Демократической партии. Однако, не веря в действенность работы в парламенте, ДП сосредоточила свою деятельность и на неконвенционной политической агитации, организуя митинги протеста по всей стране. Стоит ли говорить, что большинство из них запрещалось органами власти. В сентябре 1993 года в Батмане неизвестными лицами был убит курдский депутат меджлиса Мехмет Синджар. Это убийство, как и многие из убийств курдских политиков, назовут «нераскрываемым» или «загадочным», а председатель ДП Яшар Кая на пресс-конференции заявил, что убийство депутата Санджара было «исполнено по приказанию, исходившему от самой верхушки государства» [86, 06.09.1993]. В свою очередь пресс-секретарь правительства Йылдырым Актуна заявил, что скорее всего это дело рук ПКК или исламистов из нелегальной организации «Хизбулла» [108, 06.09.1993]. Преследования новой Демократической партии начались практически сразу по-

сле ее создания. Ее председатель Яшар Кая начал вести активную деятельность за границей по налаживанию контактов с проживающими в Европе курдскими диаспорами, а также с соседними иракскими курдами. Выступая на одной из конференций курдских иммигрантов в Бонне, Кая обратился к собравшимся со следующими словами: «Я приветствую вас всех от имени Демократической партии, и мне хочется назвать вас всех детьми страны огня и солнца. Именно так, потому что назвать нашу страну настоящим именем чревато в Турции тем, что нашу политическую партию могут закрыть» [65, с. 303].

Между тем с конца 1993 года в Турции начались повальные аресты представителей ДП. Основным доводом была их связь и поддержка апочистов. Вот что по этому поводу заявил депутат меджлиса от провинции Диярбакыр Хатип Диджле: «Мы рассматриваем Партию рабочих Курдистана как политическую организацию. Ввиду отсутствия в Турции демократических каналов, через которые курды могли бы иметь политическое представительство, эта организация была вынуждена обратиться к методам вооруженной борьбы. Мы не считаем ПКК террористической организацией. Судите сами: по данным правительственных источников, в составе ПКК около 15 тысяч бойцов, около 50 тысяч сочувствующих и поддерживающих эту организацию. Как можно назвать террористической организацией партию с такой весомой поддержкой? С таким же успехом к террористам нужно отнести и Ясира Арафата, и Нельсона Манделу. За всю историю страны происходило 29 курдских восстаний. Разве это ни о чем не говорит? А то, что журналисты, возвращающиеся с юго-востока, пишут, что вернулись с линии фронта, это ни о чем не говорит?» [65, с. 341].

Летом 1994 года главной темой всех средств массовой информации стали сообщения о дискриминационных акциях против Демократической партии. Еще в начале марта 1994 года ВНСТ сняло иммунитет с курдских депутатов парламента. Не исключено, что это было сделано под давлением Совета национальной безопасности. Сразу же после лишения неприкосновенности Хатип Диджле, Лейла Зана, Орхан Доган, Сири Сакык, Ахмет Тюрк и Махмут Алынак были арестованы.

После запрета партии 16 июня 1994 г. автоматически мест в парламенте лишились оставшиеся ее депутаты – Седат Юртдаш и Селим Садак, которые также были арестованы 1 июля по обвинению в нарушении 125 статьи Уголовного кодек-

са (пропаганда сепаратизма). Ряд обозревателей связывал причины запрета с конфликтом внутри парламента из-за радикальных требований, выдвигаемых сторонниками ДП, а также из-за подозрений в их связях с ПКК. При этом большинство парламентариев потребовало вывода курдов из меджлиса [91, 18.06.1994]. Комментируя политические события в Турции лета 1994 года, связанные с курдской проблемой, обозреватель газеты «Миллиет» Онур Батур писал, что «в последнее время руководство страны приняло меры, которые нанесли ей большой вред... Турция не может «считаться с мнением демократической Европы и должна внести коррективы в свою конституцию с целью защиты прав человека» [цит. по: 27, с. 16].

Шесть курдов из состава парламента (пятеро из них – члены ДП) были арестованы по обвинению в пропаганде сепаратизма. Еще шесть членов ДП вынуждены были выехать в Европу [94, 18.06.1994].

Обозреватели ряда западноевропейских газет заметили в связи с этим, что запрет ДП является доказательством того, что правительство «хоронит любую надежду на мирное политическое разрешение конфликта» [123, 21.06.1994] и что «единственная возможность на мирный диалог с курдскими политическими элитами была упущена» [105, 18.06.1994]. При этом международные правозащитные организации отреагировали следующим образом: «Система, в которой преследуются легальные формы политической организации меньшинства, не оставляет турецким курдам иного выхода, кроме вооруженной борьбы» [8, 01.06.1994, с. 16].

8 декабря 1994 г. состоялся суд над бывшими членами ДП. Лейла Зана, Хатип Диджле, Ахмет Тюрк, Орхан Доган и Селим Садак были признаны виновными по статье 168 (параграф 2) УК Турции за принадлежность к нелегальной вооруженной организации и приговорены к 15 годам лишения свободы. К семи с половиной годам тюремного заключения был приговорен Седат Юртдаш (статья 169, поддержка вооруженной организации). Махмут Алынак и Сирри Сакык были признаны виновными по статье 8 антитеррористического закона, были приговорены к трем с половиной годам заключения и штрафу в размере 70 млн. лир, но затем были освобождены под залог после апелляции.

Судебный процесс над курдскими политическими деятелями вызвал резко негативную реакцию в Европе. Парламентская

ассамблея Совета Европы потребовала освободить курдских депутатов, признав необоснованность выдвинутых против них обвинений [4, 28.06.1994]. Комитет по правам человека из числа депутатов межпарламентского союза Европы направил делегацию в Турцию изучить обстоятельства ареста бывших депутатов. Согласно выводам комиссии, власти Турции не делали принципиальных различий между ДП и ПКК. И утверждали, что «не потерпят террористов в парламенте, а также лиц, ратующих за сепаратизм, поскольку все граждане страны обладают равными правами» [14, 04.1995, с. 9]. Следуя якобы букве закона, власти пытались изолировать курдскую политическую элиту, выступающую за права курдов, от участия в политической жизни страны.

Комментируя судебный процесс, Лейла Зана выступила на страницах западной прессы с резкой критикой позиции Турции в национальном вопросе и нарушении прав человека. Выдержки из этих статей будет нелишним привести: «Говорить о наличии курдского народа, о стране Курдистан, требовать мирного признания прав целого народа в рамках демократической системы и существующих границ в Турции невозможно, поскольку в таком случае тебя сразу заклеят как участника политического крыла Партии рабочих Курдистана. Я это испытала на себе, когда пыталась найти мирные пути разрешения кризиса. Находясь под следствием с 5 марта, мне были предъявлены обвинения в таких преступлениях, как выступление перед американским конгрессом и организацией «Хельсинки Вотч», выступление по европейскому телевидению и произнесение в турецком парламенте фразы на курдском языке. (...) Этот кафкианский процесс показал всю нелепость политики и судопроизводства в Турции. Обвинитель потребовал для нас предварительного задержания. Пять месяцев спустя суд отказался огласить свидетелей обвинения и предоставить экспертов и свидетелей для защиты. Курдские законодатели в парламенте являются для правительства идеальными «козлами отпущения» за наиболее серьезные экономические и социальные проблемы в сегодняшней Турции. Власти страны являются пленниками устаревших националистических идей и подвержены паранойе относительно «курдского сепаратизма». Турецкий экстремизм рискует спровоцировать настоящую катастрофу не только для обоих народов, но и для Запада, который смотрит на Турцию, как на важный стратегический форпост» [96, 07.12.1994].

Под давлением общественности дело о пересмотре приговора курдским депутатам было передано в Кассационный суд страны. В решении суда содержались следующие аргументы: «Суд считает, что депутаты Парламента за свои речи и выражение точки зрения не могут подвергаться преследованию. Однако тот аргумент, что депутаты были арестованы за свои выступления и политическую активность, не подтверждается фактами. Причиной ареста стали подтвержденные факты связи депутатов Демократической партии с запрещенной Партией рабочих Курдистана». При этом приводились данные о том, что депутат Лейла Зана якобы проходила тренировки в лагерях PKK в долине Бекаа [131, 25.11.1995]. Однако основными «подтвержденными фактами» назывались только высказывания некоторых членов ДП в поддержку апочистов. Так, Наиф Гюнеш, член партии, якобы заявил: «Мы все – сторонники PKK» [93, 17.04.1995].

Параллельно с запретом прокурдской партии проводились жесткие меры по обезвреживанию PKK. Летом правительство Чиллер приняло решение о создании «специальной» регулярной армии для борьбы исключительно с боевиками PKK, значительную часть которой (около 5 тыс.) составили «серые волки» – добровольцы из числа Партии националистического действия (ПНД) [119, 28.07.1994]. Планировалось, что численность специальных войск, подготовленных для ведения боевых действий в горных условиях, возрастет с 10 до 70 тыс. в течение нескольких лет. Это решение было подвергнуто резкой критике депутатами от ДП, которые понимали, что участие в военных действиях ультранационалистических элементов могло привести к резкому ухудшению межэтнических отношений в стране.

20 марта 1995 года турецкая 35-тысячная армия при поддержке танков, вертолетов и истребителей P-16 снова вторглась на сопредельную иракскую территорию. Согласно данным турецкой разведки, в Северном Ираке нашли укрытие 2800 боевиков PKK, которые были равномерно рассредоточены в ряде населенных пунктов: Метин, Хафтанин, Шири, Мези-Керядери. Только за первые два дня вторжения были убиты, согласно данным турецкой прессы, около 200 боевиков. Войска оставались в Северном Ираке до середины апреля.

Премьер-министр Чиллер сообщила в докладе ВНСТ, что турецкие войска «должны действовать таким образом снова и снова, если этого потребует правительство», мотивируя это вторжение жизненными интересами Турции [72, 07.1995, Vol. 7,

№ 7, с. 307]. Недоверие и обвинения Турции в адрес Ирака и Сирии заметно усилились после провозглашения автономии Иракского Курдистана. В 1994 году турецкая сторона снова выступила с заявлениями, обвиняя эти две страны в поддержке терроризма в лице PKK [52, с. 303].

Конкретным проявлением кризиса стало ужесточение позиции Турции в «водном вопросе», касающемся контролирования подачи воды рек Тигр и Евфрат в Ирак и Сирию. В 1994 году в очередной раз были подписаны протоколы, по которым Сирия обязывалась прекратить помощь боевикам PKK и убрать их базы с контролируемой территории в Ливане. Однако и эти протоколы мало повлияли на отношение сирийского правительства к апочистам. Помощь продолжалась. Аналогичные обвинения Анкары раздавались и в адрес Ирана. Несмотря на наличие договора о безопасности совместных границ, Турция постоянно указывала, что иранское правительство поддерживает PKK и позволяет боевикам пользоваться иранской приграничной территорией.

В своих выступлениях в 1994 году Чиллер отмечала, что для решения курдской проблемы (т.е. для истребления терроризма) понадобится год или более. В парламентских кругах при этом отмечалось, что условия для умеренной политики в отношении PKK вряд ли существуют, так как правительство отдало вопрос под контроль военных и не собирается менять своей позиции. Некоторые турецкие политики высказывают опасение, что в случае провала военной кампании генералы потребуют введения военного положения в регионе взамен чрезвычайного, а за этим может последовать военный переворот, поводом к которому послужит неспособность гражданской администрации справиться с проблемой сепаратизма. Однако вероятность этого невелика, так как, не считая юго-востока, политическая обстановка в стране достаточно стабильная. В июле 1995 года 360 голосами против 32 парламент принял пакет реформ, предложенных Тансу Чиллер. Конституционные изменения предполагали снижение возраста для голосования с 20 до 18 лет, увеличение количества парламентариев, изъятие из конституции параграфа, провозглашавшего исключительную роль переворота 1980 года.

Пакет мер многими критиковался за невнимание к курдскому вопросу, а также к свободе печати и волеизъявления. С другой стороны, он был свидетельством того, что правитель-

ство готово пойти на ряд более радикальных реформ, в том числе и по курдскому вопросу.

Процесс демократизации отношений с курдами в этот период отличался крайней непоследовательностью. На первой же пресс-конференции после вступления в должность премьер-министра Тансу Чиллер заявила, что коалиция ПВП-СДП «не видит препятствий для проявления культурных различий турок и курдов и подготовит постановление об открытии теле- и радиовещания на курдском языке» [108, 16.06.1993]. Однако уже через неделю, 20 июня, Чиллер объявила, что не допустит вещания на курдском языке, «так как это первый шаг к курдскому сепаратизму» [108, 24.06.1993]. Причины столь резкого изменения тона позволяют предположить о давлении на правительственную коалицию со стороны генералитета, а также о наличии противоречий по этому вопросу внутри коалиции. Аналогичная ситуация сложилась, например, и в октябре 1993 года после заявления премьер-министра о возможности применения к Курдистану т. н. «баскской модели», (культурная автономия в рамках унитарного государства), но через несколько дней Чиллер вынуждена была отказаться от своих слов [134, б.с].

Выступавший в меджлисе президент Сулейман Демирель заявил, что «главные враги турецкого государства по-прежнему находятся в парламенте», имея в виду депутатов от ДП [29, 02.1998]. Главным обвинением при этом по-прежнему оставались сигналы о том, что некоторые члены ДП активно контактируют с Оджаланом. Во многом это заявление послужило и причиной давления на про-курдски настроенных политиков по всей стране, с одной стороны, и активизации ультра-националистов, с другой.

15 сентября 1993 года по распоряжению прокурора Суда госбезопасности был арестован председатель ДП Яшар Кая, который через полтора месяца был приговорен к двум годам лишения свободы за пропаганду сепаратизма. Политические преследования членов ДП приобрели угрожающие масштабы.

В декабре 1993 года государственный прокурор Анкары Нусрет Демирал начал судебное разбирательство против Демократической партии. При этом обвинитель подчеркивал, что «устав партии не противоречит условиям ОБСЕ и Парижской хартии по принципам самоопределения народов, поскольку в них речь шла о заморских странах-колониях, а Курдистан – не колония, а часть унитарного государства» [15, 05.1994].

22 декабря 1993 года президент Демирель заявил, что «лица, подозреваемые в связях с ПКК, не могут быть допущены к местным выборам, и в отношении них будут приняты соответствующие меры» [108, 23.10.1993]. На основании этого заявления были предприняты расследования в отношении 16 депутатов на посты мэров в городах восточных провинций. Репрессии усилились в феврале 1994 года. 9 февраля был арестован кандидат в мэры Догубаязита Махмут Тозбей, были задержаны его жена и дети, а 11 февраля – кандидат в мэры Игдыра. Только в период с 9 по 11 февраля были арестованы около 200 человек [134, б.с].

С 20 января по 1 февраля были разгромлены представительства Демократической партии в Енишехире, Анкаре, Мамаке и Дерике (провинция Мардин), а 6 февраля неизвестными в Анкаре был тяжело ранен генеральный секретарь партии Мурат Бозлак. Наконец, 18 февраля в Анкаре был вновь атакован центральный офис партии, в результате чего один из его сотрудников погиб, а 16 получили ранения [93, 23.02.1994].

Эти события оказались в центре внимания на заседании ВНСТ, где члены парламента Сирри Сазык и Хатип Диджле заявили, что «атака – это результат спланированных действий Совета национальной безопасности, предпринятых для того, чтобы ДП отказалась выставлять своих кандидатов на местных выборах». В ответ на эту реплику министр внутренних дел Ментеше заявил, что атака – дело рук самих курдов, а самого Диджле высокопоставленный чиновник назвал «предателем Родины» [108, 20.02.1994]. Аналогичное высказывание в адрес Диджле последовало позднее и из уст самого президента, который добавил, что «сторонники ПКК должны быть выкинуты из парламента» [133, 23.02.1994].

К примеру, Эрик Аверби писал по этому поводу: «Нет сомнения в том, что именно правительство инициирует акции насилия в отношении ДП. Достаточно взглянуть на хронику событий, чтобы понять, что никакая неформальная организация не может с такой тщательностью совершать теракты, чтобы ни один из них не был бы раскрыт полицией» [134, б.с]. В итоге председатель Демократической партии вынужден был заявить, что ДП не примет участия в местных выборах 25 февраля 1994 г. [124, 26.02.1994].

Таким образом, прокурдское политическое движение было отстранено от участия в выборах. Учитывая популярность у

курдского электората оппозиционных партий, отстранение ДП привело к переориентации значительной части избирателей на юго-востоке в сторону исламистов – другого оппозиционного движения в лице Партии Благоденствия (ПБ – Refah Partisi), по сути представлявшей не меньшую угрозу существующему режиму. После убедительной победы здесь ПБ Диярбакыр был даже назван «оплотом исламистов» [87, 29.03.1994].

Постоянные нарушения прав человека в Турции вызывали критику ее союзников по блоку НАТО, особенно европейских держав. В девяностые годы курдская проблема перестала рассматриваться как внутренний вопрос Турции. Попытки Турции вступить в Европейское сообщество и переговоры о принятии ее в члены Таможенного союза в рамках ЕЭС были во многом осложнены проблемами с обеспечением прав курдов.

Решение о сокращении военной помощи Турции было принято Соединенными Штатами в мае 1994 года: Палата представителей проголосовала за уменьшение военной помощи Турции на 25 процентов [91, 23.06.1994]. Тансу Чиллер довольно резко отреагировала на это решение, заявив, что в таком случае Турция может «вообще прекратить военное сотрудничество с США, но борьба с терроризмом не будет остановлена» [123, 31.05.1994].

В августе 1995 года в Турции был опубликован специальный доклад Турецкой промышленной палаты, подготовленный профессором Догу Эргилем. В его основу лег социологический опрос, проведенный в ряде юго-восточных провинций: в Диярбакыре, Батмане и Мардине, а также в ряде крупных городов – в Анталье, Мерсине и Адане. Согласно результатам опроса, 13% респондентов высказались за создание независимого государства, 13% высказались за автономию и 42% предпочли федеративное устройство Турции. При этом 35% опрошенных подтвердили, что у них имеются родственники среди членов PKK, при этом PKK поддерживали больше жители крупных городов, нежели сельское население на юго-востоке. В общем опрос показал, что лишь незначительная часть курдов поддерживает идею отделения Курдистана. Большинство же выступает за целостность Турции при условии соблюдения культурных прав курдов. Этот опрос, по некоторым сведениям, проведенный с ведома премьер-министра Тансу Чиллер, вызвал резкую критику как со стороны консерваторов, так и со стороны PKK [91, 10.08.1995]. При этом подобное исследование действи-

тельно заслуживает объективной критики: опросы сельских жителей не проводились в таких вилайетах, как Сиирт и Хакяри, которые наиболее пострадали от военных действий и где население традиционно оказывало поддержку сепаратистам. Поэтому приведенные выше данные вряд ли можно считать объективными без учета мнения населения этих двух вилайетов. С другой стороны, включение в опрос жителей крупных городов, где проживает большое число выходцев с Востока, позволило увидеть разницу во взглядах на указанный перечень вопросов между городским и сельским курдским населением.

Опрос мнения населения о поддержке сецессии Курдистана проводился впервые за всю историю Турции. Доклад, сделанный на основе исследования, вызвал бурные дискуссии: некоторые левые назвали профессора Эргиля «агентом ЦРУ», а само исследование – государственным заговором. Возможная цель подобного исследования – проверка гражданской терпимости перед реформой антитеррористического закона.

8 ноября 1995 года был опубликован доклад «Юго-Восточная Анатолия: вопросы миграции», подготовленный федерацией профсоюзов «Тюрк-металл» совместно с университетом Гази. Целью работы было исследование причин миграции местного населения. Проведенный опрос показал, что подавляющая часть населения 15 восточных провинций страны, в том числе десяти провинций чрезвычайного положения страдает от экономических проблем. Авторы документа указывают на необходимость решения на юго-востоке острых социальных проблем, подъема уровня жизни, уменьшения налогового бремени для частного сектора и развития животноводства. Другой вывод доклада заключается в том, что жители юго-востока Турции не хотят столкновений на этнической почве и не желают подрыва единства государства.

Можно также сослаться на доклад специальной комиссии по изучению этнополитической ситуации в турецком Курдистане при конгрессе США (сентябрь 1995 г). На основе данных, предоставленных американскими исследователями Мишелем Мейнардом и Джорджем Пикардом, «Диярбакыр, как и весь Курдистан, представляется ареной схватки военных и боевиков PKK. Однако сейчас один из высокопоставленных военных чинов высказался следующим образом: «PKK – дестабилизирующий элемент безопасности, но не больше, ибо ее хребет уже переломлен...Напряженность спала за последние два года.

В предыдущие визиты в Диярбакыр мы часто видели патрульные машины, вооруженных солдат и проверки чуть ли не на каждом перекрестке. В этот приезд наши документы проверили только один раз. В вечерние часы улицы Диярбакыра не так пустынные, как раньше. Большинство курдов, которых мы встречали, не поддерживают независимость Курдистана, а выступают лишь за предоставление им культурных прав» [3, с. 5]. В докладе объективной критике была подвергнута позиция турецких властей в отношении обуздания роста курдского национализма: «Любое участие третьих сторон в попытках разрешения конфликта рассматривается турецкими властями как вмешательство во внутренние дела страны. Это касалось и участия объединенных сил Англии, США, Турции и Франции в операции «Обеспечение спокойствия» («Provide Comfort») по доставке гуманитарной помощи курдским беженцам, предотвращая их массовый исход с территории Ирака в юго-восточные вилайеты Турции. Тем не менее, по заявлениям официальных турецких лиц, эта операция «не служит интересам Турции, а по сути, готовит почву для создания курдского государства... Даже представителям посольства США в Турции рекомендовано не употреблять в речи слова "курдская проблема", чтобы не дать повод заподозрить, что США поддерживают движение курдов» [там же, с. 6].

В октябре с приближением всеобщих выборов и в конце 1995 года премьер-министр Чиллер сделала некоторые уступки, очевидно, в надежде убедить Европейский парламент ратифицировать таможенный союз с Турцией, подписанный в марте 1995 года. В конце октября турецкий парламент модифицировал, но не упразднил восьмую статью антитеррористического закона [91, 30.10.1995]. После этого 13 декабря Европарламент ратифицировал таможенный союз. При этом многие правые политики в Турции заявляли, что нератификация до выборов таможенного союза приведет к резкому снижению популярности ПВП и, как следствие, росту популярности оппозиции, в первую очередь происламской Партии Благоденствия [89, 14.12.1995].

В свою очередь, стремясь использовать предвыборную ситуацию для привлечения внимания общественности к курдам, Оджалан заявил о возможности сложить оружие, если турки признают национальную самобытность курдов. При этом Оджалан подчеркнул обратился к правительству США, пред-

лагая выступить с инициативой и найти мирное решение курдской проблемы» В начале ноября в условиях острого правительственного кризиса Оджалан объявил, что осуществит прекращение огня, если правительство Чиллер получит вотум доверия [93, 03.11.1995].

14 декабря 1995 года PKK объявила второе в девяностых годах одностороннее прекращение огня. Власти сочли перемирие очередным маневром. Правительственная пресса писала: «Перемирие» необходимо Апо для того, чтобы консолидировать свои формирования и представить PKK мировой общественности, как мирную политическую организацию, которой не дают возможности начать диалог... Однако серьезное отношение к «перемирию» означает оказание поддержки врагам согласия и плюрализма в стране» [93, 15.12.1995].

Руководствуясь подобной точкой зрения, власти пошли на усиление военного присутствия на юго-востоке, перебросив к весне 1996 г. 30-тысячную армию. 13 марта было объявлено о прекращении перемирия [124, 14.03.1996]. В преддверии декабрьских всеобщих выборов 1995 года власти стремились поддержать спокойствие в регионе, усилив там военное присутствие. В прессе муссировались слухи, что PKK намерена осуществить нападения на кандидатов от различных партий. В район экстренно были переброшены дополнительные войска и жандармерия в количестве 35 тыс. человек [108, 08.12.1995]. «Миллиет» сообщила, что местное руководство намерено предложить «перевести многонациональные силы, находящиеся на границе с Ираком, в подчинение НАТО, что позволит Турции как члену альянса использовать их для противодействия Партии рабочих Курдистана» [там же].

С приближением всеобщих парламентских выборов в конце 1995 года многие политические партии, желая привлечь курдский электорат, заявляли о «неминуемом урегулировании» курдской проблемы. Исламская Партия Благоденствия обещала положить конец «войне между мусульманами». Депутат парламента от Партии Благоденствия признал в 1993 году, что государство притесняет население на юго-востоке. «Они говорят, что имеют дело с апочистами, – заявил он, – они говорят неправду» [76, 25.10.1993, с. 35].

Руководство Партии Верного пути во главе с Чиллер ориентировалось в основном на националистически настроенных турок, однако и оно внесло в свою программу тезис о необхо-

димом демократическом урегулировании курдского вопроса. Однако из консервативного крыла большую поддержку у курдов получил лидер Партии Отечества Месут Йылмаз. После неожиданного визита к писателю Яшару Кемалю, защитнику прав курдов, Йылмаз объявил, что «решение курдской проблемы стало его обязанностью и вопросом чести» и что он будет посвящать свои следующие пять лет жизни этому делу, независимо от того, как это скажется на его политической карьере. В списках ПО пять мест были предложены представителям Партии новой демократии, чей обновленческий энтузиазм был в свое время подавлен представителями правящих элит во главе с Чиллер.

Участие во всеобщих парламентских выборах Народно-демократической партии (турецкая аббревиатура – НАДЕП), созданной сторонниками ДП вскоре после ее закрытия в 1994 году, было преподнесено турецкими властями как неоспоримое подтверждение того, что теперь курды имеют право избирать своих национальных представителей в парламент. Однако тот факт, что на выборах ХАДЕП получила всего 4,17% голосов и не преодолела десятипроцентный рубеж, позволяющий вести своих представителей в парламент, дал право многим в Турции говорить о том, что ХАДЕП практически не имеет поддержки населения.

Между тем данные по юго-восточным провинциям свидетельствуют об обратном: местное население отдало большинство своих голосов именно Народно-демократической партии: Диярбакыр – 46,31% избирателей, Сиирт – 26,6%, Батман – 37,2%, Ширнак – 25,88%, Мардин – 21,95% [135, б.с].

Попытки пересмотреть консервативные подходы правительства Чиллер к проблеме юго-востока были предприняты Месутом Йылмазом (премьер-министр с марта 1996 г.) и лидером исламистской Партии Благоденствия Неджметтином Эрбаканом (премьер-министр с июня 1996 г.).

Сторонник форсированного экономического развития региона, сокращения там военного присутствия, Месут Йылмаз (глава правительственной коалиции с «Догру Йол» (Партией Верного пути) с марта 1996 года) во многом стремился продолжить начинания покойного президента Озала. В интервью газете «Миллиет» он заявил: «Основное отличие моего правительства заключается в определении этой проблемы (*проблема курдов* – К.В.). Мы не определяем эту проблему как про-

блему терроризма. Это хроническая «головная боль» Турецкой республики, которая усугубилась из-за ошибок всех предыдущих правительств (...) Этот вопрос требует нового подхода, более гуманного, более смелого. (...) Став свидетелями потери более 15 тыс. граждан, мы достигли взаимопонимания в том, что проблема может быть решена мирными средствами, а не военными» [108, 26.03.1996]. Вскоре после своего вступления в должность, Йылмаз посетил празднование Ноуруза в юго-восточных провинциях страны. Это свидетельствовало о намерении новой власти пересмотреть подходы к этой проблеме.

Тем не менее в высших эшелонах власти Турции по-прежнему оставались сторонники жесткой линии в отношении PKK – это генералитет и его представители в Совете национальной безопасности: 15 марта 1996 года по решению этого органа режим чрезвычайного положения в десяти курдских провинциях в очередной раз был продлен на четыре месяца. В это же время началась масштабная военная операция «Весна-96» по ликвидации боевиков на территории Турции (провинции Тунджели, Сивас, Эрзинджан). В июне 10-тысячная группировка военных проводила операции в Хакяри. За первую неделю июня погибли 225 боевиков. Всего за первую половину 1996 года было убито 1128 курдских повстанцев.

Правительство Йылмаза продержалось всего несколько месяцев. В июне 1996 года на посту премьера его сменил Неджметтин Эрбакан, лидер первой в истории страны исламистской партии, пришедшей к власти. Курдский вопрос занимал особое место в политической программе Партии Благоденствия.

Происламская политика ПБ вызвала резкое обострение внутривнутриполитической обстановки, столкнув силы, выступающие за «исламский ренессанс» страны и сторонников государственного секуляризма, и поставив общество на грань нового военного переворота. Политическая ситуация внутри страны в условиях правления ПБ не касается непосредственно темы настоящего исследования, и поэтому ниже рассматриваются лишь вопросы, касающиеся отношения ПБ к курдскому вопросу.

Эрбакан считал первоочередной задачей «положить конец братоубийственной войне между мусульманами». В отличие от других партий власти ПБ пользовалась наибольшей поддержкой на юго-востоке, которая рассматривалась здесь наряду с ХАДЕП как основная оппозиционная партия, способная позитивно повлиять на государственную политику в отношении кур-

дов. Об этом свидетельствуют и результаты парламентских выборов 1995 года. В провинциях Адьяман, Газиантеп, Сиирт, Килис, Урфа ПБ получила гораздо больше голосов, чем фаворит местных избирателей ХАДЕП: Адьяман – 32%, Газиантеп – 23,7%, Сиирт – 27,9%, Килис – 25,7%, Урфа – 26%. В других вилайетах голоса в поддержку ПБ распределились следующим образом: Диярбакыр – 18,8%, Батман – 25,7%, Мардин – 20%, Ширнак – 8,3% [135, б.с].

Однако уже через пять месяцев своего правления тон ПБ в отношении курдов стал более сдержанным, а высказывания более осторожными. В январе 1997 года, отвечая на вопросы в отношении курдской политики, Эрбакан говорил: «Как может каждая этническая группа в нашей стране вести преподавание на родном языке? Государству при этом настал бы конец. Люди могут свободно говорить на курдском в своих домах, но не в школах или на телевидении. Люди в регионе не отождествляют себя со всем народом из-за недостатка образования. Курдская идентификация является во многом искусственной» [119, 25.01.1997].

Как уже отмечалось, в девяностых годах юго-восток переживал своеобразный «религиозный ренессанс» – создавались исламские политические организации, усиливалась роль религиозного воспитания. Напомним, что этот процесс был в свое время санкционирован президентом Озалом как «противоядие» от марксистской идеологии. К опасности курдского сепаратизма добавилась активизация в Турции происламски настроенных сил, которые олицетворяла ПБ. В 1996–1997 годах эта проблема даже отодвинула на задний план курдскую, поскольку представлялась рядом политических кругов наиболее опасной в тот период.

В девяностые годы и на юго-востоке Турции наметился рост политических и общественных движений исламистской ориентации. В то время как большинство курдских марксистских движений постепенно распадались на более мелкие группировки или вовсе переставали существовать, религиозное исламское движение находило весомую поддержку населения и рассматривалось в качестве альтернативы современным политическим движениям, отстаивающим кемалистский принцип секуляризма. В одном из номеров «Миддл Ист Ревью» сообщалось, что турецкие группировки «Хизболла» организационно и идеологически схожи с иранскими религиозными политическими группировками, но состоят в большинстве из турецких курдов. Целями их

нападений становятся секуляристы и левые движения промарксистского толка, включая ПКК [107, 01. 1998].

Ахмет Тюрк, курдский депутат, заявлял, что «Хизболла» («партия Аллаха») находится целиком под контролем полиции, намекая, видимо, на то, что рост влияния ислама в курдских провинциях иницируется и поддерживается властями в качестве альтернативы идеологам крайне левого толка.

В течение нескольких лет турецкая пресса резко реагировала на информацию о контактах ПКК с организациями «Хизболла». Отличительной особенностью исламистских политических движений на юго-востоке было большое количество мелких религиозных организаций, зачастую не связанных между собой и имеющих различные взгляды и политические программы.

4 июля 1995 года в Турции были опубликованы данные, предоставленные парламентской комиссией по изучению конфессиональной ситуации на юго-востоке. Согласно этим данным, на юго-востоке функционировало по меньшей мере пять партий «Хизболла», не имевших отношения к ливанской партии с таким же названием, никак не связанные между собой. Одна из них возникла на юго-востоке со штабом на базе ПКК в Бекаа. Внутренние разногласия привели к вооруженному противостоянию, в чем, по мнению государственной комиссии, и лежит секрет нераскрытых убийств.

Другая партия фигурирует в докладе как «партия «Хизболла» из Батмана». В основе ее программы лежала необходимость ведения священной войны «джихад» и создания на территории Турции «современного теократического государства».

Упоминается также партия «Хизболла» из Мардина – военно-политическая организация, созданная в 1993 году и противостоящая ПКК. В докладе также фигурирует партия «Хизболла» из провинции Бингёль [93, 04.07.1995]. К числу полулегальных организаций следует отнести созданную в девяностых годах Курдскую исламскую партию, тяготеющую к Партии Благоденствия (с 1998 г. – Партия Достоинства).

Сейчас в Турции ни для кого не секрет, что правительство долгое время закрывало глаза на действующие на юго-востоке религиозные террористические организации, рассматривая их в качестве своеобразного противовесия против идеологии ПКК. К тому же радикальные религиозные партии были для правительства тем эффективным пугалом, на которое можно было списать все «загадочные убийства» курдских националистов

(кстати, за все время существования НТП и ДП до закрытия последней были «загадочно убиты» 64 курдских активиста, принадлежавших к этим партиям).

Косвенным подтверждением этому служит тот факт, что после ареста Оджалана в 1998 году правительство сразу же приняло меры по нейтрализации партии «Хизболла» на территории Турции, а в 2000 году во время стычки с полицией в Стамбуле был застрелен ее руководитель Хусейн Велиоглу. Как пишет турецкий журналист Эмин Демирель: «Именно после этого убийства началась полномасштабная операция полиции против всех Хизболла» [50, с. 454].

Первые столкновения сторонников группировок «Хизболла» и апочистов относятся к 1991 году. Однако с 1992 года эта борьба резко активизировалась. Примечательно, что уже с 1993 года «Хизболла», действовавшая на юго-востоке, выступала с лозунгами создания Исламского государства Курдистан, на манер Ирана. Анализируя результаты выборов, «Миллиет» писала, что «при определении политического выбора избирателей все большее влияние оказывает религиозный и этнический фактор» [108, 24.05.1996].

Напомним, что после прихода к власти Партия Благоденствия подвергалась, подобно прокурдской ХАДЕП, политическому давлению со стороны парламента и генералитета. Причина была не только в том, что руководство партии бросало вызов устоям государственного секуляризма. Политика Эрбакана была направлена на ограничение роли военных в политической жизни страны, а также на поиск компромисса в курдском вопросе. Именно в период правления «исламского» премьера власти снова попытались выйти на неофициальные контакты с ПКК. О первых неофициальных контактах правительства в лице Эрбакана с ПКК сообщил в своем интервью «Московским новостям» Оджалан, отметив, что «премьер действует робко, с оглядкой на военных» [78, 1997, № 2].

Дестабилизация внутривнутриполитической ситуации, вызванная вынужденной отставкой Эрбакана с поста премьер-министра, казалось бы, должна была вызвать активизацию курдского националистического движения, в первую очередь ПКК, готовых выгодно использовать в своих целях поляризацию сил в правительстве, представлявшем собой противоестественную коалицию между ПБ и правоцентристской ПВП. Боевые действия турецкой армии и в этот период не прекращались, по-

сколькo решения о военных операциях по-прежнему принимались Советом государственной безопасности, в котором участвовал президент. Однако изучая хронику боевых действий за 1996–1997 год, заметен спад активности боевиков PKK.

В начале 1997 года военные в очередной раз провели серию масштабных операций против апочистов внутри Юго-Восточной Анатолии. 15 мая последовало вторжение на территорию Северного Ирака, в результате чего, по сообщению турецких газет, за полторы недели были убиты 1800 повстанцев. 9 июня, когда операция была завершена, PKK потеряла убитыми 2280 человек, вооруженные силы Турции – 90 чел. [86, 10.06.1997] Таким образом, наряду с операцией «Сэндвич» в октябре 1993 года военные действия весной 1997 года нанесли наиболее ощутимые потери PKK.

После вынужденной отставки Эрбакана к власти вновь пришло правительство Месута Йылмаза. В августе вице-премьер Бюлент Эджевит заявил о возможности «отмены чрезвычайного положения на юго-востоке, не ослабевая при этом борьбу с террором» [86, 12.08.1997]. Через месяц обещания правительства частично были выполнены: 30 сентября чрезвычайное положение было отменено в илах Батман, Бингель и Битлис. При этом оно было сохранено в оставшихся семи илах: Ван, Диярбакыр, Сиирт, Тунджели, Хакяри, Ширнак, Элязиг. В результате военных операций к концу 1997 года позиции апочистов были сильно подорваны. В марте 1998 года турецкими спецслужбами был захвачен один из первых лиц PKK Шемдин Сакык. Боевые действия турецкой армии продолжались и в 1998 году. За этот год апочисты потеряли 1530 бойцов убитыми.

В этот период в Турции по-прежнему оставался в действии «Закон о прессе», принятый военными в 1983 году, а также «Закон о радио и телевидении», которые ограничивали свободу слова журналистов. Основываясь на этих законах, на статьях антитеррористического закона, а также на 125-й и 132-й статьях Уголовного кодекса (пропаганда сепаратизма и разжигание вражды на почве различия языка и расы), которые интерпретировались весьма широко, власти Турции предпринимали беспрецедентное для мировой практики давление на свободную прессу, особенно на печатный орган ХАДЕП – газету «Озгюр Гюндем».

Первый удар по легальной курдской прессе был нанесен 15 января 1993 года в период начала давления на курдскую

партию: в редакции газеты «Озгюр Гюндем» начались обыски, а через год, 14 апреля 1994 года газета была закрыта. 28 апреля газета возобновила свою деятельность, но уже под новым названием: «Озпор Ульке» («Свободная страна»), но уже через семь месяцев на это печатное издание был наложен штраф в размере 8,6 млрд. лир (737 тыс. долл. США). Так, поводом к закрытию газеты полиция посчитала тот факт, что «ее главный редактор Давут Карадаг не сообщил в полицию их новый адрес в Стамбуле» [62, 12. 1993]. В феврале 1995 г. «Озгюр Ульке» разделила участь «Озгюр Гюндем» и тоже была закрыта. Запрещено было и новое издание ХАДЕП – газета «Ени политика», просуществовавшая всего несколько месяцев (с 13 апреля по 16 августа 1995 г.).

Большинство курдской общественно-политической периодики начало издаваться в Турции в 1994 году. Помимо упомянутых газет следует упомянуть такие издания, как «Денге Азади» (запрещена 10 марта 1995 г.), «Ноуруз», «Рохани» (выходит с мая 1995 г.), «Жина ну», «Рож».

В 1994 году по закону о прессе состоялось 65% всех судебных слушаний, из них 1 162 слушания по курдским газетам [57, с. 16].

К концу 1993 года 6 журналистов, а также 14 сотрудников газеты «Озгюр Гюндем» были убиты при неизвестных обстоятельствах. Один журналист исчез. В результате покушения стал инвалидом журналист «Ени Ульке» Бурхан Карадениз [62, 12.1993].

По подсчетам заместителя директора организации «Хельсинки Уотч» Луи Витмана, с февраля 1992 по конец 1993 года в общей сложности 30 журналистов и дистрибьюторов курдских газет погибли от рук неизвестных убийц. Как пишет Витман, «не только убийцы не были найдены, но даже расследование практически не проводилось. Организация «Хельсинки Уотч» глубоко обеспокоена тем, что можно охарактеризовать как кампанию против прессы, освещающей события на юго-востоке [71, 02.1994]. 14 июня 1994 года главный редактор «Ени Ульке» Гурбетелли Эрсоз, заместитель редактора и четыре журналиста предстали перед судом в Стамбуле по обвинению в принадлежности к нелегальной организации и развязывании «пропаганды сепаратизма» [93, 15.06.1994]. Параллельно международная организация журналистов признала Турцию как одну из наиболее опасных стран для журналистской деятельности [57, с. 16].

В целом за 1994 год, согласно сведениям Ассоциации по правам человека Турции, в стране по политическим мотивам были арестованы 14 473 человека, произошло 192 нераскрытых убийства и 298 случаев незаконного применения силы в отношении гражданских лиц [75, с. 34].

Аналогичные случаи происходили и в 1995 году. Согласно тому же источнику, только за июль месяц 1995 года произошло 13 «загадочных убийств», 19 человек числились пропавшими без вести после задержания силами безопасности. Арестовано было 1 572 человек, из которых 62 – журналисты [95, 22.08.1995]. Позиция Турции в отношении курдских газет подверглась резкому осуждению. Критические материалы о политике правительства Чиллер в отношении курдов стали появляться и в лояльной властям турецкой прессе. Как писала в 1995 году «Миллиет», «нет ни одного политика, который бы остался доволен государственной политикой в курдском вопросе. Несмотря на подбирающийся к стране «пожар гражданской войны» до сих пор нет единства взглядов относительно путей решения этой проблемы» [цит. по: 27, 1998, № 2].

К концу девяностых как курдские, так и западные правозащитные организации накапливали все больше и большее количество подтвержденных фактов нарушения прав человека на юго-востоке страны. Причем чаще обращалось внимание не на террор PKK против мирного населения, а на действия представителей властей – полиции, жандармерии и регулярной армии, которые отличаются не меньшей жестокостью. Согласно заявлению Махмуда Онгёрена, руководителя анкарского представительства Организации по правам человека, «Турция рассматривает только военные методы разрешения курдского кризиса», что ведет к эскалации насилия [91, 23.06.1994].

«Международная амнистия» и организация «Хельсинки уотч» регулярно предоставляют списки нарушений прав человека в Курдистане, которые включают пытки, недостойное обращение при задержании, исчезновения людей, самоуправство, расправы, а также нарушения прав в отношении представителей средств информации [1, с. 2].

По данным Международной амнистии начала 1995 года, турецкое правительство вместо того, чтобы предотвращать подобные случаи нарушений среди представителей закона, утверждает, что все это «вымыслы и неверная информация» [2, с. 1].

По-прежнему в результате военных операций на юго-востоке больше всего страдало мирное население. Наиболее бесцеремонным отношением к местному населению «прославились» спецвойска командос по борьбе с партизанами, находящиеся в подчинении Министерства внутренних дел. Именно на них многими правозащитными организациями возлагается ответственность за несколько сот исчезновений мирных граждан [2, 02.1995, с. 8]. Что же касается репрессий PKK, то апочисты также прибегали не только к запугиванию, но и убийствам журналистов, представителей местной власти, государственных служащих, в частности учителей. В заявлении октября 1994 года Оджалан повторил свой тезис десятилетней давности о том, что учителя в учебных заведениях, создаваемых государством, рискуют быть убитыми от рук боевиков. Это заявление еще раз убедило многие правозащитные организации в том, что практика уничтожения мирных граждан становится обычной политикой PKK. Репрессиям со стороны как военных, так и партизан подвергались не только мирное население, но также и те, кто настаивал на иных способах разрешения кризиса.

К началу 1995 года около 90 журналистов, общественных активистов и политических деятелей находились в тюрьме по обвинениям в «нанесении ущерба целостности государства». В 1995 году новый срок заключения получил известный турецкий социолог-марксист Исмаил Бешикчи – автор многих научных работ по ситуации в Курдистане.

Нарушение прав человека и возможные санкции со стороны Европы вызывали беспокойство и в деловых кругах Турции. В сообщении «Перспективы демократизации», подготовленном в 1997 году Ассоциацией турецких промышленников (ТЮСИАД), говорилось о необходимости предоставления курдам серии свобод, включая обеспечение гарантий возможности участия прокурдских партий в общих выборах и легализацию школьного образования на курдском языке.

26 июня 1994 года в Анкаре состоялся учредительный съезд прокурдской Народно-демократической партии (ХАДЕП), состоявшей в основном из бывших членов Демократической партии. Учитывая печальный опыт предыдущих двух партий, председатель партии Мурат Бозлак подчеркнул на открытии, что ХАДЕП выступает исключительно за мирные и демократические методы, против радикальных лозунгов, и призвал

участников съезда к «мирному, демократическому решению курдской проблемы» [29, 1998, № 2, с. 16]. Было заявлено, что ХАДЕП – это партия социал-демократической ориентации, которая выступает за признание прав курдов и отмену чрезвычайного положения на юго-востоке.

Во многом более сдержанный и осторожный тон высказываний бывших членов ДП на съезде не позволял обвинить ХАДЕП в антигосударственной пропаганде, однако уже на следующий день, 27 июня, генеральный прокурор Анкары выдвинул требование о закрытии до выяснения наличия у партии «органических связей» с ПКК [93, 28.06.1994].

В 1998 году эта прокурдская партия впервые приняла участие во всеобщих парламентских выборах, однако, не преодолев 10% барьер, ее представители так и не оказались в парламенте. Тем не менее на юго-востоке страны многие представители ХАДЕП были избраны главами местных муниципалитетов.

После создания ХАДЕП часть бывших членов ДП, понимая бесперспективность дальнейшего участия курдских парламентариев в работе турецкого меджлиса, иммигрировали в Европу, где 12 апреля 1995 года в Гааге при участии курдских депутатов из Турции, Сирии, Ирака и ряда европейских стран создается так называемый «Парламент Курдистана в изгнании» (ПКИ).

На первом заседании 65 депутатов принесли присягу на верность Курдистану. В итоговом документе говорилось, что «в мире сейчас живет 40 млн. курдов, 1 млн. из них, спасаясь от репрессий, вынужден был покинуть родину». Подчеркивалось, что парламент намерен получить постоянный статус наблюдателя в ООН, чтобы оказать давление на Турцию. Главные задачи ПКИ – пропагандистские. Он направлен на консолидацию курдских институтов, политических партий.

Парламент имел тесные связи с апочистами, а само его создание было предусмотрено решениями пятого съезда ПКК, где говорилось о необходимости учреждения Общенационального конгресса Курдистана как «временного революционного правительства Курдистана, призванного также представлять интересы ПКК в Европе» [12, с. 132–135]. Несмотря на поддержку ПКИ парламентариями таких стран, как Нидерланды и Дания, представители ряда государств высказались против его создания. Например, спикер Государственного департамента США Никола Берне в послании парламентариям Турции и Нидерландов высказал обеспокоенность созданием ПКИ как ор-

ганизации, которая содействует террористам» [23, 12.04.1995], а министр по делам внешних связей Баварии (Германия) Гюнтер Бекштайн назвал ПКК пропагандистским инструментом PKK, которая запрещена в 1993 году в Германии.

В самой же Европе проблема курдов стала объектом внимательного изучения местных парламентариев, которые требовали усиления давления на Турцию. Часть парламентариев из Европы приняла участие в начале 1995 года в собрании курдской группы Социалистического интернационала, проходившем в Анкаре. В 1995 году «Международная амнистия» обратилась с письмом к премьер-министру, где излагались факты нарушения прав этнических курдов. Чиллер обещала смягчить позицию правительства. Однако факты говорят о том, что эти обещания выполнены не были.

С середины 1998 года Соединенные Штаты заметно активизировали свою деятельность на курдском рубеже. Связано это было и с определенными экономическими интересами. Администрация США стала активно давить на нефтяные компании, чтобы те выбрали именно турецкий маршрут транспортировки нефти, несмотря на то, что тот был достаточно дорогостоящим. Поддерживаемое американцами правительство Тансу Чиллер развернуло жесткую борьбу с повстанцами из ПКК, получив мандат от США на совершение рейдов турецких вооруженных сил на сопредельную иракскую территорию.

В сентябре 1998 года лидер Фронта национального освобождения Курдистана (ФНОК) М.Валат в поездке по странам СНГ и Восточной Европы на пресс-конференции в Москве заявил, что новый нефтепровод и его прибылы призваны служить цели подавления национально-освободительной войны курдов. Поэтому ПКК, все мирные инициативы которой остаются без ответа, вынуждена заявить, что боевые действия будут перенесены и на трансасиатские маршруты нефти. Это заявление напрямую противоречило экономическим интересам США, которые начиная именно с этого периода уже не скрывали своей открытой позиции противостояния ПКК.

Во второй половине 1998 года США начали проводить встречи и консультации с представителями еще враждовавших тогда ПСК и ДПК в Ираке с целью стимулирования курдских интеграционных процессов. Фактически это означало начало политики покровительства США курдской автономии на севере Ирака. Параллельно усиливалось и давление на сопредельные

страны, поддерживающие PKK. По сути, речь шла о нанесении превентивных ударов по территории Сирии и Ирана, как это делалось с Ираком, если не будут приняты соответствующие меры. В октябре Турция выдвигает Сирии требование депортировать Абдуллу Оджалана из Дамаска. Тогда президент Турции Демирель заявил, что Анкара «примет ответные меры против Сирии в связи с поддержкой Дамаском PKK», а премьер-министр Турции Месут Йылмаз заявил тремя днями позже, что турецкая армия ожидает политического решения о проведении вооруженной акции против Сирии [93. 02–05.10.1998]. К границе с Сирией было стянуто более 10 тысяч турецких солдат. Начальник Генштаба ВС Турции Х.Кыврыкоглу заявил, что его страна сегодня находится в состоянии необъявленной войны с Сирией. Египетский президент Мубарак был даже намерен провести переговоры с турецким руководством с целью ослабить напряженность между Турцией и Сирией. В это время Интерпол по требованию Анкары выдал санкцию на арест Оджалана. Это стало еще одним элементом давления на Сирию. К концу октября Сирия уже обязуется ликвидировать лагеря курдских сепаратистов на своей территории и не позволит им совершать нападения на объекты на турецкой территории. Фактически это означало, что апочисты лишились единственного открытого союзника в регионе.

По информации турецких, а также ряда западноевропейских СМИ, лидер PKK Оджалан в ночь с 20 на 21 октября тайно перебрался из Сирии в Россию и скрывался якобы на даче в подмосковном Одинцово. Косвенным свидетельством тому служит то, что через два дня после официального обращения Турции к Москве Примаковым было дано поручение ФСБ и МВД выяснить местонахождение А.Оджалана. Российские власти тянули время для выяснения возможных последствий предоставления ему политического убежища и также возможных вариантов разрешения сложной дипломатической ситуации. Через неделю после обращения Турции к России премьер-министр М.Йылмаз заявил, что, по данным спецслужб его страны, Оджалан в настоящее время проживает в подмосковном Одинцове. В тот же день Госдума при активном лоббировании Либерально-демократической партии России поддержала просьбу Оджалана и обратилась к Ельцину с предложением предоставить ему политическое убежище. На это последовала уже реакция США, которые обратились в МИД России с прось-

бой скорейшего выяснения местоположения Оджалана. Еще через неделю посол РФ в Турции передал Месуту Йылмазу послание Примакова, в котором говорилось, что Оджалана на территории России нет. Возможно, именно в это время Оджалан покинул Россию и вылетел в Италию.

Сразу по прибытии в римский аэропорт Оджалан был арестован. В Рим в связи с этим прибыл министр иностранных дел Турции. Однако Италия по закону не имела возможности выдавать задержанных лиц тем странам, где существует смертная казнь. Последовало заявление Министерства юстиции Турции о том, что в ближайшие дни на рассмотрение парламента будет представлен законопроект об отмене смертной казни. Демонстрации курдских радикалов в ноябре 1998 года в Италии, беспрецедентные захваты иностранных посольств в середине февраля 1999 года продемонстрировали, насколько широкой сетью организаций в Европе обладает PKK, а также насколько сильны их позиции среди левого курдского движения. После задержания Оджалана в римском аэропорту в ноябре 1998 года проблема с выдачей курдского лидера вышла далеко за пределы итальянско-турецких отношений. Вопрос о выдаче Оджалана широко обсуждался в Европе в атмосфере организованных курдами и их сторонниками массовых демонстраций. В Италии Оджалан в очередной раз подтвердил свой тезис, что PKK является политической партией, а не террористической организацией: «Мы порываем с террористическими методами и готовы к диалогу с турецкими властями» [117, 18.11.1998]. Было очевидно, что правительство Италии было готово рассмотреть вопрос о предоставлении Оджалану статуса политического беженца.

Покрывательство Европой лидера PKK стало рассматриваться как прямой вызов устоям турецкого государства. Вновь поднял голову турецкий ультранационализм. Резко активизировалась Партия националистического движения (ПНД).

Не предлагая мер дипломатического урегулирования конфликта, премьер-министр Месут Йылмаз в ноябре 1998 года фактически выдвинул Италии ультиматум, объявив одностороннее экономическое эмбарго против европейской страны. Объявление эмбарго носило во многом эмоциональный характер. Всплеск националистических эмоций вылился в Турции в атаки ультранационалистов на курдские учреждения, в первую

очередь на представительства Народно-демократической партии (ХАДЕП).

В Москве 2 курда устроили акт самоожжения в знак протеста против ареста Оджалана, прилетевшего в Рим из Москвы. По всей Европе прошли многотысячные выступления курдов в защиту Оджалана. Массовые демонстрации курдов с требованием освободить Оджалана прошли в Германии, Италии, Турции и Москве. Итальянские власти заявляют, что могут рассмотреть его просьбу о предоставлении политического убежища, если он официально откажется от терроризма. США в свою очередь выразили безоговорочную поддержку турецкой позиции, а шведские судебные органы также выразили желание допросить Оджалана в связи с убийством премьер-министра Улофа Пальме в 1986 году. Через неделю после ареста Оджалана Италия сделала резкий антитурецкий (и антиамериканский) шаг: Оджалан был освобожден из римской тюрьмы и переведен под домашний арест. Турция объявила о намерении лишить Италию подрядов на вооружение и заявить протест в НАТО. Турецкий министр обороны И. Сезгин заявил, что итальянские компании не будут допущены к участию в тендерах военного назначения, если Оджалан не будет депортирован. В Турции начались антиитальянские выступления. Прозвучал призыв бойкотировать все итальянские товары на турецком рынке. Находясь в Европе, Оджалан снова заявил, что отказывается от вооруженной борьбы за независимость Курдистана, призвал партию провести срочный съезд и пересмотреть свою стратегию. Что же касается своей собственной судьбы, то Оджалан стал активно настаивать на необходимости рассмотрения его дела в международном трибунале, где возможно даже появится шанс поставить вопрос о турецком геноциде курдского народа. Германия, на поддержку которой в вопросе выдачи лидера PKK рассчитывали США, отозвала свой ордер на арест Оджалана, выписанный еще в 1990 году.

В течение почти двух месяцев Италия продолжала отказывать Турции в выдаче Оджалана. Отношения между двумя странами, казалось, были навсегда испорчены. В качестве возможных стран, куда мог бы быть отправлен Оджалан, назывались Кипр, ЮАР, Алжир, а также Эстония и Латвия. Наконец, в середине января Оджалан был снова тайно переправлен в Россию на частном итальянском самолете, предположительно, в Нижний Новгород. Однако это стало тут же известно турец-

ким спецслужбам, которые действовали, очевидно, не без помощи ЦРУ. Уже на следующий день после отправки Оджалана в Нижний Новгород об этом заявил премьер Турции Эджевит. Российский МИД заявлял о том, что информация о местонахождении Оджалана в России проверяется, а если он и находится в России, то скорее всего проследовал туда транзитом по пути в третью страну. Чаще всего в качестве такой третьей страны упоминались Ливан, Ливия и ЮАР. Однако после отказа России в предоставлении политического убежища Оджалану в качестве такой страны часто упоминалась и Греция. Считается, что после Нижнего Новгорода Оджалан прибыл именно на Апеннины. В начале февраля 1999 года депутаты парламента Греции направили правительству страны просьбу о предоставлении политического убежища Оджалану. Она прозвучала десятого февраля, но Афины фактически ответили отказом. Сдача Гаагскому трибуналу считалась приемлемой для судьбы лидера ПКК. Однако и Роттердам и Женева ответили отказом в приеме его самолета. Греческие власти рассматривали возможные варианты разрешения сложной дипломатической ситуации. Грекам крайне не выгодно было осложнение отношений с Турцией, особенно в свете кипрской проблемы. Однако факт сотрудничества спецслужб Турции с турецким МИДом и ЦРУ кажется маловероятным. Также маловероятным кажется и тот факт, озвученный в некоторых СМИ, что греки сдали Оджалана Турции в обмен на уступки в отношении размещения российских комплексов С-300 на Кипре.

Греческое посольство в Найроби рассматривалось в качестве временного пристанища Оджалана до окончательного решения вопроса о его передаче под опеку Гаагского трибунала. Оджалан находился на территории греческого посольства в Кении в течение 12 дней. После этого он должен был вылететь в Нидерланды. Захват Оджалана произошел 16 февраля 1999 года недалеко от аэропорта Найроби при участии спецслужб Турции. Он был схвачен и доставлен самолетом в Стамбул. Считается, что к захвату причастно ЦРУ при содействии спецслужб Кении. Упомянулось и участие в разработке операции представителей Моссада, но Израиль это категорически отрицает.

Арест Оджалана обозначил серьезный разрыв между ПКК и теми странами, где апочисты находили хоть какую-то поддержку. Это касается Греции, Сирии, отчасти и России. Эти, а также многие европейские страны обвинялись курдами, симпа-

тизирующими PKK, в том, что с их молчаливого согласия произошел арест Оджалана.

На следующий день в турецкую прессу выплескивается шквал подробностей. По сообщениям турецкой прессы, на первых допросах Оджалан рассказал, что Греция помогала PKK оружием, а инструкторы греческой армии проводили с курдскими бойцами занятия по подрывной работе. Занятия якобы проходили в Лаврионе (Греция), где располагался лагерь беженцев под эгидой ООН [93, 22.02.1999].

1 марта 1999 года Турецкая газета «Сабах» сообщила, что Оджалан на допросе показал, что его бывшая жена Кезире якобы организовала убийство Улофа Пальме, чтобы дискредитировать его партию [119, 01.03.1999]. В Швеции пресса напоминает, что «верные правительству турецкие газеты и прежде распространяли неточные сведения о PKK и о ее причастности к убийству Пальме».

Оджалан был помещен в островную тюрьму Имралы в Мраморном море. Других заключенных оттуда эвакуировали. Главный итог допросов состоял в том, что Оджалан под давлением признал вину за гибель 35 тысяч человек. Это позволило Турции оправдать, с точки зрения международного правового законодательства репрессии в отношении PKK как террористической организации.

Прокуратура Турции официально потребовала для Оджалана смертной казни, а его адвокаты вновь не были допущены в тюрьму. На 135 страницах обвинительного заключения он обвинялся в организации актов насилия и нес личную ответственность за действия своей вооруженной группы. В заявлениях, распространяемых посольством Турции в Бонне, Оджалан называется госпреступником и террористом, а наличие курдской проблемы отрицается.

Напомним, что на суде Оджалану был официально вынесен смертный приговор, через два года замененный пожизненным заключением.

Руководство ХАДЕП не могло остаться в стороне от главной темы, сделав серию резких заявлений по поводу позиции Турции в отношении Оджалана, что повлекло за собой репрессии властей к этой партии. В ноябре 1998 года был арестован председатель партии Мурат Бозлак, которому в этот раз было предъявлено обвинение в том, что он возглавляет «политическое крыло PKK». Таким образом, обвинение относилось ко

всей партии. Государственный Суд Безопасности выдвинул обвинения против Бозлака в нарушении 168 статьи Уголовного кодекса (принадлежность к запрещенной организации) и потребовал наказания в виде лишения свободы сроком на 22 года. Причиной ареста послужило заявление Бозлака, опубликованное на следующий день после появления Оджалана в Риме. Бозлак заявил, что сложившаяся ситуация дает турецким властям шанс решить курдскую проблему мирным демократическим путем. Вслед за этим заявлением последовали несанкционированные митинги курдов в Стамбуле в поддержку лидера PKK.

Политические последствия высылки Оджалана, его ареста в римском аэропорту и особенно его поимка турецкими спецслужбами в аэропорту Найроби (Кения) 16 февраля 1999 года имели весьма негативные последствия для политического урегулирования курдского вопроса внутри Турции. Резко возросла активность курдских радикалов, как следствие, в обществе возобладали националистические тенденции, антикурдские и антиевропейские настроения. Политическая активность курдских эмигрантов настроила политический истеблишмент Европы негативно по отношению к позиции Турции, а сам курдский вопрос, о существовании которого многие в Турции хотели бы забыть, как о страшном сне, вновь встал на повестку дня.

С другой стороны, Оджалан в глазах не только различных курдских партий, но и других политических сил, в том числе и Запада, приобрел черты «мученика за свободу курдов», его харизматическая личность послужила сплочению разрозненных политических сил Курдистана, в том числе и вокруг PKK. По общению газеты «Нью-Йорк таймс», в течение трех месяцев после ареста Оджалана в Юго-Восточных илах резко выросло число сочувствующих PKK и лично Оджалану [113, 16.05.1999].

Такая актуализация курдского вопроса на исходе девяностых годов вызвала мобилизационные тенденции в среде политических партий всего Курдистана, их сближение с партиями левого и социал-демократического толка из разных стран.

4 января 1999 года было объявлено о создании Национальной платформы Северного Курдистана, куда вошли наряду с PKK ведущие политические партии курдов Турции: Социалистическая партия Курдистана (бывшая СПТК), «Рызгари», Курдская коммунистическая партия, а также ряд левых турецких партий. В платформе отказалась участвовать Демократи-

ческая партия Курдистана(Север), ссылаясь на то, что в этом движении будут доминировать апочисты [140, б.с]. Целями платформы уже традиционно были провозглашены борьба против империализма, колониализма и активизация усилий в предоставлении курдам больших культурных и политических прав» [114, 05.01.1999].

В начале 1999 года состоялся очередной съезд ПКК, на котором Оджалан был переизбран генеральным секретарем партии. Пожалуй, ни один партийный съезд ПКК не приковывал к себе столько внимания со стороны левых и курдских партий Турции: поддержку ПКК и решениям съезда, который в прокурдской прессе назывался «Съездом победителей», выразили как левые, коммунистические, так и исламские партии Турецкого Курдистана: Турецкая коммунистическая партия (Марксистско-ленинская), Турецкая революционная партия, Партия революционного народа, «Рызгари», Союз курдских алевитов, Курдская исламская партия и многие другие.

В итоговой декларации подчеркивалась необходимость активизации сотрудничества с группировками левацкого толка, причем не только курдскими, а также распространение деятельности партии на всю территорию страны.

В апреле того же года было объявлено о создании международной «Платформы объединенных революционных сил», созданной по инициативе ПКК. В нее вошли более 80 политических партий и движений преимущественно левого толка из Турции, Сирии, Ирака, России и Румынии. Целью платформы объявлялась мобилизация международных антиимпериалистических сил против реакции, выразившейся, по мнению организаторов, «в приближающейся расправе агентов империализма над лидером ПКК» [114, 09.04.1999]. Так, от имени России в работе платформы приняли участие представители Либерально-демократической партии, КПРФ и движения «Трудовая Россия».

По всей видимости, потеря лидера и отца-основателя ПКК незначительно сказалась на военной активности партии. После ареста Оджалана в Риме апочисты продолжали вести боевые действия на юго-востоке. Казалось, что этот арест еще сильнее мобилизовал националистически настроенных курдов по всей Европе, что было наглядно продемонстрировано во время акций протеста 16 февраля 1999 года. Более того, акции курдов в Европе привлекли внимание мировой общественности как к курдскому вопросу, так и к ПКК.

Нередко Оджалана представляли как «единственного борца за национальное освобождение курдов», а ПКК и Фронт национального освобождения Курдистана, представляющий в Европе интересы партии Оджалана, получили поддержку ряда общественных организаций и сочувствие рядовых граждан Европы. Тем не менее, осознавая, что предоставление лидеру ПКК политического убежища вызовет нежелательные контрмеры со стороны Турции, а также недовольство США, Италия, как и ряд других стран Европы, отказалась оставить Оджалана у себя.

Как и следовало ожидать, арест Оджалана вызвал борьбу за лидерство внутри партии. Турецкая «Хюрриет» отмечала, что в качестве кандидатов на пост главы партии следует рассматривать Османа Оджалана, брата лидера ПКК, и Джемиля Байика. Тем не менее даже после ареста Оджалан сохранил свой пост руководителя партии. Функции председателя партии с 3 марта 1999 года исполнял временный комитет, куда входили Джемиль Баик, Осман Оджалан и Халиль Атач. При этом ПКК не отказалась от расширения своей мирной политической деятельности. В интервью швейцарской газете «Тан» Джемиль Банк заявил: «Мы сейчас обновляем ПКК и ее политическое крыло. Наши трудности проистекают из ситуации, в которой находится партия. У нас были тактические недостатки. Наше политическое руководство не сыграло своей роли» [121, 15.03.1999].

В одном из интервью председатель парламента в изгнании Яшар Кая подчеркнул, что в нынешних условиях необходимо мобилизовать силы всех прогрессивных сил курдов и, в частности, приложить усилия для созыва Национального конгресса Курдистана [114, 17.04.1999].

В конце мая 1999 года в Амстердаме состоялся учредительный съезд Национального конгресса Курдистана. Председатель парламента в изгнании Яшар Кая заявил на церемонии открытия, что «это – эпохальное событие в политической жизни курдов, к которому Парламент в изгнании готовился четыре года». Далее он сказал: «Конгресс не является органом какой-либо партии. Он – представительский орган всего курдского народа [101, 24.05.1999]. В первом заседании приняли участие представители 180 политических и общественных курдских организаций со всего света. Большинство партий представляли курдов Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Интересно отметить, что многие представители курдских политических движений, в том числе и сторонники Масуда Барзани отказались прислать сво-

их делегатов на съезд, мотивируя это тем, что конгресс находится целиком под контролем ПКК.

Почетным председателем Конгресса был избран Абдулла Оджалан, ставший после ареста символом курдского сопротивления, а действующим председателем стал профессор Ша-раф Ванлы – ученый-курдовед. На Конгрессе был избран Исполнительный комитет (23 человека), а также созданы специальные комитеты наблюдателей: комиссия мира и диалога, консультационный совет, комиссия наблюдателей за процессом над Оджаланом.

Целями Конгресса были признаны защита прав курдов на пользование родным языком, на собственную культуру, обеспечение социальных и политических прав и обеспечение поддержки политическим партиям во всех регионах Ближнего Востока, где проживают курды. Особо подчеркивалось, что Конгресс не ставит целью добиться независимости Курдистана – в его задачи входит обеспечение мира и соблюдения прав человека на территории компактного проживания курдов. Яшар Кая заявил, что цели самоопределения курдской нации, о которых говорили на конгрессе, могут рассматриваться как реализация культурных и политических прав курдов в рамках федерации или автономии.

Примечательно, что первоначально организаторы Конгресса планировали собрать делегатов в Бильбао – центре баскской провинции Испании, страны где этнические трения были решены путем предоставления большей культурной автономии этой северной территории Испании. Однако испанское правительство не разрешило Парламенту в изгнании организовать подобное мероприятие.

Параллельно в Турции в преддверии апрельских парламентских выборов, которые проходили параллельно с муниципальными, была развернута агитационная кампания против курдских легальных партий. При этом в прессе нередко сообщалось, что генералитет Турции оказывает постоянное давление на правительство с целью изолировать от выборов курдские партии и исламистов [116, 1999, № 233]. В начале 1999 года генеральный прокурор Анкары Вурал Саваш потребовал закрытия ХАДЕП, ссылаясь на то, что «партия имеет «органические связи» с ПКК» [там же]. Верховный суд Турции принял к рассмотрению иск прокурора, однако партия не была запрещена.

В парламентских выборах 1999 года приняло участие наибольшее количество партий, начиная с 1980 года. Среди двадцати двух партий две представляли движение курдов – ДПН и недавно созданная Партия Демократии и мира, являющаяся легальным политическим крылом Социалистической партии Курдистана.

Большинство голосов получила партия Бюлента Эджевита – 22,6% голосов. Вслед за «левыми демократами» наибольшей популярностью у избирателей (17,98%) пользовалась Партия националистического действия. Аналитики газеты «Миллиет» уверены, что предпочтения избирателей были во многом спровоцированы ростом антитурецких выступлений курдов в Европе в начале года.

Что же касается ХАДЕП, то она немного улучшила свои позиции по сравнению с выборами 1995 года, получив 4,73% голосов (в 1995 г. – 4,17%). С другой стороны, ХАДЕП получила весомую поддержку на муниципальных выборах: 39 членов партии возглавили местные муниципалитеты, из них 7 стали мэрами административных центров курдских илов. В Диярбакыре кандидат от ХАДЕП Феридун Челик набрал 64,9%. При вступлении в должность он в очередной раз подчеркнул, что ХАДЕП не имеет связей с PKK и должна дальше функционировать как легальная политическая партия.

Позитивным моментом является то, что руководство PKK все-таки осознало бесперспективность войны с властями, и в принципе отказавшись от достижения полной независимости Курдистана, сосредоточило свою активность на провозглашении культурной автономии (курдоавтономии, курдофедерации). Изменение стратегических позиций PKK позволило партии начать сотрудничество с другими курдскими политическими движениями, в первую очередь с Социалистической партией Курдистана, левыми нелегальными партиями Турции, создав несколько межпартийных объединений. Переход в политическую сферу борьбы выразился в создании PKK в Европе курдского «Парламента в изгнании» и созыве Национального конгресса Курдистана, призванного объединить политические силы курдов из разных стран.

Во второй половине девяностых турецкая армия проводила регулярные операции против активистов PKK как на юго-востоке страны, так и на сопредельной иракской территории. Факты свидетельствуют, что благодаря чрезвычайным мерам удалось

обуздать террор экстремистов. Однако очевидно также, что дальнейшие военные меры только усилят конфронтацию в обществе и могут стать причиной масштабного межэтнического конфликта. Такая политика не только поляризует силы в обществе, но является причиной нарушения прав человека на юго-востоке, создает другие трудности, а военные кампании наносят наибольший урон именно населению, живущему в зоне конфликта.

Нарушения прав человека уже сказались на отношениях Турции с Западом, включая Европейский союз, Совет Европы и Соединенные Штаты. Такая позиция не выгодна турецкому правительству, поскольку помимо прочего создает антизападные настроения в обществе, радикализирует его и способствует укреплению поддержки радикальных исламистских группировок. Короче говоря, возрастающее значение религиозных и этнических вопросов поднимает многие трудные конституционные проблемы, перед которыми турецкая демократия прежде не стояла.

Разгром ПКК, о котором писали турецкие газеты после поимки Оджалана, можно воспринимать лишь как ликвидацию наиболее радикальных ее элементов.

Одними из основных инструментов ПКК являются организации курдов, имеющих весьма серьезную поддержку в Европе – в первую очередь «Парламент в изгнании» и Национальный конгресс Курдистана. Очевидным является и то, что из террористической организации ПКК стремится превратиться в политическую силу, причем такого масштаба, которая смогла бы объединить не только разобщенные политические курдские группировки в странах их проживания, но и левое коммунистическое движение Турции. В этих условиях турецкому правительству в скором времени будет весьма сложно игнорировать ПКК и ее политических сателлитов, клеймя их, как «террористов».

Курдский вопрос в Турции в начале XXI века

Изменившиеся в начале XXI века реалии турецкой политики не могли не сказаться на отношении властей к курдскому фактору в стране. Победившая в 1999 году на выборах Демократическая левая партия и ее престарелый лидер Бюлент Эджевит не долго продержались у власти. Начавшийся экономи-

ческий и политический кризис в стране удалось погасить новой политической силой – Партии справедливости и развития («Ак Парти»), совместившей в своей программе традиционно исламские приоритеты и прагматические либеральные взгляды. Эта партия смогла создать достаточно широкую социальную платформу на всеобщих выборах 2003 года. Новая исламски ориентированная политическая сила Турции в лице «Ак парти» показала определенную гибкость в подходах к решению многих накопившихся проблем, что позволило ей в течение вот уже четырех лет успешно находиться у руля власти в стране.

Декларируемые ПСР программные приоритеты вступления в ЕС, развития либеральных свобод, совмещенные с традиционными турецкими ценностями, а также постепенная ревизия некоторых кемалистских установок, в частности, в вопросах приверженности принципам лаицизма, позволили говорить о новом этапе в политической истории Турции, часто называемом «посткемализмом». Сущность его заключается в том, что не отменяются, а некоторым образом координируются традиционные кемалистские постулаты с существующими политическими реалиями, а также требованиями международных сообществ. Действительно, политическая жизнь в Турции в конце XX века явилась наглядным примером того, насколько негибкой оставалась политико-идеологическая доктрина кемализма. Отражалось это в первую очередь в подходах к решению национальных проблем, связанных с актуализацией курдского фактора в стране.

В современных условиях Турции в лице ПСР мы имеем дело с политической происламской силой. Учитывая печальный опыт партии «Рефах», которая без достаточно веских на то причин была объявлена «радикально-исламской» и запрещена генералитетом страны, нынешние «исламские демократы» характеризуются, как твердо стоящие на либеральных, прагматических позициях, что следует как из политической программы партии, так и из заявлений премьера Эрдогана, который не без оговорок, но все же дал понять, что вступление Турции в ЕС является приоритетной целью нового руководства страны.

При этом происламская риторика «Белой партии» (именно так дословно переводится ее аббревиатура) позволила заручиться поддержкой и более клерикально настроенного электората, в том числе и среди курдских племен, проживающих на

востоке страны. Традиционно оппозиционный электорат на юго-востоке зачастую отдавал свои предпочтения тем партиям, действия и идеологические установки которых шли вразрез с существующими в Турции политико-идеологическими догмами. Возможно, поэтому «Ак парти», которой удалось создать образ преемницы (в своеобразном «либерализированном» варианте) довольно радикальной для секулярной Турции партии «Рефах», заручилась поддержкой большинства электората Турции, где своеобразный умеренный духовный исламский ренессанс в последние годы является важным фактором политической культуры страны.

Нынешние происламски настроенные силы в Турции стараются представить «Ак парти» такой же органичной для Турции политической партией, как, например, христианские демократы в Германии. Учитывая достаточно реалистичную политическую платформу партии, ее постепенное дистанцирование от радикальной «Рефах» и позитивный настрой на диалог со всеми политическими силами Турции, можно говорить, что победившая в Турции «Ак Парти» старается создать образ «исламских демократов», что вполне естественно для исламской страны, которой является Турция.

Приход к власти исламских демократов симптоматичен для Турции в том смысле, что обозначил и постепенную смену парадигмы внешнеполитического развития, переход от прозападной к многовекторной, евразийской ориентации, в которой важное значение начинает приобретать сотрудничество с мусульманскими странами, а также с Россией. Связано это и с постепенной трансформацией геополитической функции Турции, которая началась в девяностые годы и продолжается и по сей день. В нынешних условиях Турция потеряла ту приоритетную значимость в «антисоветском» стратегическом балансе сил, которая предназначалась ей в рамках членства в Североатлантическом союзе. Наряду с этим Турция начала постепенно дистанцироваться и от политики США, которые во многом насильно толкали ее к участию в невыгодных для нее проектах, таких, например, как операция 2003 года в Ираке. При этом собственно курдская проблема в Турции до конца девяностых мало интересовала Соединенные Штаты. Интерес к ней носил скорее научный, академический характер. Однако уже в начале XXI века курдский фактор, а также деятельность радикалов из PKK стали предметом интереса американцев. Нельзя

сказать, чтобы Соединенные Штаты напрямую воздействовали на курдских повстанцев, но Анкару весьма раздражало, что после осуществления военной операции в Ираке в 2003 году американские представители стали довольно регулярно проводить встречи с руководством PKK, не желая при этом информировать официальные круги Турции.

В августе 2002 года турецкий меджлис формально подтвердил пакет реформ, направленных на снятие напряженности в межэтнических отношениях в стране с целью ускорения возможного вступления страны в ЕС. И хотя этот пакет встретил яростное сопротивление националистически настроенных депутатов, которые усматривали в них уступки курдским радикалам, он все-таки был принят. Помимо окончательной отмены смертной казни в стране предусматривалось полное снятие запрета с курдского языка, разрешение на его преподавание (правда, только в частных школах), а также теле- и радиовещания на курдском. Пакет реформ также включал смягчение законов об общественных демонстрациях, а также меры по ужесточению контроля за нелегальной иммиграцией [83, 03.08.2002].

Все эти меры и реформы носили актуальный характер в свете того, что курдский вопрос оставался и до сих пор остается для Турции главным препятствием на пути вступления в ЕС. Здесь следует отметить, что еще в 1993 году на заседании Совета Европы, которое проходило в Копенгагене, Турции были выдвинуты условия для вступления страны в европейское сообщество. Эти условия касались в основном тех социальных и политических реформ, которые позволили бы Турции органично влиться в европейскую семью. Курдский фактор занимал здесь первостепенное значение. Названные впоследствии «копенгагенскими критериями», эти условия рассматривались в качестве базовых для членства Турции в ЕС. Они требовали приверженности демократическим ценностям, соблюдения и защиты прав человека, уважения и соблюдения прав этноменьшинств. После принятия «копенгагенских критериев» Европейская комиссия по правам человека предоставляла ежегодные отчеты о соблюдении Турцией данных рекомендаций. Эти отчеты носили в середине девяностых в основном негативный характер: правительство Тансу Чиллер не отказалось от проведения военных операций на юго-востоке страны против повстанцев PKK, параллельно оказывая давление на легальное курдское политическое движение в лице Демократической народной партии.

После пленения Оджалана ситуация в целом была взята правительством под свой контроль, и несмотря на заявления ряда европейских правозащитных организаций о необходимости пересмотра судебного решения в отношении лидера ПКК, европейская комиссия по правам человека в октябре 2004 года все же опубликовала сообщение, где давалась в целом позитивная оценка политических, экономических, социальных, культурных и гражданских реформ, проводимых Турцией. Комиссия выступила с рекомендациями о возможности начала переговоров о вступлении Турции в ЕС. К этому времени в Турции были приняты многие важные решения, свидетельствующие об изменении характера отношения властей к межэтническим проблемам внутри страны. Однако многие из этих решений не были в достаточной степени реализованы на практике по целому ряду причин, и в первую очередь по причине консервативности руководства на местах. Например, в 2003 году правительство приняло решение об объявлении амнистии боевикам ПКК, но это решение осталось фактически нереализованным. Европейская комиссия рекомендовала Турции создать курдский комитет по ведению дел, касающихся курдской проблемы и конституционного отражения факта существования курдского народа в Турции. При Европейском суде по правам человека был также создан специальный комитет для контроля и отслеживания реального выполнения Турцией решений и рекомендаций комитета по правам человека.

Нужно отметить, что подобная настойчивость Европы в осуществлении давления на Турцию в связи с курдским вопросом вызывала определенное раздражение в консервативных политических кругах Турции, а также у некоторой части населения. Все чаще в Турции стали звучать призывы отказаться от интеграционной стратегии с Европой. Особую обеспокоенность правозащитных европейских организаций вызывали вынужденные переселенцы из юго-восточных районов страны. Вынужденные переселения сельских жителей из слаборазвитых районов восточной части Турции, производимые властями, преследовали две основные цели. Во-первых, в период начала активных боевых действий с повстанцами из ПКК вынужденные переселения были призваны перерезать каналы поддержки боевиков среди местного населения. При этом наблюдателями зачастую отмечались многочисленные нарушения прав чело-

века. Сельских жителей переселяли в основном в крупные города региона, такие как Диярбакыр. Нередко селиться им приходилось у своих родственников, в домах которых уже жило по несколько семей. Все это вело к нарастанию напряженности в городе. Ввиду неразвитости социальной инфраструктуры в этом регионе многие вынужденные переселенцы оказались за чертой бедности. Например, на проходившей в 2004 году в этом городе конференции курдской интеллигенции отмечалось, что Диярбакыр занимает второе место в Турции по числу детской беспризорности. Общий уровень дохода различных слоев населения меньше в Диярбакыре по сравнению со Стамбулом в двадцать раз [52а, с. 18]. Властям не удалось решить многие социальные и экономические проблемы юго-востока. Так, в мае 2000 года состоялось заседание государственного Совета Безопасности Турции, на котором было отмечено, что ввиду практической нейтрализации боевиков из Партии рабочих Курдистана государство должно сосредоточить свое внимание на решении социальных и экономических вопросов в регионе. Советом был подготовлен 200-страничный доклад по этому поводу. Роль своеобразного локомотива экономического подъема этого региона призван выполнить амбициозный Юго-восточный Анатолийский проект, предусматривающий сооружение крупных электростанций и осуществление искусственного орошения бесплодных земель юго-востока страны. Начатый пятнадцать лет назад, этот проект планируется завершить к 2010 году. Однако его выполнение движется крайне медленными темпами. Если его энергетическая составляющая выполнена к настоящему времени на 80%, то та часть проекта, которая предусматривает выполнение ирригационных программ и, как следствие, является наиболее животрепещущей с точки зрения подъема сельского хозяйства в этом районе, осуществлена только на 12% [124, 23. 11.2004].

В целом же можно сказать, что политическая трансформация кемалистских установок постепенно начинает затрагивать и курдскую проблему в Турции. С одной стороны, власти пошли на значительные уступки: было разрешено частное преподавание курдского языка, снят запрет с теле- и радиовещания на курдском. «Ак Партии» явилась первой правящей партией, в программе которой отдельной строкой значилось решение проблем юго-востока. Хотя на деле взгляд на эту проблему чаще всего сводится к общей политической риторике. По сло-

вам заместителя председателя этой партии Денгира Мехмета Фырата, этот вопрос является реальностью современной Турции, «независимо от того, как его называть: курдский вопрос, проблема терроризма или проблема юго-востока» [52а, с. 166]. Исламские демократы позволили и умеренную критику предыдущих правительств за их настрой на разговор с курдскими повстанцами исключительно с позиций силы. Тот же Денгир Фырат весьма пространно отмечал в одном из интервью, что «если в стране произошло уже тридцать восстаний, то необходимо разобраться, в чем проблемы этих граждан, а не подавлять их всеми имеющимися средствами». Одной из причин курдского вопроса в стране руководство партии видит в проблеме отсутствия должной демократизации, обеспечения прав человека и его свобод.

С другой стороны, правящей «Ак парти» пришлось столкнуться и с многими объективными трудностями. В 2003 году властями был принят т.н. закон государственной амнистии, призванный ускорить процесс разоружения курдских партизан, укрывавшихся в горах и изредка совершавших вылазки против военных, несмотря на объявленное находящимся в заключении Абдуллой Оджаланом временное перемирие. На деле этот закон сразу же обнаружил свою бесперспективность, поскольку возвращаться партизанам было некуда. Многие деревни были разорены в ходе антитеррористических операций в середине девяностых годов прошлого века. Стремясь показать усилия правительства в деле развязывания «курдского узла», исламские демократы в основном сосредоточили усилия на отмене наиболее жестких положений уголовного кодекса за пропаганду сепаратизма. Так, был существенно модифицирован пресловутый «Закон о терроризме». Между тем, как показывает опыт, принятые или измененные законы мало влияют на реальное положение дел ввиду наличия сильной бюрократии. Программы по демократизации, принимаемые нынешним руководством, оказываются трудновыполнимыми из-за бюрократических проволочек в регионе, где многие руководящие лица, назначаемые в основном из центра, продолжают действовать в отношениях с курдами по принципу «как бы чего не вышло». Так, в прессе широко освещался тот факт, что в 2005 году власти запретили открытие первой частной школы по преподаванию курдского языка, мотивируя это тем, что «двери школы открываются не в ту сторону, что противоречит требованиям

пожарной безопасности» [93, 12.04.2005]. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в регионе до сих пор действует система сельских стражей, призванных в свое время защищать местных сельских жителей отдаленных деревень от партизан из PKK. Стражи до сих пор продолжают получать из казны специальное жалование. В нынешних условиях многие из них не собираются разоружаться и возвращаться к мирной жизни, поскольку безработица в регионе крайне высока, а многие деревни опустели. Отмена системы стражей им крайне невыгодна, и они, лоббируя свои интересы в меджлисе, стремятся не допустить отмены этой системы и, как следствие, щедрых государственных дотаций.

Одним из основных препятствий для демократического решения курдского вопроса в стране является то, что взгляды большинства граждан Турции на перспективы либерализации отношений с курдами носят достаточно консервативный характер.

Большинство турок считает, что находящийся в заключении лидер PKK Абулла Оджалан – террорист, который заслуживает смертной казни. Или вот другой, более симптоматичный пример. Как показал опрос жителей Турции на одном из Интернет-сайтов в 2000 году, только 49% жителей считают возможным существование в стране легальной курдской оппозиции, в то время как 46% респондентов высказались против существования партий, построенных по этническому признаку. На недоверии к курдским националистам сказывается печальный опыт почти двадцатилетней войны на юго-востоке с курдскими повстанцами. Многие граждане Турции придерживаются довольно консервативных взглядов на межэтнические проблемы в стране, считая, что признание полиэтнического характера и существование в стране курдского национализма есть признак ослабления общетурецкого национального единства. В 2005 году всемирно известный турецкий писатель Орхан Памук высказался о том, что «Турция повинна в гибели миллиона армян и 30 тысяч курдов». Эта фраза в интервью одному из западноевропейских журналов привела писателя на скамью подсудимых и ему грозило заключение до 6 лет за «антитуркизм». Перед началом судебного слушания машину писателя националистически настроенные граждане забросали яйцами, когда он явился в суд [93, 25.12.2005].

Вообще, турецкий национализм кемалистского образца вынужденно переживает трансформацию, коррелируясь с

идеологическими и политическими взглядами Европы, куда Турция всеми силами стремится вступить. Видимо, это осознает и нынешнее руководство страны, пытаясь формировать в стране мнение о необходимости демократического сосуществования различных этнических групп со своими националистическими взглядами, а также более толерантного отношения к различным политическим взглядам и устремлениям. Наряду с отменой чрезвычайного положения во всех регионах юго-востока с 2004 года в стране проводились семинары и обучающие программы для функционеров государственных и судебных учреждений, органов внутренней безопасности по вопросам демократизации и обеспечения прав человека в стране и в юго-восточном регионе.

Однако при этом создается впечатление, что как бы ни развивались события, Турция не откажется от националистической концепции построения государства в угоду концепции мультикультурной и полиэтнической. Это стало очевидным после принятия в октябре 2005 года Советом национальной безопасности страны новой редакции концепции национальной безопасности. В ней особо подчеркивается, что в Турции существует только одна нация – турки. Хотя детали концепции держатся в секрете, очевидно, что в целом она носит достаточно консервативный характер. В новой концепции особо были обозначены такие проблемы, как борьба с международным терроризмом и религиозным экстремизмом. Примечательно, что впервые в истории страны в подготовке концепции национальной безопасности наряду с военными принимали участие и представители гражданского политического истеблишмента.

На этом фоне заметно усилились позиции курдских националистов на юго-востоке, где курдская партия, постоянно меняющая свое название перед очередными муниципальными выборами, имеет весомую поддержку местного электората. На выборах в 2004 году она уже выступала под именем Социальной народной партии (СНП). Ниже приведены данные о количестве голосов, отданных в курдских илах страны за эту партию, представляющую интересы националистически настроенных курдов.

По данным одного из турецких информационных веб-сайтов, в 2002 году основные голоса курдских аширетов на юго-востоке страны распределялись между «белыми» ислами-

стами из «Ак парти» и курдской партии, выступавшей под именем ДЕХАП. Значительно меньшую поддержку получают здесь правые и левоцентристские партии, а также более радикальные исламисты из «Саадет Парти».

**Выборы в местные органы власти
на юго-востоке страны (число голосов в %)**

Провинции юго-востока (илы)	1999 (ХАДЕП)	2002 (ДЕХАП)	2004 (СНП)
Адыяман	8,6	12,0	8,9
Агры	29,6	35,1	29,2
Батман	57,2	47,1	73,6
Бингель	26,6	22,1	28,4
Битлис	17,3	13,7	27,2
Диярбакыр	62,5	56,1	58,3
Хаккяри	55,8	46,1	62,5
Игдир	35,0	32,4	33,3
Карс	5,6	19,6	4,3
Мардин	25,2	39,6	26,9
Муш	17,6	38,0	25,1
Сиирт	38,6	32,0	42,8
Тунджели	24,8	32,6	35,7
Урфа	14,6	19,4	23,8
Ширнак			46,0
Ван	44,6	41,0	40,7

Источник: R.Çakır. Türkiye'nin kürt sorunu. İst. 2004.

Наряду с развитием политических свобод курдов Турции (в части создания прокурдских политических партий) давление на основную легальную политическую силу курдов носило все более завуалированный характер. Главным аргументом оставалось «наличие органических связей с террористической организацией PKK», что само по себе является труднодоказуемым. Между тем в большинстве городов юго-востока страны мэрами были избраны представители прокурдских партий, имеющие непосредственные рычаги власти в регионе. Перед каждыми новыми выборами находящаяся под угрозой закрытия партия курдских демократов меняла свое название и участвовала в выборах. Именно такая ситуация сложилась, например, на муниципальных выборах в 2002 году, когда курды получили 6,22 процента голосов избирателей всей Турции. Однако деся-

типроцентный барьер снова не позволил представителям курдских социал-демократов войти в состав меджлиса. Сразу после выборов в прессу была запущена вызвавшая скандал информация, что курдская партия вышла на выборы по поддельным документам, а само ее создание якобы не соответствовало закону о политических партиях. Как отмечал автор одной из статей в «Хюрритет», «если бы ДЕХАП не участвовала в выборах, то тогда в Меджлисе смогла бы оказаться влиятельная Партия Верного пути («Догру Йол»), которой не хватило совсем немного голосов для преодоления десятипроцентного барьера» [93, 12.12.2003]. Курды, таким образом, по мнению автора, «отобрали» голоса у влиятельных политиков. Информация в прессе о курдских демократах стала носить все более спекулятивный характер.

Немаловажным фактором, повлиявшим на ход политических реформ в стране, стало, как уже отмечалось, постепенное дистанцирование нового руководства страны от Соединенных Штатов и большее сближение позиций по ряду политических вопросов с Европейским союзом. Согласно опросам, проведенным в стране, большинство турецких курдов активно поддерживают вступление Турции в ЕС. В процессе осуществления реформ, требуемых Евросоюзом, Турция постепенно должна превратиться в мультикультурное демократическое сообщество турок и курдов. Однако это, как уже отмечалось, противоречит самой концепции национальной безопасности страны и является камнем преткновения в переговорах с Европой. Естественно, что такая постановка вопроса категорически не устраивает националистически настроенных турок, которые склонны видеть в подобном сценарии только одно: сепаратизм и как следствие развал государства.

Крайне недопустимым с точки зрения интересов Турции, по мнению турецких националистов и военного генералитета, является возможное создание на севере Ирака курдского государства. Независимый Курдистан в случае дальнейшего развития центробежных тенденций в Ираке будет национальным образованием, которое, как считают многие в Турции, станет своеобразным «центром притяжения» для многих курдов, проживающих за рубежом, в том числе и в Турции. Это состояние, по мнению части руководства Турции, подорвет национальный дух нации и станет дополнительным стимулом подъема курдского национального движения, что в условиях нации-

государства, которым является Турция, считается неприемлемым. В то же самое время турецкие националисты заявляют о «грубом нарушении прав этнических туркоманов в провинциях Мосул, Киркук и Эрбиль» в Северном Ираке [52а, с. 73]. Проблема обеспечения прав иракских туркоманов, проживающих на севере Ирака, была взята на вооружение Турцией для форсирования своего участия в иракском обустройстве, от чего Анкара была фактически отстранена после американского вторжения. Однако проблема этнических турок, которые составляют не более 7% населения Ирака, а в самом районе их компактного проживания – около 20% населения, оказалась недостаточно актуальной (если не надуманной) для того, чтобы Турция могла активно участвовать в решении иракской проблемы. С другой стороны, руководство самой иракской автономии четко осознает опасность этнического партикуляризма иракских туркоманов и всячески старается вовлечь их в управление делами Ирака. Иракские туркоманы представлены в парламенте страны, а силы полиции в районах компактного их проживания – а это в основном район Киркука – формируются как из представителей курдов, так и из представителей туркоманов.

Не будет лишним еще раз повторить, что в нынешних условиях процесс интернационализации курдского фактора в Турции напрямую связан с событиями в соседнем Ираке. Правительственные и военные круги Турции видели и видят обязательную угрозу в существовании у своих границ не только независимого Курдистана, но курдской автономии в составе федеративного Ирака. Эти опасения исходят в первую очередь от военного генералитета, который продолжает оказывать влияние на политическую жизнь страны. Связаны эти опасения также и с тем, что общая политическая ситуация на юго-востоке Турции, где компактно проживают курды, остается крайне нестабильной, может вылиться в политический кризис, который при неблагоприятных внешнеполитических обстоятельствах может привести к отторжению курдских областей от Турции. Развитие по такому сценарию рассматривается как прямая угроза территориальной целостности Турции. Турецкая армия, несмотря на тот факт, что положение об ее особом статусе в турецком обществе изъято из конституции, продолжает оставаться гарантом конституционного строя и закона о нерушимости национальных границ – т.н. Национального обета Турции.

При этом в самой армейской среде давно вызревают антиамериканские настроения, все чаще высказываются мысли о необходимости осуществления независимого внешнеполитического курса. В частности, заметным событием было то, что парламент Турции отказался ратифицировать в марте 2003 года предложение правительства о предоставлении войскам коалиции территории для прохождения войск в Ирак. Это достаточно негативно сказалось на турецко-американских отношениях последующих лет. Поскольку расчеты на Турцию как на своего верного союзника не оправдались, США были вынуждены отложить дату начала военной операции и пересмотреть путь переброски войск в Ирак.

Большинство населения Турции не поддержало войну в Ираке и выступило резко против отправки туда войск. С самого начала операции в Ираке Турцией все же был введен небольшой контингент в приграничные районы с целью, как было заявлено, противодействия возможному потоку беженцев на территорию Турции.

Здесь следует отметить, что незадолго до начала операции американцев по свержению режима Саддама Хусейна, 2 марта 2003 года Турция заявила, что провозглашение и официальное закрепление автономии курдов на севере Ирака будет рассматриваться как повод для ввода туда турецких войск. Эта позиция официальных кругов Турции, а если быть точнее, военного генералитета страны, сильно осложнила отношения Турции с иракскими курдами.

Особую обеспокоенность Турции вызывают сосредоточенные в Северном Ираке боевики ПКК, численность которых, по разным оценкам, составляет от трех с половиной до пяти тысяч человек. Независимый Курдистан, по мнению турецких властей, вряд ли будет в состоянии успешно бороться с апочистами на своей территории, тем более, что нынешний президент Ирака Джелаль Талабани нередко высказывался за легализацию ПКК и превращение ее в сугубо политическую силу. Нынешний глава курдской автономии Масуд Барзани стремится налаживать дружественные отношения с Турцией, учитывая возможные в будущем сложные трехсторонние переговоры с участием Турции, США и курдов по поводу создания на севере Ирака независимого Курдистана.

Пока официальная позиция Анкары по этому поводу непреклонна. Однако есть и другое мнение. В случае вступления

Турции в ЕС существование под боком Турции стабильного независимого курдского государства, по мнению некоторых экспертов, не скажется на ее безопасности. Так, бывший функционер ЦРУ и автор книги о проблеме турецких курдов Грэхем Фуллер считает, что «поскольку дела в Ираке идут не важно, то рано или поздно независимый Курдистан встанет на повестку дня, и Турция вряд ли сможет помешать этому военными методами, поскольку в этом случае ей придется использовать в качестве союзников Иран и Сирию, что выглядит довольно странно» [52а, с. 117]. С другой стороны, отставной генерал вооруженных сил Турции Атилла Кыйат высказался о том, что Турция не должна бояться независимого Курдистана у себя под боком. Если для турецких курдов «соседнее независимое государство может рассматриваться в качестве их «национального центра», то Турция должна сделать все, чтобы таким «национальным центром» для курдов Турции являлась сама Турция» [52а, с. 51].

Нынешняя иракская курдская элита не отрицает того факта, что в случае провозглашения независимости Курдистана он станет политическим образованием, созданным при поддержке США. Штаты, таким образом, объективно рассматриваются в качестве гаранта от возможных посягательств или военного давления со стороны Турции. Это отлично понимают и в самой Турции. По этой причине будущее Курдистана остается камнем преткновения в отношениях между Анкарой и Вашингтоном, а также в отношениях с курдской автономией. Например, в 2003 году Масуд Барзани заявил, что на основании его общения со многими государственными деятелями Турции он считает, что официальные круги Турции не против того, чтобы Курдистан существовал в рамках федеративного государства. На это сразу же последовала незамедлительная реакция министра иностранных дел Абдуллаха Гюля, который ответил, что это не соответствует действительности, но сразу же заверил, что это никак не отразится на уважении прав народа Ирака на самоопределение. Вообще, в нынешней дипломатической игре Турции с иракскими курдами присутствуют два аспекта, две козырные карты. Это уже отмечавшийся здесь «вопрос» с этническими туркоманами, проживающими в основном в районе Киркука, и проблема окопавшихся на территории Северного Ирака партизан ПКК. Чисто внешне это – проблемы двусторонних отношений курдской администрации и Турции. Представи-

тели иракских туркоманов являлись активными сторонниками возможного ввода турецких войск в Ирак. Такая вероятность существовала в октябре 2003 года. Как заявил представитель Иракско-Туркменского фронта в Турции Ахмет Муратлы в программе турецкого телеканала «Хабертюрк», во многих районах Северного Ирака положение сложное, но там, где туркоманы, спокойствие обеспечено. Курдские же лидеры открыто выступали против прихода турецких сил, полагая, что с их появлением диктовать условия туркоманам иракского севера будет сложно. Отношения курдской автономии в Ираке и Турции были максимально накалены в октябре 2003 года, когда турецкий парламент под давлением США принял решение о вводе войск в Ирак. Это было выгодно как США, так и Турции. Войска антисаддамовской коалиции находились в Ираке уже полгода и, как заявляли впоследствии представители турецкой администрации, предложение о вводе войск исходило именно от США. Официально позиция Турции сводилась к тому, что таким образом туркам удастся положить конец вылазкам PKK с территории Ирака. Пресс-секретарь МИДа Турции Н. Тан отметил, что Турция совершенно не претендует на вмешательство во внутренние дела Киркука, но она справедливо считает, что город должен принадлежать всему Ираку, а не только курдам и их политикам» [124, 17.02.05].

6 октября правительство Турции приняло официальное решение направить войска в Ирак. Министр юстиции Джемил Чичек заявил, что турецкие военные будут находиться в Ираке в течение 1 года. «Мы не собираемся там долго задерживаться. Что же касается численности турецкого контингента, этот вопрос находится в компетенции парламента» [124, 08.10.2003]. Во время обсуждения этого вопроса на заседании кабинета министров некоторые министры выразили озабоченность в связи с тем, что пока точно неизвестно будущее место дислокации турецких войск и статус турецких военнослужащих, а также остается неясной позиция США в отношении PKK. С другой стороны, США не требовали эту услугу от Турции даром. Речь шла о предоставлении Турции кредита в размере 8,5 млрд. долларов, который смог бы покрыть дефицит бюджета страны, а также помочь Турции справиться с поразившим страну экономическим кризисом. Эта позиция была крайне сомнительной и только подчеркивала стародавнюю истину о зависимости Турции от американского капитала.

Турция долгое время не торопилась на помощь американцам. Население страны с самого начала выступало против войны в Ираке, тем более, что она не была санкционирована ООН. Кроме того, Анкара требовала, чтобы США сначала разобрались с курдскими боевиками, а уже потом она обещала направить свои войска в Ирак. Одновременно, узнав о том, что турецкий парламент проголосовал за отправку своих «миротворцев» в Ирак, в США не скрывали своего удовлетворения. В этой связи Белый Дом и государственный департамент издали специальные пресс-релизы, где особо подчеркнули важность принятия такого решения турецкими законодателями. США выразили уверенность в том, что присутствие миротворцев из других стран будет способствовать скорейшей нормализации внутривосточной обстановки в Ираке. Предполагалось, что число турецких военнослужащих в Ираке будет от 6 до 16 тыс. человек.

Агентство электронных новостей «Интернетхабер» так отзывается о решении парламента отправить турецких солдат в Ирак: «В первую очередь это предотвратит создание в Ираке государства Курдистан. С другой стороны, создадутся широкие возможности для развития туркоманов в новом Иракском государстве, а также для реализации автономии туркоманов Ирака и Киркука» [124, 08.10.2003].

Проблема Керкука, богатого и практически неразработанного нефтяного месторождения, достаточно остра в современном Ираке. На эту территорию претендуют различные этнические группы страны, в том числе и поддерживаемые Турцией туркоманы. Нельзя сбрасывать со счетов и интерес Турции к североиракским нефтяным месторождениям. Мосульский вилайет (Северный Ирак), как известно, был включен в состав Национального обета Турции в двадцатые годы прошлого века, но под давлением западных государств, в первую очередь Англии, был отдан под юрисдикцию английского протектората в Ираке. Распад государства Ирак может, по мнению ряда националистически настроенных турок, поставить вопрос о пересмотре соглашения 1926 года, согласно которому Мосульский вилайет отходил под юрисдикцию английского протектората, из которого в дальнейшем было создано государство Ирак. Интерес Турции к «мосульскому вилайету» налицо: это и активная поддержка туркоманского населения, а также выставление турецкой стороной жесткого условия, что Киркук ни в коем случае не должен становиться административным центром автономии.

В этих условиях Турция стремится проводить собственную иракскую политику, отличную от политики США, а иногда даже и противореча их интересам. Так, в 2003 году необходимость ввода турецких войск в Ирак мотивировалась тем, что наряду с Америкой Турция будет в равной степени контролировать формирование в Ираке нового государства. Якобы этот шаг сыграет большую роль в формировании в Ираке, являющемся ближним соседом Турции, демократического правительства, что, собственно, в интересах Турции. Официальная Анкара настаивала, что турки должны войти в область Салахаддин, тогда у них появится шанс разрешить проблему ПКК, так как базы курдских партизан находятся именно здесь.

Такая постановка вопроса не устраивала США, которые хотели, чтобы и турецкая армия взяла на себя бремя обеспечения спокойствия в наиболее взрывоопасном регионе Ирака. Здесь стоит привести слова министра обороны США Дональда Рамсфельда о том, что «некоторые требования турецких властей нас не устраивают» [93, 28.10.2003]. «Хуррийет» пишет, что в течение года на финансирование турецкого контингента в Ираке потребуется как минимум 54 млн. долл. Газета проводит аналогию с Афганистаном, где за три месяца для 1,5 тыс. военнослужащих выделено 28 млн. долларов [93, 28.10.2003].

Против ввода турецких сил в Ирак резко высказались представители курдских политических партий. 6 октября генеральный секретарь единственной в Турции легальной курдской партии ДЕНАР Тунджай Бакырхан заявил, что «из-за кредита на сумму 8,5 млн. долларов правительство отправляет турок и курдов на явную смерть» [124, 12.10.2003]. По его словам, курдская партия требует взамен войны мира, а нынешние власти Турции до тех пор, пока не решены внутренние острые проблемы страны, в первую очередь курдский вопрос, не должны давать добро на отправку солдат в Ирак. «Вот уже год как исламисты находятся у власти, но проблемы безработицы, прав человека и курдский вопрос так и не нашли своего решения», – добавил Бакырхан [124, 12.10.2003].

Против ввода турецких войск высказалось и переходное правительство Ирака. Они заявили, что до конца останутся при своем мнении о недопустимости вмешательства турок в дела страны. Впрочем, и турецкое правительство тоже очень хорошо понимало, что турецких солдат в Ирак просто не допустят. Представители Патриотического союза Курдистана открыто

дали понять, что турецкие войска не получают допуска для дислокации ни в Мосуле, ни в Киркуке.

В конце 2003 года турецкий меджлис так и не решился дать добро на отправку войск в Ирак. Во многом решающую роль сыграла жесткая позиция иракской автономии, а также недовольство населения Турции возможным вводом войск в Ирак. В связи с этим 19 ноября в Турцию прибыл Джалал Талабани, который был принят на высшем уровне. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на встрече Талабани с премьером Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом, была проблема ПКК, свободно действующей в северных районах Ирака. Талабани сказал, что он также обеспокоен деятельностью ПКК в Ираке и «не допустит, чтобы курдские террористы пытались хозяйничать» [91, 21.11.2003]. Одновременно Талабани предложил Анкаре амнистировать всех членов ПКК, оставшихся в Ираке. Министр иностранных дел временного правительства Ирака Хошяр Зебари, участвовавший во встрече, поблагодарил Турцию за то, что она не направила свои войска в Ирак. «Вы предотвратили вражду между нами. Мы с самого начала не хотели видеть в Ираке посторонних сил», – сказал Зебари. Выступая в эфире телеканала НТВ, Джалал Талабани призвал объявить амнистию в отношении всех членов возглавляемой находящимся в тюрьме Абдуллой Оджаланом ПКК: «Одна ветвь ПКК выступает за политическую борьбу, а другая поддерживает силовой метод борьбы. Эта группа находится в меньшинстве. Но есть еще третья группа, выступающая за мирное решение всех существующих проблем», – сказал Талабани [91, 22.11.2003]. По словам курдского лидера, назрело время для изменения позиции официальной Анкары в отношении ПКК, и лучшим методом является всеобщая амнистия, которая позволит всем мирно настроенным вернуться домой и влиться в мирную жизнь. Позиция Талабани, высказанная во время этого визита, в целом сводилась к следующему: мы так же, как и вы, осуждаем терроризм, но мы против запрещения ПКК, потому что она является реальной политической силой.

Важной политической уступкой США для обеспечения возможного ввода войск Турции в Ирак стала позиция Соединенных Штатов в отношении ПКК. Апочисты всячески декларировали свою покорность американцам и не сделали ничего, что бы противоречило американским интересам в регионе. Осман Оджалан, нынешний лидер ПКК, в интервью

английской газете «Гардиан» заявил: «США не допустят военные операции Турции против курдов. Наши контакты с американскими представителями и по сей день продолжаются» [91, 14.11.2003].

В Турции же по-прежнему уверены, что США ведет двойную игру: с одной стороны, дают добро на борьбу с ПКК, а с другой стороны, продолжают помогать курдским партизанам. По мнению газеты «Стар», официальные представители администрации США делают все для того, чтобы члены запрещенной в Турции ПКК, получив паспорта гражданина Ирака, перебрались вглубь этой страны. По их признаниям большинство членов ЦК ПКК, уже получили с помощью американцев иракское гражданство. Арестованные члены ПКК также сообщили, что в составе нового правительства Ирака якобы получают места и руководители ПКК.

Американские эксперты в этой связи справедливо отмечают непредсказуемость позиции Турции в случае провозглашения независимого Курдистана. Американская администрация всячески старается найти точки соприкосновения с турецкой стороной по животрепещущим проблемам ближневосточного урегулирования. Руководство Соединенных Штатов декларирует, что оно находится на одной стороне с Турцией в деле отношений к апочистам. В начале 2004 года американцы официально внесли ПКК в список террористических организаций. Параллельно были достигнуты договоренности по обеспечению безопасности на границе Ирака. И хотя речь не идет об открытии американцами второго фронта против апочистов, они декларативно заявляют о совместной борьбе по пресечению ее деятельности в приграничных районах. Согласно сведениям газеты «Миллиет», план решения «проблемы ПКК», достигнутый в ходе переговоров с американцами, состоит из пяти статей:

- США поддержат попытки Турции внести ПКК в «черный список» Евросоюза;

- Турция обратится в Евросоюз с тем, чтобы запретить в этих странах деятельность структур, связанных с ПКК, и закрыть их финансовые источники. Чтобы предпринимаемые шаги возымели успех, США окажут давление на Евросоюз;

- США будут решительно пресекать в Северном Ираке деятельность ПКК в плане сбора финансовых средств у населения и контрабанды;

– США окажут давление на эту организацию с тем, чтобы ее члены воспользовались амнистией, объявленной турецкими властями, и вернулись к мирной жизни;

– при необходимости стороны осуществят совместные военные операции по очистке Северного Ирака от террористических отрядов ПКК.

Как отмечалось выше, под давлением Евросоюза в 2003 году Турция все же объявила всеобщую амнистию ПКК при условии гарантий возвращения боевиков к мирной жизни. При этом политические требования ПКК не рассматривались принципиально. ПКК на эти условия не согласилась и разоружаться не стала. К тому же на провале всеобщей амнистии сказались и чисто экономические условия. Апочисты рекрутировались в основном из среды деревенских жителей, а многие деревни на юго-востоке страны были разрушены в ходе военных операций в конце девяностых. Боевики так и остались в горах. Руководство ПКК стремилось при этом всеми силами заручиться поддержкой американской администрации в Ираке, которая, как представляется, не очень-то и спешила бросать свои силы на борьбу с апочистами, тем более, что последние всячески старались ничем американцев не раздражать.

В начале 2004 года в ряде турецких газет были распространены сведения, что после консультаций с представителями Пентагона и членами Иракского временного правительства находящиеся на севере Ирака вооруженные формирования ПКК сдали оружие, и теперь можно ожидать, что курдские партизаны начнут чисто политическую борьбу. Для этой цели многие руководители ПКК выдвинут свои кандидатуры на выборах в Ираке и Турции. Газеты сообщали, что руководство ПКК отправило в одно из изданий письмо, где говорится, что члены организации разоружены, но не получили от временного иракского правительства никаких предложений вернуться из Ирака в Турцию.

По сведениям газеты «Миллиет», для обсуждения этих проблем в Государственном департаменте США состоялись закрытые слушания, в которых участвовали такие эксперты, как Генри Баркли, Стивен Кук, Алан Маковски, Хакан Явуз и еще около 20 высокопоставленных чиновников. В частности, по мнению американцев, турецкие военные негативно воспримут любое изменение в устройстве Ирака, особенно если это касается курдов. То есть правящая партия исламских демократов в принци-

пе не против существования курдской автономии в Ираке, но вынуждена делать заявления против этого из-за давления со стороны военных кругов и Совета национальной безопасности.

Создается впечатление, что несмотря на декларируемую решительность Турции и турецкого генералитета предотвратить создание на севере Ирака независимого Курдистана, объективное развитие событий приведет Турцию к осознанию того, что это государство будет существовать, если на то будет свободное волеизъявление его населения. Ввод американских войск в Ирак в 2003 году резко изменил баланс сил на всем пространстве этнического Курдистана. В первую очередь, это касалось изменения стратегических установок ПКК, которая до сих пор продолжает пользоваться поддержкой у населения юго-востока Турции. Однако объективно начавшиеся процессы создания курдской государственности на севере Ирака привели к возрастанию роли политических партий именно этой страны в лице Патриотического союза и Демократической партии Курдистана. Вступление в игру США как важного стратегического союзника иракских курдов вынудило и сторонников Абдуллы Оджалана искать покровительства у американцев. Однако их позиция осложнялась тем, что Америка официально в начале 2004 года внесла ПКК в список террористических организаций. Не исключено, что именно поэтому руководство ПКК старается в настоящий момент всячески дистанцироваться от своего «революционного прошлого» и представить ПКК органичной политической силой, действующей в курдском этнопространстве.

Факт пленения и осуждения на пожизненное заключение Абдуллы Оджалана изменил существовавшую расстановку сил в курдском повстанческом движении. Если раньше, несмотря на всю одиозность фигуры Оджалана, партия, находившаяся под жестким контролем своего руководителя, представляла единое целое, то после потери лидера ПКК могла запросто распаться на отдельные группы, которые имели бы серьезные противоречия как по способам ведения борьбы, так и чисто идеологического порядка.

Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что для многих курдов не только Турции, но и проживающих за рубежом фигура Абдуллы Оджалана приобретает харизматические черты мученика и борца за свободу курдов. Теперь с помощью Оджалана власти Турции стремятся сделать подконтрольными наиболее радикальные курдские группировки, к которым отно-

сится сама ПКК, а также ряд связанных с нею групп. Захват Оджалана вызвал определенную дизинтеграцию в среде курдских радикалов. Достаточно сказать, что если раньше ПКК проводила свои очередные съезды в среднем раз в пять лет, то начиная с 1999 года таких съездов было проведено уже три и в результате каждого из них внутри ПКК происходили сложные организационные изменения. Напомним, что в августе 1999 года, находясь уже в тюрьме, Оджалан выступил с мирными инициативами, суть которых сводилась к полному отказу ПКК от вооруженных методов борьбы и перенесения ее деятельности в политическую сферу.

В январе 2000 года съезд ПКК принял резолюцию Оджалана, а в апреле 2002 года, на восьмом по счету своем съезде партия была переименована в Конгресс свободы и независимости Курдистана (КАДЕК), тем самым подчеркнув изменившийся статус партии. Фоновыми событиями, при которых партия решила смену названия, безусловно, стали события в Ираке, когда апочисты почувствовали реальную возможность изменить свой статус «революционных борцов» и перейти в реальную политику. Однако на съезде было заявлено, что партия не может полностью отказаться от вооруженных методов самозащиты и будет действовать вооруженными методами только в целях самообороны, но основное внимание сосредоточит на претворении в жизнь мирных инициатив Оджалана.

Американское вторжение в Ирак существенно изменило планы и тактику ПКК. Базирующиеся на севере Ирака апочисты сперва были абсолютно уверены, что Америка совместно с Турцией начнет против них боевые действия. Однако этого не произошло. Более того, между представителями американской администрации и ПКК был проведен ряд встреч и консультаций.

Начиная с 90-х годов прошлого века ПКК предпринимала усиленные попытки превращения в легальную политическую силу. С этой целью она три раза объявляла одностороннее прекращение огня, а сами апочисты активно использовали посредничество иракских ДПК и ПСК при переговорах с турецкими властями. Вооруженный конфликт внутри «двуглавой власти» в иракском Курдистане был улажен за столом переговоров при посредничестве Соединенных Штатов в 1998 году. Интерес американцев к курдскому этноареалу был налицо: только что завершалось строительство крупного нефтепровода Баку-Джейхан, и Штаты были заинтересованы в обеспечении спо-

койствия в этом регионе. Возможно, именно перемирие двух враждующих партий в Ираке, а также заметная активизация роли США в развязывании «курдского узла» сказались на том, что Турция форсировала процесс нейтрализации Оджалана, видимо, опасаясь, что и PKK, имеющая определенный авторитет среди населения юго-востока, может быть также использована американцами. Сразу после пленения Оджалана его партия стала предпринимать усилия для того, чтобы превратиться в легитимную (большей частью в глазах американцев) политическую силу. В октябре партия объявила о самороспуске и создании на ее месте Народного конгресса Курдистана («Конгресс-Гель»), что должно было означать серьезную корректировку политической платформы апочистов.

Бросается в глаза то, что в политических документах новой PKK объявлялось о поиске совершенно новых идеологических ориентиров, основанных на «реалиях современного мирового сообщества в условиях глобализации». Движение объявлялось «социально-экологическим», защищающим равноправие женщин и т.д., а в его программе присутствовала прочая популистская риторика. Теперь Оджаланом выдвигался принцип т.н. «демократического федерализма» курдов при сохранении территориальной целостности государств, где они проживают. Если следовать этой концепции, то идея независимого государства курдов целиком перемещается в некое виртуальное пространство, а курдская государственность закрепляется как некое «воображаемое сообщество» курдов. Естественно, такая постановка проблемы не привлекала бы многих националистически настроенных курдов.

Находящийся в тюрьме Оджалан оставался главным идеологом своей партии. Будучи в заключении на Имралы, он посвятил почти все свое время выработке нового идеологического базиса для своей партии, стараясь сделать ее привлекательной для широких слоев населения, причем не только курдов. Однако сама организация так и не смогла достичь главной своей цели – легитимации в рамках политической культуры страны, в результате чего в руководстве организации возобладали достаточно радикальные элементы.

В начале XXI века в среде молодых националистически настроенных курдов была создана организация «Ястребы Курдистана», члены которой, во многом не согласные с политикой примиренчества PKK, провозгласили необходимость продолже-

ния террора. Переименованная же в «Конгра-Гель» ПКК по-прежнему объявляла об отказе от курса на создание независимого курдского государства и от методов вооруженной борьбы. Основной целью признавалось обеспечение и закрепление культурного статуса курдов в Турции, для чего предлагалось использовать легальные способы политической борьбы и агитации. Партия также заявила о временном отстранении от управления партией наиболее радикально настроенных элементов.

2003 год характеризовался поиском апочистами новых идеологических ориентиров, которые помогли бы им сплотить вокруг себя как можно больше сторонников. Одну из основных задач они видели в популяризации личности Оджалана, а также в распространении его взглядов, публикации его книг. Лидер, хоть и находящийся в заключении, мог стать теперь своеобразным объединяющим фактором для курдов. Так, на седьмом съезде партии было даже принято решение о выделении крупных средств на изучение работ Оджалана и их публикацию в Европе, а также в Америке и России. Парадоксально, но подобная ситуация выгодна и официальным кругам Турции, которые хоть и считают ПКК террористами, крайне не заинтересованы в том, чтобы организация распалась на ряд независимых друг от друга групп, которые будет очень сложно контролировать. Поэтому, несмотря на отчаянные заявления официальной Анкары о том, что власти никогда не пойдут на контакт с апочистами, нельзя полностью отказаться от возможности того, что в правительстве не имеется ряд ответственных лиц, курирующих «курдское направление» и отвечающих за поддержание неформальных, и, по-видимому, засекреченных контактов с апочистами. Подобные контакты крайне важны в деле борьбы с радикализацией курдского движения, и правительство Турции, имея в руках такой козырь, как плененный Оджалан, вряд ли бы не воспользовалось такой возможностью. Прагматический подход, которым в принципе характеризуется сейчас курдская политика в Турции, может предполагать и наличие неофициальных контактов с ПКК. История показывает, что спецслужбы разных стран тесно связаны и сотрудничают с террористами, желая использовать их в своих целях. Что чаще всего, оказавшись никому не нужными, многие из этих организаций выходят из-под контроля и самостоятельно создают «индустрию насилия», но уже полностью подчиняющуюся им самим.

Примечательно, что в Турции кое-где уже можно свободно купить книги Оджалана, а спецслужбы Турции, по-видимому, не спешат закрывать Интернет-сайт лидера ПКК, где на восьми языках изложена его очередная политическая платформа. Сейчас, как уже отмечалось, следуя указаниям находящегося в заключении Абдуллы Оджалана, ПКК декларирует отказ от вооруженной борьбы и сосредоточение своей деятельности на политической агитации. Как уже указывалось выше, в октябре 2003 года КАДЕК, бывшая ПКК, была переименована в «Конгра-Гель» – Народный конгресс Курдистана. Находясь в заключении Оджалан (по-видимому, не без поддержки официального истеблишмента) остается главным идеологом для курдских радикалов. В заключении на острове Имралы он особенно выгоден Турции, поскольку его резолюции и рекомендации являются обязательными для ПКК. Создается довольно парадоксальная ситуация, когда Оджалан, находящийся в заключении на Имралы, все больше и больше напоминает Ясира Арафата в Рамалле, который, находясь в условной изоляции, продолжал руководить подконтрольными ему силами.

Так, в марте 2004 года по инициативе Оджалана был создан специальный комитет по разработке новой идеологической программы курдского движения, в которой бы учитывались современные реалии. «Конгра-Гель» старается всеми силами не только реформировать свои идеологические установки, характерные для периода, когда организация называлась Партией рабочих Курдистана, но всячески поддерживать свое имя на слуху у мировой общественности. Такая стратегия заставляет руководство делать заявления о продолжении борьбы и прекращении перемирия с властями, объявленного после поимки Оджалана. Так, в сентябре 2003 года руководство ПКК (КАДЕК) объявило о прекращении объявленного четыре года назад перемирия и возобновлении боевых действий на юго-востоке. Формальной причиной послужила якобы несговорчивость турецких властей в деле политического диалога с апочистами. Партия не смогла добиться политической легитимности и, таким образом, за четыре года бездействия могла потерять свой авторитет и вес в среде курдов на юго-востоке. С другой стороны, нельзя быть абсолютно уверенным, что такой шаг не был заранее согласован с американцами или даже (учитывая возможные неофициальные контакты спецслужб) с Анкарой. Именно в этот период в Турции полным хо-

дом шло обсуждение возможности ввода в Ирак турецкого военного контингента и отказ ПКК от перемирия был выгоден как США, которые стремились к тому, чтобы армия Турции пришла к ним на помощь в Ирак, пусть даже под предлогом борьбы с апочистами в горах Северного Ирака, так и самой Турции, которая, введя войска в Ирак, оказала бы давление на курдскую администрацию и предотвратила создание независимого Курдистана. Косвенным подтверждением этому послужило и то, что после объявления перемирия апочисты так и не смогли продемонстрировать то, что они держат юго-восток полностью под своим контролем, сосредоточив свои действия на единичных стычках с военными и акциях саботажа. На протяжении всего 2004 г. курдская тема была основным вопросом турецко-американского диалога. Анкара требовала от Вашингтона решительных действий против отрядов ППК, базирующихся на территории северного Ирака. Министр иностранных дел Турции Абдуллах Гюль, регулярно посещающий Вашингтон, отмечал в своих заявлениях, что на территории Северного Ирака находится свыше 5 тыс. турецких курдов, среди которых – террористы, скрывающиеся от турецких властей. Анкара открыто заявляла, что ближневосточная политика Вашингтона ведет к угрозе курдского сепаратизма и если она не будет пересмотрена, то Ближний Восток столкнется с непреодолимыми трудностями. Премьер-министр Реджеп Эрдоган неоднократно настаивал на том, что США должны пересмотреть свое отношение к курдскому вопросу и объединиться с Турцией в борьбе с апочистами. Руководство страны указывало и на инциденты нападения боевиков партии на турецких военнослужащих, и на бездеятельность американцев в этих вопросах.

Например, после отказа парламента Турции дать добро на ввод своих войск в Ирак, 28 декабря 2003 года в Кала Дизе, расположенном недалеко от Эрбиля, состоялись переговоры американцев с руководством ПКК. Как сообщалось, на встрече с членами ПКК представители США обсудили политическую ситуацию в Ираке и перспективы ближневосточной обстановки в целом.

Наряду с этим с начала 2004 года стали отмечать рост активности боевиков ПКК на востоке Турции, что многие турецкие политики склонны связывать с деятельностью США в этом регионе. Так, в конце мая 2004 года представители ПКК распространили заявление об очередном прекращении перемирия и

возобновлении боевых действий по всей территории страны. Правда, в начале 2004 г. Вашингтон внес ПКК в список террористических организаций, о чем было заявлено главой американской администрации в Ираке П. Бремером. Согласно его заявлению, «члены партии укрывают среди курдского населения Ирака террористов, а терроризм в обновленном Ираке следует искоренять» (93, 12.01. 2004).

Важным и решающим моментом, который становится все более очевидным в начале XXI века, является тот факт, что самое активное участие в решении курдского вопроса в Турции будут принимать Европейские организации. Вопрос о предоставлении курдам этнических прав в рамках Турции тесно связан с вопросом вступления этой страны в ЕС. Следует отметить, что на протяжении всего периода, который связывается с обострением курдского вопроса в Турции, не только Европейские правозащитные организации, но и парламентские комиссии на уровне Совета Европы ставили вопрос о демократическом и ненасильственном разрешении курдского вопроса, предоставлении курдам равных этнических прав. 22 и 23 ноября 2004 года в Брюсселе состоялось заседание комиссии при Европейском парламенте, посвященное проблеме курдов и интеграции Турции в ЕС. И хотя ее организаторами и инициаторами выступили неправительственные общественные организации, было отмечено, что ее рекомендации и резолюция, приуроченная к началу масштабных переговоров о перспективах интеграции Турции в ЕС, будут носить обязательный характер для турецких властей. На заседании были высказаны конкретные предложения Европейскому парламенту по координации его действий в вопросе принятия Турции в ЕС с полной демократизацией курдского вопроса в стране.

Примечательным является то, что это заседание не носило односторонний характер, на него были приглашены как представители официальных кругов Турции, так представители курдских политических и общественных организаций не только из самой Турции, но и из Европы. В резолюции бельгийской комиссии было подчеркнуто, что именно курдский вопрос является главным препятствием на пути вступления Турции в ЕС в качестве полноправного демократического государства. Особо следует отметить, что Брюссельская комиссия настаивала на необходимости проведения политической реформы в стране, которая в итоге существенно трансформирует ту форму этни-

ческого национализма, которая существовала в Турции на протяжении всего республиканского периода.

Немаловажным моментом является то, что представители курдов, согласно резолюции конференции, должны на равных участвовать в работе всех последующих комиссий, а реформы должны осуществляться в строгом соответствии с конвенцией по правам человека и конвенцией по защите прав этноменьшинств, принятых Европарламентом.

С этой целью было объявлено о создании специальной гражданской комиссии по вопросу вступления Турции в ЕС. В нее должны войти представители курдских политических партий, общественных организаций, академических кругов, а также активисты различных правозащитных организаций. Заинтересованность Европы здесь понятна: в случае вступления Турции в ЕС курды будут составлять 3–4% населения всего Европейского сообщества.

Напомним, что Турция поставила себе целью вступление в ЕС еще в 1957 году. Однако начавшаяся в начале 80-х война на юго-востоке страны существенно охладила пыл тех европейских политиков, которые при помощи Турции надеялись «перекинуть европейский мост на Ближний Восток».

Именно Европейский фактор стал немаловажным стимулом, подтолкнувшим в свое время либерально настроенного к курдскому движению президента Озала к началу первых контактов с апочистами. Принятие в 1993 году в Копенгагене резолюции Европарламента, где курдский вопрос был поставлен в качестве краеугольного камня на пути возможной интеграции Турции в ЕС, сыграло немаловажную роль в том, что власти начали осуществлять робкие попытки первых реформ в межнациональных отношениях.

В июле 2003 года в Анкаре даже проводился первый научный симпозиум по проблеме курдов, куда были приглашены представители всех политических партий страны. Представлены были, правда, не все, а в основном оппозиция. Но тем не менее это говорит о том, что проблема урегулирования этой этнонациональной проблемы сдвинулась с мертвой точки.

Следует отметить, что сразу после проведения Брюссельской конференции 2004 года Турция, которая к тому времени уже сняла запрет с использования и преподавания курдского языка, а также с курдского радио и телевидения, пошла на дальнейшие уступки. Основным фактором, повлиявшим на

смягчение позиций властей в отношении курдского вопроса, стала позиция Европейских правозащитных организаций, которые жестко увязывают вступление Турции в ЕС с демократизацией ее позиции в курдском вопросе.

В декабре 2004 года из тюрьмы была освобождена известная курдская правозащитница Лейла Зана, а также бывшие члены и создатели прокурдской Демократической народной партии, такие как Хатип Диджле, Ахмет Тюрк и другие курдские активисты, осужденные 10 лет назад за пропаганду курдского национализма.

После событий 10-летней давности имя Лейлы Заны стало широко известно в Европе. Она была первым парламентарием в Турции, произнесшим клятву верности на курдском языке, и была за это заключена в тюрьму. В октябре 2004 года Зане была вручена премия им. академика Сахарова, присвоенная ей еще в середине девяностых. Сразу после выхода из тюрьмы Лейле Зане и ее соратникам по Демократической партии был дан зеленый свет на создание нового политического движения. В декабре 2004 года ими было объявлено о рождении новой политической партии – Народно-демократического движения (с августа 2005 года – Партия народных масс). На учредительном съезде было отмечено, что новое политическое движение не является оппозиционным существующим легальным политическим партиям страны, а как раз наоборот, будет вести вместе с ними политическую борьбу рука об руку. В частности, на съезде присутствовало много представителей ДЕХАП – Демократической народной партии, а ее председатель Тунжер Бақырхан принял участие в совместной пресс-конференции. Интерес к этому событию был так высок, что пресс-конференцию с перерывом пришлось растянуть на два дня.

Главной задачей для Турции является создание образа демократического сосуществования партий различных взглядов, в том числе и националистического толка. Для страны фигура Заны в настоящее время является выгодной, поскольку ее взгляды, при всей их бескомпромиссности, отличаются от взглядов представителей Рабочей партии Курдистана, с которой власти не хотят иметь дела как с террористической организацией.

В декабре 2004 г. 50 тыс. демонстрантов собрались в Диярбакыре для проведения акции в поддержку принятия Турции в ЕС. Акция проходила под лозунгом «Разнообразие – да, сепаратизму – нет». Курдский политик Х. Диджле, выступая

перед собравшимися, заявил, что «Евросоюз должен назначить Турции дату начала переговоров о вступлении, и при этом не должны игнорироваться курды». С другой стороны, как отметила Л. Зана, «Турция совершенно не готова к содружеству с Европой. Ее политика противоречит элементарным человеческим законам, не говоря уже о политической свободе и равноправии» [93, 18.12.2004]. Таким образом, бывшие члены ДП вновь начали активно вести политическую деятельность и выступать против политики, проводимой турецкими властями. В своих заявлениях они рекомендуют ЕС «настойчивее требовать от Турции соблюдения выдвинутых ей условий и обращать внимание на реальные шаги турецкого правительства по отношению к курдскому вопросу, а лишь затем принимать столь ответственное решение». В свою очередь, пресс-секретарь Европейской комиссии Ж.К. Филори в своем заявлении по поводу перспективы принятия Турции сказал: «Когда будет приниматься решение, мы будем иметь в виду правительственные решения в отношении представителей курдских демократов и их дальнейшую судьбу» [93, 24.12.2004].

В целом же можно сказать, что перспектива политического решения курдского вопроса в стране весьма туманна, как и возможность вступления Турции в ЕС, с чем, собственно, это решение и связывается. Такие решения во многом завязаны и на политическом будущем Ирака и курдской автономии. Такая неопределенность создает порочный круг, когда власти опасаются идти на значительные уступки курдскому населению в признании культурных и социальных прав (к чему власти в принципе готовы) – в основном из-за возможности нестабильности и угрозы государственной целостности Турции. Между тем в обществе постепенно формируется взгляд на возможность решения этого сложного вопроса в рамках международного права и в условиях свободного гражданского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше была сделана попытка взглянуть на важнейшие моменты политической жизни Турции за последние два десятилетия в их связи с курдским вопросом. Курдский вопрос является одной из наиболее острых проблем в спектре политических отношений в современной Турции. Отношение к нему стало элементом политической культуры страны. Одна из основных ее характеристик – смещение акцентов с обеспечения прав курдов на недопустимость развития сепаратистских тенденций, к которым ведет повышение роли этнического фактора в обществе. Несмотря на многочисленность курдского населения, развитость его самосознания, наличие легальных политических партий националистического толка, в заявлениях политических элит наличие в Турции «курдского вопроса» зачастую либо сводится к проблеме терроризма, либо попросту умалчивается.

При всех видимых изменениях в обществе, произошедших после того, как власть перешла от военных в руки гражданской администрации, изменения в политической культуре Турции носят по-прежнему консервативный характер. Это определяет и отношение к курдскому вопросу. Политический режим Турции образца конца XX века нельзя безоговорочно отнести ни к авторитарному, ни к демократическому. Он содержал как элементы демократии (всеобщее избирательное право, парламент, политические партии), так и элементы авторитаризма (ограничение культурных и этнических прав курдов, ограничение влияния «политически неблагонадежных» групп, особая роль армии). Режим был недостаточно авторитарен, чтобы полностью подавить интересы курдов, но и недостаточно демократичен, чтобы пойти на уступки. Подобное промежуточное состояние создает порочный круг, который только осложняет поиск путей разрешения этнополитического конфликта. К сожалению, очень мало было сделано для придания турецкой политической системе плюрального демократического характера. Легализованные политические партии курдов постоянно находились под угрозой закрытия, а их представители преследовались. И при-

чина здесь не только в их связях с ПКК. Позиция таких партий, выразивших узкоэтнические интересы курдов, находилась в противоречии с источником власти, базирующемся на ценностях системы и на Конституции.

Курды Турции обладают высокой политической организованностью, следствием этого стало формирование в среде курдов политических партий современного образца, то есть не зависящих от традиционных племенных связей. Большинство курдских партий носят нелегальный характер. Они представляют довольно широкий спектр всевозможных политических взглядов и идеологий – от радикального троцкизма до ортодоксального ислама. Однако в случае легализации политической партии курдов, как, например, Демократической народной партии (ДЕХАП), она становится важным фактором мобилизации политически активного «периферийного» населения и пользуется здесь все возрастающей поддержкой. Такие партии весьма решительно набирают вес, роль политических курдских элит заметна и в политической жизни Турции, а фактор этничности становится в Турции фактором политики. Можно сказать, что происходит превращение этничности из культурного, психологического или социального фактора собственно в политическую силу.

Среди курдов как социально-дифференцированной этнической общности имеются группы, которым курдские национальные интересы вообще безразличны ввиду их полной ассимиляции. На другом конце шкалы находится политизированная часть этноса, национальные политические элиты, для которых по разным причинам национальные интересы имеют первоочередное значение. В этой связи весьма спорным остается тезис о создании независимого «Большого Курдистана». Исходя из нынешних политических и экономических условий Турции, отторжение курдских областей под флаг независимого Курдистана невозможно по целому ряду причин. Любые попытки сецессии Курдистана будут в Турции пресекаться на корню, поскольку это противоречит идеологическим и политическим установкам, лежащим в основе существования Турецкой Республики. С другой стороны, среди курдов Турции отсутствует единое мнение о целях и задачах национального движения, нет единой идеологической платформы для подобного объединения с другими частями исторического Курдистана. При этом разительны политико-культурные особенности курдов,

проживающих в разных странах. Основная задача курдских национальных политических элит концентрируется на придании курдам культурного и политического статуса в рамках Турции.

Одной из основных причин остроты курдского вопроса является существование проблемы «центр – периферия» в Турции. Доминирующее положение массовой культуры (в том числе политической культуры, новых социально-экономических ориентиров), которое к тому же ассоциируется с «титульной нацией», вызывает отторжение в «курдской периферии» Турции. Периферийным группам становится проблематично найти свою нишу в рамках установившегося культурного разделения труда, отсюда – маргинализация населения, распространение радикальных левых или религиозных идей социального переустройства, особая «оппозиционность» местного электората по отношению к центральной власти во время выборов, что формирует особую политическую культуру периферийной группы, на которую накладывает отпечаток и собственно культурный аспект этнических курдов. Несмотря на права, закрепленные конституцией Турции, из представителей «периферии» в полной мере ими могут воспользоваться лишь те, кто отождествит себя с титульной нацией, отказавшись от своей культурной самобытности. Тот факт, что под силой, несущей модернизацию, подразумевается титульная нация турок, способствует перерастанию реакции отторжения в межэтнический конфликт.

Осознание своего подчиненного положения вынуждает лидеров периферийной группы добиваться перераспределения власти и ресурсов с помощью политических организаций на базе этнической общности. При этом для социально-мобильных представителей курдской этнической группы существуют два возможных выхода: либо перейти в доминирующую группу, формально отказавшись от своей этнической принадлежности, либо выступить в роли этнических лидеров, активистов курдских политических партий. Учитывая слабое политическое влияние периферийных политических движений (деятельность этнических партий запрещена законом, они подвергаются постоянному преследованию), их лидеры идут на расширение идеологической платформы своих партий, стремясь привлечь более широкие слои населения. В условиях экономически отсталой периферии такой идеологией зачастую становятся всевозможные классовые учения. При этом тип политической солидарно-

сти внутри «периферии» не predetermined, и требования угнетенных этнических групп могут быть выражены как в этнической, так и в классовой, либо в религиозной форме.

В общих чертах политическое развитие «курдского вопроса» в 80–90-е годы прошлого века характеризовалось политической поляризацией между «центром» и курдской периферией. Потеря центральной властью легитимности на периферии явилась следствием воздействия «синдрома политической модернизации», когда стал очевиден конфликт между требованиями равенства этноменьшинства, политического участия, равного распределения ресурсов, с одной стороны, и способностью политической системы страны в условиях ее структурного многообразия к интеграции, эффективному осуществлению принимаемых политических решений, – с другой стороны.

В рассматриваемый период наметился и кризис политической культуры на юго-востоке. Он выражался в том, что среди курдов отсутствовало широко распространенное понимание того, каковы могут быть пределы и возможности политической деятельности (это ярко выразили представители курдских партий в парламенте), усилилась тенденция преобладающего внимания к ценностям слов и классовых идеологий и недооценки прагматических предложений.

Разрешение этнического кризиса рассматривалось турецким «центром» по двум основным направлениям. Во-первых, это обретение легитимности за счет реально демонстрируемой эффективности власти: военной и экономической. Если военная нейтрализация курдских радикалов проходила более или менее успешно, то экономические действия правительства не всегда имели здесь успех. К тому же авторитет власти подрывался чрезмерно жесткой позицией по отношению к инакомыслию, нарушениями элементарных прав человека. Во-вторых, высшие политические руководители страны стремились принять множество законов, в основном консервативного характера, направленных против эскалации курдского национализма, цель которых – укрепление политического режима в стране.

За весьма короткий промежуток времени (конец XX – начало XXI века) политические цели курдского национального движения в Турции претерпели существенные изменения, и мы можем выделить три этапа развития политических требований курдов в Турции, что явилось продуктом внутренней социаль-

ной дифференциации этноса, повышения уровня его национального и политического сознания.

Первый этап – это выдвижение в рамках формирующегося курдского движения требований предоставления независимости, создания единого Курдистана, мало считаясь с политическими реалиями. Этот этап охватывает довольно большой период с начала семидесятых до начала девяностых годов.

Второй этап – это этап развития политического сознания курдов при условии сохранения экстремистских тенденций. При этом выдвигаются требования культурной автономии, федеративного устройства, многие курдские группы, в том числе и террористического толка, стараются перевести борьбу в политическую сферу, легализуются курдские партии, расширяется политическая активность курдских представителей в западных странах. Процесс этот продолжается по сей день.

В случае расширения центром культурных прав курдов, предоставления им культурной автономии в рамках унитарного государства политические требования входят в третью фазу – с требованием пропорционального распределения всех благ и дальнейшего расширения культурной автономии.

В упрощенной схеме подобное развитие политического сознания идет вверх по шкале ценностей, определяющих ресурсы. В первом случае – это земля, территория; во втором – вопрос о власти (автономистские движения); в третьем – место данного народа в политической системе полиэтнического общества.

Можно предположить, что дальнейшее развитие курдского конфликта будет определяться разновекторными подходами к его разрешению со стороны властей и курдской оппозиции. Для политических движений турецких курдов сейчас характерен отход от радикальных принципов ведения борьбы, пересмотр устаревших идеологических догм, расширение своих представительств в Европе, формирование диссидентского движения и вхождение в большую политику. Возможно, те или иные формы политического решения курдского вопроса ожидают страну в будущем. Ввиду существования разнополярных мнений и векторов возможного развития ближневосточного сценария для Турции формирование сотрудничества, в том числе и политического, с возможным независимым курдским государством на севере Ирака выглядит весьма предпочтительным. У Турции и курдской автономии есть большой потенциал для экономического сотрудничества. Например, Турция сможет обеспечить

доступ Курдистана к морю. Достаточно сказать, что в случае возникновения независимого Курдистана вся политика Турции в отношении курдов должна быть кардинально пересмотрена. Готовых формул для такого шага нет. Нередко Турция прибегает к запугиванию курдской автономии возможным введением войск с северный Ирак для борьбы с осевшими там повстанцами. Однако дипломатические усилия руководства курдской автономии направлены на построение добрососедских отношений с Турцией, и Турция вряд ли сможет противиться этому в дальнейшем.

Можно предположить, что это будет некий «демократический переход» – ненасильственный, безболезненный, на базе «консенсуса» между силами режима и демократической оппозиции, результатом чего, при условии сохранения унитарного характера государства, станет функционирование страны по обновленной политической схеме с новыми формами организации территориальной власти, которые призваны удовлетворять целям «курдской окраины». В качестве конкретной формы может быть рассмотрена так называемая «баскская модель», всерьез обсуждавшаяся в свое время в высших эшелонах власти Турции, выражающаяся в своеобразной культурной автономии района компактного проживания этнического меньшинства. В ее основе лежит также схема не совсем обычной политической децентрализации, для которой отсутствуют какие-либо существующие определения (федерация, автономия, регионализм), но которая основана на праве входящих в страну регионов на автономию – без ущерба единству наций и не в ущерб солидарности между ними. Весьма актуально в этой связи звучат мысли, высказанные еще два столетия назад Иммануилом Кантом: «Насилие, которому подвергается народ со всех сторон, и проистекающие отсюда бедствия заставляют его в конце концов подчиниться тому принуждению, которое сам разум приписывает ему как средство, – а именно подчиниться публичным законам и перейти к политическому устройству, которое будет правовым состоянием, основанным на общесогласованном международном праве» [34, с. 103].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Циркуляр Главного управления внутренней безопасности Турции

Заявление в связи с самороспуском Партии рабочих Курдистана и созданием Народного конгресса Курдистана «Кон-гра-Гель» (ноябрь 2003 г.).

Созданная 27 ноября 1978 года террористическая организация Партия рабочих Курдистана (ПКК) 4 апреля 2002 года была переименована в КАДЕК. С целью обеспечения и создания нового имиджа этой организации 26 октября 2003 года было объявлено о роспуске ПКК (КАДЕК), а 15 ноября 2003 года на съезде этой организации, который проводился в Кандильских горах, было объявлено о создании Народного конгресса Курдистана. Среди причин, повлиявших на определенную дезинтеграцию целей партии и смену ее названия следует обозначить вторжение Соединенных Штатов в Ирак, принятие резолюции Совета Европы о выполнении Турцией пакета мер, предусмотренных «копенгагенскими критериями», а также бесперспективность попыток сторонников ПКК представить организацию как реальную политическую силу.

Проводившая около двадцати лет террористическую деятельность организация ПКК в течение всего периода своей активности как на международном, так и на национальном уровне прочно уренилась в сознании многих людей как террористическая организация. Ни одно государство или международная общественная организация не признает в настоящее время ПКК в качестве реальной политической силы.

Террористическая организация ПКК с начала 90-х годов прошлого века активно стремилась превратиться в реальную и легитимную политическую силу. Провозгласившая на словах одностороннее прекращение огня партия с этой целью создавала множество связанных с ней организаций и объединений.

Однако попытки политической легализации остались безуспешными. После пленения лидера ПКК Абдуллы Оджалана

в партии возобладало мнение, что в этом есть очередной шанс для организации превратиться в легитимную политическую силу, и с этой целью был предпринят ряд радикальных организационных мер.

В частности, организация объявила об отказе от создания независимого Курдистана и общей стратегии на вооруженное сопротивление властям. Во главу угла их основных задач было поставлено признание на государственном уровне культурного своеобразия курдов и осуществление с этой целью всевозможных мер политического характера. Однако при этом руководство партии заявляло о возможности продолжения вооруженной борьбы, к чему партия может прибегнуть в случае крайней необходимости. Следует более подробно остановиться на тех мерах, к которым организация прибегла для достижения своих целей.

1. Причины, повлиявшие на смену стратегии и идеологических установок ПКК

Террористическая организация ПКК, находясь под влиянием нижеперечисленных факторов, в начале XXI века вынуждена была существенно пересмотреть свою политику и идеологические ориентиры. Причины этого можно суммировать следующим образом:

а) Вторжение США в Ирак.

Оккупация США Ирака нанесла ощутимый удар по деятельности ПКК. В период проведения операции против Саддама Хусейна и непосредственно перед ее осуществлением ПКК находилась в состоянии растерянности и дезинтеграции. В этот период часть северных и северо-восточных областей Ирака была объявлена зоной действия т.н. «отрядов Мидийского сопротивления». Сначала апочисты были уверены, что США совместно с Турцией будут проводить против них военные операции. Однако Штаты первоначально не придавали значения этой организации, действующей на Севере Ирака, учитывая сложную внутривнутриполитическую обстановку в самом Ираке.

В этой связи лидер партии Абдулла Оджалан, которого подобная позиция США раздражала, дал указание верхушке руководства партии провести переговоры с представителями американской администрации в Ираке. На основании полученных объяснений со стороны американской администрации пар-

тия решила осуществить меры реорганизационного порядка таким образом, чтобы органично влиться в качестве политической силы в ту систему политических отношений в Ираке, которую там выстраивала Америка. Новая форма организации партии должна быть построена таким образом, чтобы не вызывать раздражения США.

б) Необходимость соответствия Турции правовым критериям Евросоюза.

Начиная с января 2000 года, когда партия объявила о смене своего стратегического курса, в руководстве большие надежды на получение политических уступок и выгод связывались с выполнением Турцией т.н. «копенгагенских критериев», выдвинутых Евросоюзом в качестве первичных условий для вступления Турции в ЕС. На первом этапе негласная поддержка рядом европейских стран новой стратегии ПКК, направленной на перенос борьбы исключительно в политическую сферу, создавала впечатление успеха подобной переориентации. Однако официальные лица Европы высказывались против поддержки и осуществления каких-либо официальных контактов с апочистами, а также признавали предыдущие высказывания в поддержку ПКК ошибочными. Фактически это означало отказ Европы от поддержки легитимации ПКК в качестве политической силы.

При этом принимаемые законодательные положения по правам на использование и преподавание родного языка выполнялись Турцией в соответствии с «копенгагенскими критериями», что отмечали и сами европейские представители. Критика же Турции при осуществлении этих мер со стороны Европы была минимальной. Все это не могло не сказаться на отношениях ПКК с Европой. И, как следствие, повлияло на то, что ПКК стала искать пути сближения своих позиций теперь уже с Соединенными Штатами. Однако и это не мешало апочистам после объявления о самороспуске ПКК (КАДЕК) сформулировать свои цели таким образом, чтобы они были близки и понятны европейскому истеблишменту.

в) Неудача в деле легитимации ПКК в качестве реальной политической силы.

Курс на политическую легитимацию был взят руководством партии, начиная с июля 2000 года. Летом 2001 года партия активно проводила конференции с целью пересмотра старых стратегических установок и выработки нового поли-

тического курса. С этой целью в стране и за рубежом лица, симпатизирующими этой организации, проводились всевозможные кампании поддержки. Для обеспечения непрерывности этого процесса партия использовала легальные и полуполигальные организации, с которыми она имела органическую связь – в первую очередь курдскую партию ХАДЕП, позднее переименованную в ДЕХАП. ПКК также направляла своих представителей в Европу для того, чтобы вести политическую агитацию за рубежом. В Турции наиболее активно агитация апочистов проводилась во время празднования Норуза в марте месяце. Однако активисты ПКК по-прежнему оставались в рамках неконвенционального участия и не смогли добиться политической легитимации своей партии. Это было главной проблемой, которая стояла перед руководством ПКК. Помимо этого, руководство осознавало, что цели и лозунги партии теряют свою актуальность, и ее поддержка среди населения ослабевает. В этих условиях все чаще стали звучать заявления о необходимости продолжения вооруженной борьбы.

С целью создания более широкой общественной платформы и обеспечения вхождения партии в реальную политику руководство приняло в 2003 году решение о роспуске ПКК (КАДЕК) и проведении радикальной реорганизации партии.

г) Личная роль Оджалана.

Отсутствие интереса Соединенных Штатов во время проведения иракской кампании к деятельности апочистов, тактичное дипломатичное замалчивание официальной Европой факта существования в Турции «курдского вопроса», а также неудача в деле превращения ПКК в легитимную политическую силу заставляли руководителя партии использовать силу личного примера в деле позиционирования своей организации. Все чаще стали звучать призывы к освобождению Оджалана, а также подчеркивалось беспокойство за состояние его здоровья в заключении на острове Имралы. Образ «мученика» должен был способствовать поднятию престижа его организации в свете того, что как внутри страны, так и на международной арене отсутствовали перспективы политической легализации ПКК. При этом цель легитимации партии внутри страны была отложена ввиду наличия более заманчивой перспективы, а именно – создания образа легитимного политического движения в глазах Соединенных Штатов.

2. Создание Народного конгресса Курдистана («Конгра-Гель»)

Как уже отмечалось, после роспуска ПКК в ноябре 2003 года функционерами этой партии было объявлено о создании Народного конгресса Курдистана («Конгра-Гель»). Учредительный съезд новой партии состоялся 27 октября – 6 ноября 2003 года в Кандильских горах на севере Ирака. На пресс-конференции после создания прозвучали заявления, которые были в основном характерны для риторики ПКК (КАДЕК). В качестве основных задач назывались немедленное освобождение Абдуллы Оджалана, политическое решение «курдского вопроса» и придание новой организации легитимного политического статуса. Было особо подчеркнуто, что партия оставляет за собой право продолжить вооруженную борьбу в случае, если Оджалан не будет освобожден из заключения. Это также свидетельствует о том, что в заявлениях «Конгра-Гель» по-прежнему присутствует старая риторика ПКК. Особо следует отметить, что в заявлении новой организации подчеркивалась необходимость налаживания диалога с Соединенными Штатами и содержался призыв ко всем курдам, проживающим в США, активно участвовать в деле решения курдского вопроса. Тот же самый призыв прозвучал и в отношении курдов, проживающих в Иране и Сирии. Становится очевидным, что основную роль в реорганизации ПКК сыграло американское военное присутствие в Ираке. Народному конгрессу Курдистана как организации на более широкой представительской основе отводилась особая роль по налаживанию политических отношений с Европой и Соединенными Штатами.

Примечательным является и то, что в иерархической системе руководства партии оказались и легальные политические деятели. Так, председателем «Конгра-Гель» стал Зюбейр Айдар, одним из его шести заместителей – Ремзи Картал, а также ряд других лиц, не запятнавших себя террором времен партизанской войны ПКК. Все это говорит о том, что партия всеми силами пытается дистанцироваться от своего террористического прошлого. Высшим руководителем (лидером) партии остается Абдулла Оджалан. Его представителем в иерархической системе руководства является его брат Осман. Во главе партии находится Высший совет в количестве избираемых 300 членов: Председатель, его шесть заместителей, ис-

полнительный комитет (41 человек) и представители всевозможных комитетов и консультанты.

3. Что ожидать в ближайшем будущем

В своем первом заявлении после реорганизации ПКК (КАДЕК) представители «Конгра-Гель» заявили о пересмотре т.н. «Дорожной карты», разграничивавшей влияние ПКК в районе иракско-турецкой границы. Очевидно, что это было сделано для того, чтобы не провоцировать возможного конфликта с американцами. Также «Конгра-Гель» стала пытаться выйти на официальные контакты с Евросоюзом. При этом также было ясно, что организация все свои силы бросила на осуществление новых стратегических целей, воспользовавшись преимуществами реорганизации. При этом также становится очевидным, что возможное преобладание элементов, которые настроены на продолжение вооруженной борьбы, весьма негативно скажется на имидже «обновленной» партии и затруднит ее политическую легализацию.

а) Сближение партии с США и Евросоюзом.

Усилия апочистов сейчас направлены на сближение с позициями США и Евросоюза. Они всеми силами пытаются вызвать симпатии европейских парламентариев. В этой связи ожидается активное лоббирование интересов апочистов и проведение иных политических и дипломатических акций. С другой стороны, продолжение вооруженных стычек с апочистами существенно осложнит как американо-турецкие, так и иракско-турецкие отношения. Ожидается, что в будущем партия будет стараться отмежевываться от вооруженного крыла, чтобы не портить отношений с США, а также с Европой.

б) Особенности идеологии новой организации.

Главной особенностью, сказавшейся на том, что ПКК уверенно продолжала свою деятельность в течение долгого периода, являются ее организационные и идеологические черты. Будучи организацией крайне централизованной, она использовала риторику и идеологию ленинистского типа, что было достаточно эффективно для пропаганды ее целей и задач. Нынешняя же «Конгра-Гель» старается уйти от жесткого централизованного образца, стремясь выбрать наиболее гибкую идеологическую стратегию. Ленинская идеология идеально подходила под жесткую иерархическую систему ПКК. В нынешних же условиях, учитывая определенную децентрализацию и появление ряда групп под крылом «Конгра-Гель», лишь формально

зависящих от ее руководства, предлагаемая апочистами идеология т.н. «демократического участия широких народных масс и демократического представительства» только усилила хаос, разброд и шатание в рядах сторонников Оджалана.

в) Цели и задачи вооруженной борьбы.

Главной отличительной чертой ПКК (КАДЕК) была проводимая ею тактика вооруженного террора. Радикальные же элементы, сторонники вооруженной борьбы, остающиеся в нынешней структуре «Конгра-Гель», используются апочистами как фактор сдерживания и давления на государство, другие курдские организации, на динамику внутри партии, а также на иных актеров этого процесса. Сторонники проведения вооруженной борьбы также перешли после роспуска ПКК под крыло «Конгра-Гель», что было сделано, в том числе, и для того, чтобы не допустить их дальнейшую радикализацию. То есть фактически это означает, что значительных изменений после роспуска ПКК и создания Народного конгресса Курдистана не произошло. То есть возможные боевые действия сторонников ПКК не сняты с повестки дня. Не лишним будет отметить, это затишье вооруженной борьбы будет, как и прежде, наблюдаться в основном в зимний период.

Тактика угрозы применения военной силы в случае развития событий не по сценарию апочистов, возможно, будет проводиться по двум направлениям. С одной стороны, это запугивание государства возможностью осуществления военных вылазок в любой момент, а с другой стороны, – оказание давления на местных жителей юго-востока для того, чтобы они активнее воздействовали на государство для принятия политических решений, выгодных апочистам при существовании угрозы возможного проявления силы.

г) Перспективы политической легализации

Террористическая организация ПКК (КАДЕК) в последние годы рассматривала политическую легализацию в качестве своей главной цели. Однако действия тех, кто сочувствовал этой организации, призванные создать образ легитимной политической партии, направлялись в основном по указаниям самой партии, а цели и задачи, сформулированные еще до ее реорганизации, остались далеки от актуальных чаяний большинства населения, и партия не смогла добиться успеха в этом направлении. В этой связи созданная на месте ПКК «Конгра-Гель» поспешила принять более внятную и привлекатель-

ную политическую программу, сформулировать основные свои цели и задачи таким образом, чтобы популяризировать эту организацию. Усилия по позиционированию новой организации станут одной из определяющих черт их новой политической стратегии. Учитывая то, что на деле эта террористическая организация полностью не отказывается от возможности проведения военных операций и в ее структуре имеются тысячи вооруженных бойцов, говорить о том, что она успешно добьется своей политической легализации, пока нет смысла. Однако в конце 2003 года партия приняла ряд решений в рамках т.н. «демократических мирных инициатив», которые призваны форсировать усилия партии в деле мирного политического участия.

Можно сделать вывод, что созданная на месте ПКК «Конгра-Гель» в ближайшее время, особенно в периоды проведения местных муниципальных выборов, сосредоточит свои усилия на политической агитации. Учитывая возможное возобладание сепаратистских настроений в курдской среде в результате такой агитации, ожидается противодействие властей подобным действиям апочистов. Вооруженные же группы будут активны в теплое время года, но зимой активность будет ослабевать. Ввиду сложности проведения военных операций против апочистов в зимнее время, ожидается, что разрозненные группы вооруженных бойцов будут находить пристанище у местных жителей в деревнях.

Организация будет всеми силами стремиться наладить диалог с США. Ввиду реорганизации партии ожидается и активизация ее дипломатических усилий в Европе.

Источник: Ruşen Çakır. Türkiye'nin kürt sorunu. İst. 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Политическая программа Партии Демократического Сообщества* (август 2005 г.)

Пreamбула

Нынешние социальные и политические проблемы Турции остаются актуальными факторами, оказывающими влияние на особенности нынешнего исторического этапа в жизни страны. Это проблемы мира, равенства полов, демократии, свободы, прав и свобод человека, а также экономические и экологические проблемы.

Долгое время Турция дистанцировалась от решения собственных наболевших проблем, боялась встать с ними лицом к лицу, и из-за этого в нынешних условиях мы проживаем период неопределенности и запущенности многих подобных вопросов. Эта запущенность и неопределенность постепенно привела к стагнации динамических процессов общественной и политической жизни страны. Вот почему турецкое общество в свете тех значительных изменений, которые происходят как в мире, так и на Ближнем Востоке, так нуждается в изменениях и реформации.

Однако нынешние политические партии Турции не представляются той политической силой, которая дала бы Турции надежду на подобные изменения. В общих чертах, политические партии находятся сейчас в состоянии безысходности, они ограничили свое мировоззрение набором наиболее удобных для них целей и задач.

---

* Партия Демократического Сообщества была создана в августе 2005 года представителями бывших легальных курдских партий: Демократической партии (ДЕП), Народно-трудовой партии (ХЕП) и курдскими социал-демократами (ХАДЕП-ДЕХАП).

Для Турции, вступившей в новое тысячелетие, наиболее остро стоит проблема демократизации. В свете осуществления крупных национальных проектов и реформ демократические реформы в республике повлияют на успешное решение многих социальных проблем. Процесс вступления Турции в ЕС, без всякого сомнения, скажется на этих процессах наиболее позитивным образом. Это означает не только вступление в семью, состоящую из разных государств, но и объединение с организацией, в которой мирно сосуществуют разные народы, и их опыт позитивно скажется на процессах, происходящих сейчас в нашем обществе.

Политика реформирования и пересмотра устаревших догм, которая наблюдается сейчас в Турции, во многом проводилась и проводится под влиянием современных европейских институтов. Эти процессы не всегда проходили для Турции безболезненно. Общественная динамика нынешних процессов представляет собой столкновения духа изменения и духа стагнации. Нынешняя политическая элита в лице многих партий, в том числе и тяготеющих к «левизне», весьма далека от насущных проблем нашего народа, составляющего главное богатство Турции, народа, состоящего из турок, курдов, лавов, арабов, черкесов, а также представителей иных религиозных конфессий. И причин для этого достаточно много.

Но если говорить об истинном состоянии дел в обществе, необходимо отметить следующее: политические партии и политические объединения нашей страны в качестве целей своей деятельности зачастую рассматривают в первую очередь интересы государства, нации и власти, и лишь потом – интересы отдельной личности или интересы общества. Несмотря на существующую в Турции свободу слова и взглядов, основной характеристикой политической культуры остается тот факт, что эти партии, будучи похожими одна на другую, имеют давно устоявшийся имидж «партий государства». Такое стремление политических сил «быть ближе к государству», несмотря на декларируемые ими различия взглядов по ряду политических вопросов, выливается в то, что все эти партии осуществляют свою деятельность с оглядкой на государство.

Партия Демократического Сообщества в этой связи является новым явлением для Турции, как с точки зрения политической культуры, так и с точки зрения политической стратегии. Наша партия рассматривает проблемы нашего общества

в качестве основных пунктов своей политической программы и намерена приложить максимум усилий для того, чтобы Турция существовала в атмосфере мира, дружбы со своими соседями и, преодолев нужду и бесперспективность, вошла бы в будущее, создав истинно демократическое сообщество.

В отличие от всех наших политических партий, построенных на той или иной степени приверженности государственной политике, защите религии, классовых и этнических интересов, Партия Демократического Сообщества объявляет о своей приверженности именно интересам общества вне всех вышеуказанных рамок.

Впервые в политической истории страны делегаты на учредительный съезд нашей партии избирались прямым голосованием народных масс. При участии примерно 300 000 избирателей, представляющих различные слои населения, были избраны 3000 делегатов нашей партии, примерно 1000 из которых – женщины. Из числа делегатов на съезде было избрано 400 учредителей нашей партии.

Наша партия объявляет о проведении политики при непосредственном участии народных масс. Поэтому и устав нашей партии и данная программа были приняты при непосредственном участии народа.

Основные вопросы и противоречия современного мира

Дальнейшее развитие научно-технических и экономических процессов в конце XX века открыло дорогу важным общественным изменениям. Значительное влияние на смену общественно-политических парадигм оказал развал Советского геополитического блока. С другой стороны, заметным явлением остается структурный кризис всей капиталистической системы.

Параллельно с этим в обществе все более возрастающее значение приобретают борьба женщин за свои права и также борьба за свободу личности. Отмена таможенных ограничений между государствами открывает дорогу дальнейшему расширению влияния «Империи глобализма». Национальные государства, их государственные институты, их политическая культура переживают сейчас этап тяжелейшего политического кризиса. Монополярный мир, охваченный системным кризисом, создает атмосферу хаоса. Что принесут эти изменения в смысле человеческого измерения – пока неизвестно. В обще-

ственном сознании назревает необходимость возникновения обновленных сообществ, находящихся вне рамок существующей системы, построенных на уважении прав человека и дающих людям новые надежды.

События 11 сентября вызвали вторжение США на Ближний Восток, спровоцировав усугубление имеющихся здесь проблем. Но при этом вторжение США, целью которого является установление нового мирового порядка, породило доселе не существовавшие проблемы, которые только усугубили мировой политический кризис.

В настоящее время Ближний Восток является тем регионом, который наиболее пострадал в результате системного мирового кризиса. Внешние силы всюду стараются использовать «ближневосточный узел» в своих интересах. Это сказывается и на расшатывании «этнического равновесия» ближневосточного общества, взаимопроникновения и взаимного влияния этнических, религиозных, национальных, социальных проблем, интересов племен и иных общественных микроструктур. Палестино-израильский конфликт, вторжение США в Ирак, проблемы с Афганистаном и Ираном – все эти факторы можно рассматривать как признаки начала третьей мировой войны в регионе, где властвуют религиозный догматизм и где по-прежнему значительный вес имеет влияние племенных структур, в регионе, охваченном в целом достаточно регрессивным мышлением, в том числе и в рамках узкого национализма; региона, где, в том числе, присутствует и вопрос неравенства полов. Существующие в регионе нации-государства так и не смогли взять решение этих проблем под свой контроль. С другой стороны, осуществленная американцами операция против иракского режима показала, что смена существующих режимов и общественно-политических укладов не является невыполнимой задачей. Однако такая «модернизация сверху» не произвела ожидавшегося эффекта. В нынешних условиях глобализационные силы пытаются преодолеть регрессивные факторы Ближнего Востока, мало обращая внимание на исторические, культурные, религиозные отношения народов этого региона.

Турция

Социально-политическое развитие республиканской Турции со времени ее создания на обломках Османской империи можно разделить на три этапа. Первый этап характеризуется

теми политическими и социальными реформами, которые проводил Ататюрк. Взяв за основу Францию времен революции, Ататюрк решил вести страну в форватере европейской парадигмы политического развития. Модернизация страны осуществлялась якобинскими методами, что позволило в кратчайший период времени достичь весомых политических и экономических результатов, однако масштабная реформа не породила требуемых общественных и политических институтов. Учитывая полную опору на силу государства, реформаторство в конце концов перешло в стадию бюрократического капитализма и такое развитие страны было характерно вплоть до начала 50-х годов прошлого века.

Вторым этапом считается форсированное участие частного сектора в экономике, что связано с победой Демократической партии в начале 50-х годов. Частный капитализм монополистского типа стал усиленно развиваться в крупных городах, таких как Стамбул, Измир, Адана. Однако последовавший государственный переворот 1960 года замедлил темпы роста олигархической буржуазии, уравнивая ее с буржуазией государственной. Представители курдской элиты Турции, общественно-политическая деятельность которых жестко пресекалась в первый период, начали постепенно участвовать в политической жизни страны в рамках действующих легальных партий.

Оба эти периода характеризовались усиленной националистической идеологией. Однако с середины 50-х годов в Турции стали активно формироваться альтернативные политические движения и объединения. Подтверждением тому является зарождение и активизация политического ислама, а также возникновение различных шовинистических и фашистских организаций, религиозных движений тарикатского типа. Если в период правления Ататюрка и Исмета Иненю национальная доктрина Турции находилась в фарватере европейской политической культуры, то начиная с 50-х годов прошлого века в политической стратегии и культуре возобладал проамериканский политический курс и, как следствие, – усиление антикоммунистических позиций, которые питали различные регрессивные идеологии, такие как фашизм, исламизм и национализм шовинистического типа. В этой связи курдская элита могла продолжать свое существование только в условиях ассимиляции либо в виде тайных нелегальных объединений. В обществе продолжали доминировать настроения смирения.

Наконец, третий этап – этап анатолийского капитализма, период превращения Турции в страну среднеразвитого капитализма. Три этапа: период бюрократического капитализма, период монополистического капитализма и, наконец, период среднеразвитого анатолийского капитализма представляют собой завершённую модель развития страны.

Политическая история Турции в этот период вкратце представляет следующую картину. Первый период современной политической истории начал формироваться задолго до революции Мустафы Кемалю. Она берет свое начало в период Танзимата (середина XIX века). Движение реформаторов (Движение Танзимата Махмуда II) в начале XX века окончательно оформилось в движение иттихадистов – сторонников партии Иттихад ве Таракки, сторонников революционной стратегии политического развития, чья идеология уже после революции составила костяк программы единственной правящей Республиканской народной партии. Начиная как партия модернизационного образца, она в конце концов превратилась в партию олигархического типа. В результате первых многопартийных выборов в 50-е годы прошлого века эта партия была отстранена от руля власти, и ее место заняла новая Демократическая партия, что ознаменовало собой начало второго этапа политической истории современной Турции.

Проводившаяся с середины 70-х годов борьба турецких левых и курдов за свои политические права к началу нового века явилась основой формирования новой политической парадигмы, означавшей формирование «снизу» партий нового образца. Это означает начало нового, третьего этапа политической истории страны. В результате тесного сотрудничества с Евросоюзом Турции предстоят значительные реформы по демократизации. Это касается в первую очередь прав человека, демократии, главенства закона. Новая демократическая культура должна воплощаться в жизнь новыми политическими актерами. Тяжелый политический и экономический кризис, переживаемый нашей страной, во многом возник из-за недооценки культурных, религиозных и этнических особенностей Анатолии в процессе становления новой республики.

Курды наряду с турками участвовали в национально-освободительном движении Мустафы Кемалю. Еще в начале национально-освободительного движения на Эрзурумском и Сивасском конгрессах Мустафа Кемаль особо выделил роль

курдов в революционной борьбе. В своих выступлениях до 1924 года Ататюрк неоднократно подчеркивал единство турецкого и курдского народов, уделял особое внимание обеспечению равных прав турок и курдов в рамках единого государства. Например, в преамбуле Амасийского протокола было сказано: «Наша Родина – это государство турок и курдов». И далее: «С целью свободного развития курдского народа ему должны быть обеспечены полные социальные и традиционные права... Все курды должны знать об этом».

С точки зрения признания прав этногрупп в рамках нациигосударства проект конституции 1921 года был самым демократическим в истории страны. Отказ от ряда положений освободительного движения в конституции 1924 года нанес значительный ущерб духу братства курдов и турок, возможности создания многокультурного демократического общества, справедливому распределению благ и сбалансированному экономическому развитию страны. Используя последовавшие курдские восстания в качестве предлога, государство, так и не сумев создать истинно демократический строй и демократические институты, вместо продолжения пути демократического развития пошло по пути запугивания граждан угрозами сепаратизма.

Закон о вынужденных поселениях, принятый сразу после восстания Шейха Саида в 1925 году, фактически обозначил смену парадигмы политического развития, закрепив на следующие 25 лет авторитарное правление элит, уже находившихся у власти. Это означало и ограничение ряда основных свобод в обществе.

Перевороты 1960 и 1980 гг., принятие новой конституции после прихода к власти генерала Кенана Эврена закрепили антидемократическую политику в отношении курдов, затруднили решение курдского вопроса.

Курдский вопрос должен быть решен на основе мирной и демократической политической платформы.

Изменившаяся в начале XXI века политическая ситуация на Ближнем Востоке породила многие не существовавшие здесь доселе проблемы. Курды, одно из древнейших сообществ, существовавших на этом этнографическом пространстве, были в значительной степени отстранены от решения этих проблем. Политическая система и деятельность элит в первую очередь Турции, а также Сирии, Ирана, Ирака стре-

мились к тому, чтобы факт существования курдов не акцентировался в связи с ситуацией на Ближнем Востоке. Это во многом и привело к тому, что курдский вопрос стал одной из животрепещущих проблем этого региона. Его нерешенность есть и причина, и следствие отсутствия здесь истинно демократических государств.

Демократизация Турции способна обеспечить и демократизацию всего Ближнего Востока. Демократичная Турция, которая разрешит курдский вопрос в рамках демократических норм и институтов, способна обеспечить и демократическую сплоченность всего Ближнего Востока. Наша партия верит в возможность справедливого разрешения курдского вопроса, опираясь на отношения дружбы и братства, которые издавна существуют между турецким и курдским народами.

Необходимо в корне изменить взгляды государства на эту проблему: в корне поменять проводимую государством нынешнюю политику, отказаться от исключительно военных способов ее разрешения. На повестке дня стоит вопрос о признании этнических прав курдов, закреплении их в конституции страны, и если потребуется, о принятии новой конституции страны. Это касается и необходимости закрепления права беспрепятственного преподавания курдского языка в стране.

Необходимо принять закон об общественном согласии, обеспечить освобождение всех заключенных, получивших сроки во время военных действий, обеспечить возвращение в страну всех вынужденных политических эмигрантов, провести детальное и непредвзятое расследование всех т.н. «нераскрываемых убийств» курдских активистов, обеспечить разоружение вооруженных формирований и их вовлечение в реальную политику, приложить максимум усилий для разоружения «сельских стражей» в бывших районах чрезвычайного положения. Для форсирования экономического развития востока и юго-востока страны необходимо обеспечить условия справедливого распределения там благ и ресурсов, создать Центр регионального развития Юго-Востока.

Партия Демократического Сообщества строит свою программу на исторических и культурных реалиях. Это заложит основу дружбы и взаимопонимания между разными народами и культурами на основе научного подхода к имеющимся проблемам. В этой связи необходимо внимательное и чуткое отношение к культурному наследию турок, курдов, черкесов,

армян, греков, арабов и лазов, к различным религиозным конфессиям: к мусульманам, христианам, иудеям, иезидам. Мы также выступаем за создание музея, посвященного различным культурным традициям, истории различных народов нашей страны. Надеемся, что это послужит делу укрепления истинно демократических традиций в государстве.

Источник: www.dtpgm.org.tr

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Абдулла Оджалан.
Послесловие к защитной речи для процесса
в Европейском суде по правам человека
(август 2001)

Хотелось бы отметить своеобразный характер и пеструю цветовую гамму, свойственную данной защитной речи, которую я подготовил к процессу в Европейском суде по правам человека на основании моего иска против европейской цивилизации. Моя судьба была решена в основном европейской цивилизацией, и надо быть крайне недалеким человеком, чтобы не понимать этого. Ведущие европейские державы уготовили Турции роль гончей, которую натравили на зайца. А роль зайца они уже давно уготовили курдам. Основная идея моей защитной речи – это разоблачение чудовищной несправедливости и двуличия, проявляемых Европой по отношению к курдам. Данная позиция далека от эмоциональности, и для того чтобы доказать это, я начал достаточно тяжелое дело от научной характеристики общества до глубокого анализа истории цивилизации. Если даже ограниченность моих знаний истории способствовала проявлению некоторых недостатков и ошибок, я все же верю в объективный характер моих разработок. В защитной речи можно найти множество смелых рассуждений. Для того чтобы моя защитная речь могла претендовать на определенную историческую роль, она должна была быть написана с позиций критика региона нашей цивилизации. Во всяком случае не я выгляжу в нелицеприятном положении перед Европой, а цивилизация Среднего Востока. В этом смысле я постарался с помощью глубокой и содержательной разработки побудить к выступлению против исторического прошлого и современного состояния Среднего Востока, который подобен мертвому великану, окруженному чудовищными карликами в своей могиле.

Я верю в то, что человек, который не способен разобраться в собственной личности, не вправе ожидать чего-либо от других. Как говорится в пословице, с чужой помощью брачной ночи не бывает. Все сообщества Среднего Востока и другие этнические сообщества поначалу впустили Европу на свое брачное ложе, а затем, уже в постели, стали искать утех сладострастия. Ясно, что этого нельзя принять ни с политической, ни с моральной точки зрения. Моим личным ответом на эту угрозу стал марш свободы. Разрубив узы семьи и сельской общины, я вплотную подошел к тому, чтобы сотрясти устои буржуазного общества Турции, при этом я или разбивал стены, или преодолевал их, что стало в принципе возможным. Но, к сожалению, моя рука, протянутая турецкому левому движению, всем прогрессивным силам и интеллигенции страны, повисла в воздухе. Видимо, причина в том, что сама Турция, не ощущая себя независимой, цеплялась за силы внутренней реакции, считая их своей последней надеждой. Национализм был самым влиятельным оружием в руках и левых, и правых, и центристов, и эти силы никак не могли оторваться от националистической идеологии и осмыслить понятие братства. Испытывая постоянный страх перед угрозой потери территориальной целостности, они зациклились на психологии кризиса. Эти силы в Турции не проявляли даже признаков конструктивного подхода, поскольку инстинкт самосохранения побуждал к проявлению в них агрессивного рефлекса.

Пусть в полном одиночестве, но я решился на бунт против вопиющего беззакония, поскольку не видел иного пути к свободе. Поражает то, что в современном мире, где прилагаются всяческие усилия для изучения языка животных, целому народу запрещено говорить и учиться на родном языке. Мне, как сыну курдского народа, горько осознавать, что мой народ поставлен в столь унижительное положение. Это не могло не вызвать эмоциональной реакции, и это казалось естественным путем для защиты чести и достоинства человека. Но в условиях того периода не представлялось возможным сделать размеренные созидательные шаги и наиболее оптимальным оказался рефлекс курдского народного сопротивления. Конкретным выражением этой действительности стало создание ПКК. Уже стал историческим фактом новый период, в который мы вступили с багажом идеологических догм, которые в спешке сочли его наилучшей идеологией. Мы старались делать все,

что было сделано другими народами в современную эпоху. Иного варианта современности не было. Наиболее ярким примером этому была позиция Турции. Подчеркивая, что не все наши шаги были правильными, не стоило бы утверждать, что все, что мы делали, было в корне неверным. Дальнейшие перемены, которым способствовала наша деятельность на том этапе, показали, что на весах справедливости перевешивали правильные действия. Но, как известно, одной правоты недостаточно для достижения успеха.

Поскольку регион на протяжении всей истории традиционно был очагом наибольшей концентрации догматического мышления эксплуататорских классов, военно-политическим кругам не стоило никакого труда похоронить любую правду. Поэтому следовало трезво оценить и развивать особенности, способные разработать идеологию для всех народов и угнетенных классов, осуществлять политическую деятельность, создавать армию. На Среднем Востоке нами было предпринято множество мер, и касались они большей частью именно этих аспектов. С удвоенным стремлением мы продолжали делать все для формирования твердой, но очень гибкой освободительной воли курдского народа, позволяющей ему идти к свободе, невзирая ни на какие трудности. Мы постоянно выходили на горные позиции, работали в массах. Мы пытались, хотя этого оказалось недостаточно, вовлечь в борьбу наших друзей, стремились разбудить совесть мировой общественности. Несмотря на то, что борьба породила боль и горькие потери, мы считали это платой за процесс формирования освободительной воли и самосознания курдского народа. В итоге сформировалась курдская действительность, с которой нельзя не считаться, которую нельзя не уважать. Пусть и в минимальной степени, но этого оказалось достаточно для конструктивного решения курдской проблемы. Мы фактически начали мирный процесс, который был очень скромным по масштабам, но достойным по своему предназначению. Появилась возможность создать обстановку мирного сосуществования и братства с соседними народами. Государственные органы уже должны были предпринять соответствующие шаги на пути к миру. Именно на этой стадии был осуществлен заговор 15 февраля 1998 г. Этот заговор, подготовка которого происходила не столько в Турции, сколько в странах Европы, США и Израиле, был направлен не столько против меня лично, сколько против структуры и

статуса лидера PKK, во имя которого подавляющее большинство курдского народа готово, не задумываясь, пойти на верную смерть. На практике организаторы заговора пытались представить свои планы как действия «против одного террориста», но совершенно ясно, что целью заговора были честные и преданные патриоты курдского народа, PKK и все ее сторонники. Таким образом, была спланирована ликвидация курдского освободительного движения, зачистка общества, и лично я должен был действовать в высшей степени внимательно, не допуская всплеска эмоций.

В этот период предельно конкретно были определены ценности и ориентиры курдского народа, дана объективная характеристика понятия братского единства. Всем курдским народом, всей нашей партией была хорошо усвоена и претворена в жизнь четкая идея справедливой самообороны. Эти шаги имели такой же серьезный смысл и характер, что и боевые действия. Причем мирная инициатива, как и война, замыкалась на роли личности. Как бы ни было тяжело, но мне удалось поддержать мирный процесс и его применение на практике. Следующие шаги должны исходить от властей Республики Турция и даже соседних государств. Процесс Еврокомиссии по правам человека, начатый в подобных условиях, не мог быть воспринят как заурядное дело, которое можно рассмотреть поверхностно. Непременным условием осознания сути дела было исследование всей европейской цивилизации. Объектом осуждения и актуализации являюсь не я лично, а весь курдский народ, который чуть ли не при попустительстве Европы оказался между жизнью и смертью. Пока не будет пролит свет на курдскую действительность в масштабе всех ее исторических и современных факторов, пока ей не будет дана объективная характеристика, ни процесс по моему делу, ни вынесение приговора не могут проходить в обстановке справедливости, и было бы серьезной ошибкой утверждать обратное. Более того, существовала опасность, что продолжение судебных действий в подобной обстановке превратилось бы в орудие продолжающегося заговора. Именно поэтому необходимо было пролить свет на курдскую действительность и курдскую проблему.

Несмотря на то, что мои исторические и социологические утверждения способствовали многим дискуссиям и спорам, я верю, что они могут пролить свет на мышление человека. Мне удалось развить некоторые тезисы, которые можно считать

первыми, имеющими отношение ко многим вопросам. В частности, ясно, что без объективного анализа тяжелых исторических перипетий XIX-XX вв., прошедших под клеймом ответственности европейских государств, невозможны ни объективный анализ, ни объективная оценка современности. Пусть и в общих чертах, но истины, обнаруженные в ходе анализа этого столетия, имеют преимущественный характер, и не вызывает сомнения то, что они могут послужить достойным вкладом в определение правильного военно-политического мировоззрения. Я уверен, что в плане характеристики освободительной воли курдского народа было бы полезно, если я хотя бы в общих чертах осуществил анализ деятельности ПКК. В Еврокомиссии рассматриваются тысячи дел, имеющих косвенное или прямое отношение к ПКК, и одно из них – процесс по моему делу. Вынесение справедливого решения и достижение правильных результатов требуют одинаково объективного изучения действительности, характерной как для курдского народа, так и для ПКК. Нельзя считать, что мое дело абстрагируется от ПКК и курдского народа, ибо это равносильно служению в качестве косвенного оружия в руках заговорщиков. Чтобы не дать повода для таких рассуждений, я рассмотрел в различных ракурсах все рассуждения, связанные с ПКК.

Необходимо, чтобы до рассмотрения моего дела и вынесения соответствующего решения или хотя бы параллельно этому Комиссия по правам человека подвергла научному анализу курдскую действительность и ПКК, а также вынесла решение с точки зрения европейской демократии и права. Тем самым суду удастся утвердить на более реальной демократической правовой почве отдельные индивидуальные иски, которые я считаю большим недостатком. Анализу европейской цивилизации я уделил внимание как с точки зрения изучения современного Среднего Востока, так и с целью раскрытия моих социалистических убеждений. На каком этапе истории цивилизаций находится Европа? Чем она обязана всему сообществу Среднего Востока и общей истории цивилизации? Каким глобальным изменениям она способствовала? Я постарался дать ответы на эти вопросы и в самом широком смысле, и на уровне определений. Без осознания фундаментальной морально-философской структуры Европы невозможно дать достойный ответ системе империалистического колониализма, которую Европа навязала всему миру. Более того, вместе с распадом

марксистского мышления, некогда способствовавшего развитию реального социализма, раскрылись многие недостатки и ошибки европейской цивилизации. Какие подходы должны быть применены к изучению европейской цивилизации сегодня, когда она воспринимается зачастую как демократически правовая эпоха? Разве достаточно догматического марксистского мышления? Что может дать миру антиглобализм, являющийся новой версией антиимпериалистического движения прошлого? Я постарался рассмотреть многие подобные вопросы, имеющие основополагающий характер. Если даже они не имеют прямого отношения к проблеме, для глубокого постижения истины мы просто обязаны взять на вооружение все эти понятия.

Я позитивно воспринимаю современную демократию, внесшую свою лепту в развитие Европы, как значительный этап исторического развития. Я не склонен рассматривать современную демократическую цивилизацию строго в рамках современного капиталистического общества, считая, что она – наследие общечеловеческой истории. Я верю, что демократическая цивилизация обладает позитивным потенциалом, позволяющим ей стать достойным ответом на тысячелетнюю борьбу трудящихся. Я хотел бы особенно подчеркнуть свою убежденность в том, что нельзя просто и обыденно относиться к решительному характеру развития трех фундаментальных критериев прав человека. Уверен, что, взяв за основу данные критерии прав человека, можно в высшей степени конструктивно подойти к решению конкретных проблем любой страны и на этой почве достичь наиболее целесообразного консенсуса. Хочу подчеркнуть, что не терпит отлагательства понятие «гражданское общество», называемое третьим сектором борьбы. И официальные государственные органы, и классическое феодальное или буржуазное общество продемонстрировали, что не только не в состоянии решить социальные проблемы, но и что они сами являются источниками их возникновения. Гражданское общество становится жизненно важным средством решения актуальных проблем, оставляя за собой право на самооборону. Упреки классических левых, касающиеся того, что общественные организации якобы являются «новым орудием империализма», я считаю безответственными и утверждаю, что левые сами льют воду на мельницу империализма.

Я решил подойти к понятию самообороны с более широкой точки зрения. После того как навязанная курдскому народу си-

туация «ни мира, ни войны» полностью обнаружила свой разлагающий характер, основной его задачей в случае отсутствия соответствующих шагов со стороны заинтересованных кругов, государственных органов и правительств станет переход к сильной как в количественном, так и качественном смысле, в высшей степени подготовленной системе самообороны, способной во имя сохранения жизни отразить любую агрессию. Это единственный для курдского народа путь спасения собственной чести и достоинства. Необходимое условие недопущения новых трагедий на современном этапе – четкое осознание всеми сторонами чудовищности ситуации и неуклонное следование своим обязанностям. Самым верным ответом на развитие европейской цивилизации в масштабе всего Среднего Востока было бы развитие собственной демократической системы. Новый ренессанс и демократизация Среднего Востока, основанные на принципах цивилизации, – единственное решение извечных проблем региона. Куцый национализм последнего столетия и, как плод этого, конфликт между израильтянами и палестинцами, привел к тому, что надо раз и навсегда отказаться от этого порока и повернуться лицом к демократическим ценностям. Проблемы уже вышли за рамки политического характера, превратившись в нравственный кризис. Я выражаю надежду на то, что Средний Восток, опираясь на свои культурно-исторические традиции, сможет сделать свой демократический выбор и, сформировав антитезис в ответ на односторонний тезис, распространенный европейской цивилизацией по всему миру, сможет внести свой вклад в формирование осмысленного общечеловеческого синтеза.

Общепризнанно, что европейская цивилизация находится на последней стадии своего развития. Предотвратить этот упадок попытались с помощью фашистской идеологии, но когда и это не увенчалось успехом, у Европы не осталось никакого выхода, кроме как перейти к демократической системе, открытой для поворота к мирному процессу. На сегодняшний день наблюдается не только распад системы реального социализма, но и то, что европейский капитализм подвергся таким изменениям, которые вывели его за рамки классического понимания капитализма.

Курдская проблема стала ключевым моментом в испытании, которое Турция должна выдержать перед современной цивилизацией. Или, выдержав это испытание, страна достигнет

уровня современной цивилизации, или же ей придется отказаться от этой мечты. Нелегко будет Турции сократить дистанцию, на которую она удалилась от перспектив, разработанных Ататюрком. Решение курдской проблемы в рамках взаимоотношений Турция – ЕС неизбежно, как бы тяжело это ни давалось. Решив свою внутреннюю проблему, Турция тем самым, не вступая в конфликт с Европой, нейтрализует все условия, способствующие кризису, что станет демократическим восходом ее истории. В этом и заключается исторический шанс Турции. История наиболее сильных держав, находящихся на стадии подъема, свидетельствует о том, что их территориальная целостность и государственный суверенитет основаны именно на этом.

В связи с процессом по моему делу Совет Европы, претворяющий в жизнь решения Европейского суда в соответствии с фундаментальным правовым документом, каковым является протокол Европейской конвенции по правам человека, должен способствовать осуществлению в Турции более ответственных и результативных шагов в плане демократических правовых изменений. Уверенные действия, связанные с кардинальным решением проблемы, ставшей гангреной на теле важнейшего исторического региона, каковым является Средний Восток, будут серьезным достижением для всех сторон и помогут избежать не только критической ситуации, но и бессмысленных потерь. В таком случае все стороны обретут шанс без потерь для кого-либо вернуться к некогда утраченным ими человеческим ценностям. Можно ли представить себе более ценное завоевание?

Наконец, повествуя в своей защитной речи о некоторых этапах моей личной жизни, я постарался пролить свет на проблемы, связанные со мной. Я хотел в какой-то степени ответить на адресованную мне критику как позитивную, так и негативную. Обо мне написано много статей и книг, моя личность остается предметом дискуссий и споров. Находясь на свободе, я с трудом успевал ответить на все адресованные мне вопросы, а в заточении еще труднее воспользоваться своим правом ответа. В этом смысле попытка в защитной речи представить единую платформу для ответов на многие вопросы будет полезной. Мне кажется, я подошел к этому творчески, и многие здесь, как в зеркале, увидят свое истинное лицо. Одной из многочисленных моих целей было показать любителям кривых

зеркал настоящее зеркало. В то же время, обращаясь ко всем, кто продолжает оставаться на дружеских позициях, я счел своей обязанностью искренне подчеркнуть, с какой действительностью они столкнулись. Что касается тех, кто придерживается позиций бессмысленной вражды, я старался откровенно объяснить, кто я такой, что сделал, что могу сделать и к каким последствиям могут привести связанные со мной процессы. Думаю, что все, будь то власти или отдельные личности, смогут добиться полезных результатов, если проявят честный подход к связанной со мной реальной действительности.

В своей защитной речи, я, безусловно, постарался рассмотреть различные проблемы, используя несколько иную методику, нежели было принято до сих пор. Откровенно и ответственно я попытался изложить свои взгляды на такие вопросы, как реальное состояние и перспективы организации, народа и человеческих ценностей. Я уделил должное внимание мнению заинтересованных сторон, подчеркнув их роль в реальных процессах, и не сделать этого я не мог. Своей защитной речью я хотел сказать те слова, которые так и не были сказаны тысячами безымянных героев, павших смертью храбрых. Я высказался за тех, кто не смог произнести свои последние слова. Мне хотелось отразить реальную действительность и эмоциональный уклад народа, лишенного права на свободу самовыражения. Невозможно точно определить, кто, когда и откуда нанес удар самому древнему народу, более всех испытывшему на себе горечь предательства. Я постарался раскрыть истинную суть и защитить ПКК, ряды которой насчитывают тысячи и тысячи героев, отдавших свои жизни в борьбе за свободу народа, и которая больше всех остальных организаций подвергалась предательству как изнутри, так и извне.

Я полностью раскрыл для себя механизм заговора, жертвой которого я оказался. И в этом ракурсе моя защитная речь стала первой попыткой дать ответ всем тем, для кого заговор стал не только орудием достижения преимущества, но и обыденным занятием. При этом речь идет не обо мне лично как объекте заговора, а обо всем человечестве. Я стараюсь не задумываться о мести, и неотъемлемой частью моей природы является стремление к миру. Я готов превратить в друзей даже своих врагов, если для этого существует хотя бы один шанс из тысячи. Но мне бы хотелось при появлении подходящей возможности и при условии, что я сочту это необходимым, проде-

монстрировать всему человечеству суть героических акций и бойцовского духа, чтобы они увидели, какой может стать месть.

Победа будет за свободным человечеством! Политика заговоров, насилия и лжи неминуемо потерпит крах!

Источник: Оджалан А. От шумерского государства жрецов к демократической цивилизации. Том II. М., 2003.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Amnesty International, Turkey. A Time for Action, London, February 1994.
2. Amnesty International. Turkey: A Policy of Denial. London, February 1995.
3. Committee of foreign relations. US Congress. East or West? Turkey checks its compass. A minority staff report. 1995.
4. Council of Europe Parliamentary Assembly, ADOC7112, June 28, 1994.
5. Helsinki Watch. Broken Promises: Torture and Killings Continue in Turkey; NY, December 1992.
6. Human Rights Watch, World Report 1994. New York, December 1994.
7. Human Rights Watch, Helsinki. Turkey: Forced Displacement of Ethnic Kurds from Southeastern Turkey. New York, October 1994.
8. International Human Rights Law Group. Turkey Launches Legal Attack on Kurds. Docket, 1994, vol. 9, № 1 (June).
9. KUK. Birinci konferans kararlan. 1981.
10. KUK 1. Konferansi politik raporu. 1983.
11. Kürdistan Öncü Partisi Programi. 1984.
12. PKK, 5. Kongre kararları (Самиздат) 1995.
13. Report of a Human Rights Declaration of the Kurdish region of Turkey.
14. Report of the Committee on the Human Rights of Parliamentarians: Turkey, CL/156/1 I(a) – R. 3, April 1995.
15. Report of the Law Group Delegation to Turkey on the Detention of Parliamentarians and the Proceedings to Ban the Democracy Party (DEP) International Human Rights Law Group. Criminalizing Parliamentary Speech in Turkey. Washington, May 1994.
16. Türkiye anayasaları metinleri. Ankara, 1982.
17. Türkiye Birleşik Kommunist partisi program tasarisi. Dusseldorf, 1987.
18. TİP dosyası. Ankara. 1973.
19. TKSP, Kürdistan Halkına, 1980.

20. UK Parliamentary Human Rights Group. Desolated and profaned. A report by the, London, October 1992.
21. UNHCR, Background Paper on Turkish Asylum Seekers. Centre for Documentation on Refugees, September 1994 (UNHCR/CDR – RefWorld Databases).
22. U.S. Department of State, Country Reports on Human Rights Practices for 1993 Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1994.
23. USIA Wireless File, 12.04. 1995.
24. Вертяев К.В. К истории курдского вопроса в Турции // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М., 2004.
25. Гасратян М.А. (ред.) Курдское движение в Турции в новое и новейшее время. М., 1987.
26. Гасратян М.А. Курды в Турции в новейшее время. М., 1990.
27. Гасратян М.А. Легализация оппозиции // Азия и Африка сегодня. М., 1998, № 2.
28. Данилов В.И. Турция 80-х: от военного режима до «ограниченной демократии». М., 1991.
29. Данилов В.И. Реальность как фактор государственной политики // Азия и Африка сегодня. М., 1998, № 2.
30. Дасни Ю.Р. Курдский вопрос в региональной и мировой политике. М., 1998.
31. Исаев. А.А. Социально-экономическое и социально-политическое развитие Турецкого Курдистана в 70–80 годы. М., 1989.
32. История Курдистана. М., 1999.
33. Йессе Э. Позиция по отношению к терроризму // Актуальные проблемы Европы. М., 1997, № 4.
34. Кант И. О поговорке «Может быть, это верно в теории, но не годится на практике». Соч. в 6 т. М., 1965. Т. 4 (2).
35. Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М. 1971.
36. Лазарев М.С. Курдистан в геополитическом аспекте // Восток, 1998, № 6.
37. Мамоян М. Политические и общественные организации курдов-эмигрантов // Актуальные проблемы стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1988, № 4.1.
38. Нации и национализм. М., 2002.
39. Никитин В. Курды. М., 1964.
40. Оджалан А. Социализм и проблемы революции. М., 1995.

41. Современный Курдистан. М., 1995.
42. Турецкая республика. Справочник. М., 1990.
43. Француа О. Перерождающиеся партизанские формирования, здесь и сейчас // Актуальные проблемы Европы. Проблема терроризма. М., 1997, № 4.
44. Хамзин К.З. Конфликты вокруг водных ресурсов на Ближнем Востоке // Актуальные проблемы Ближнего Востока. М., 1998.
45. 101 soruda Türkiye'nin kürt boyudu. İst., 1982.
46. Beşikçi İ. Devletlerarası somurge Kurdistan. A., 1997.
47. Van Bruinessen M. Agha, Shaikh and State. Utrecht, 1988.
48. Buloch J. and Morris H., 1992 – J. Buloch and H. Morris. No friends but the mountains: the tragic history of the Kurds. London, 1992.
49. Burkay K. The kurdish question, its history and present situation. б.г, б.с.
50. Demirel. E Terör. I. 2002.
51. Fırat Ş.M.. Doğu illeri ve Varto Tarihi. Ank., 1993.
52. Fuller G.E. 'Turkey's New Eastern Orientation' in Turkey's New Geopolitics: From the Balkans to Western China. Westview press. 1993.
- 52a. Çakır R. Türkiye'nin Kürt Sorunu. İst., 2004.
53. İnan A. Medeni Bilgiler ve M.K. Atatürk'ün El Yazmaları. Ankara, 1988.
54. Izady M. The Kurds, NY., 1990.
55. Gunter M. Kurds in Turkey: a political dilemma. NY., 1990.
56. Kreyenbroek-Sperl. Kürtler. Güncel bir araştırma. London, 1994.
57. Kurds and Kurdistan. Thinking is a crime. Bonn, 1995.
58. Kuchera K. Mad Dreams Of Independence. The Kurds Of Turkey and the PKK. Middle East Report. July-August 1994.
59. Kutlay N. Kürtler. İst., 2002.
60. McDonald. D. The Kurds: a nation divided. London, 1992.
61. Minority Rights Group. The Kurds. London, 1991.
62. Muller. M. Censorship and the Rule of Law in Turkey; The Bar Human Rights Committee. London, December 1993.
63. Mutlu S. Population of Turkey by ethnic groups and provinces. New perspectives on Turkey. 12 Spring 1995.

64. Olson R. Kürt milliyetçiliğinin kaynakları ve Şeyh Sait isyanı. Ankara, 1992.
65. Ölmez A. Türkiye siyasetinde DEP depremi. Ankara, 1995.
66. Önder A.T. Türkiye'nin Etnik Yapısı. İst., 2002.
67. Robins P. The Overlord State: Turkish Policy and the Kurdish Issue. International Affairs. 1993, Vol. 69, № 4.
68. Seyfi C. Dynamics of the Kurdish and Kirmanc-Zaza Problems in Anatolia. Australia. 1996.
69. Sunar I. State and Society in the politics of Turkey's development. İstanbul, 1983.
70. Şimşek H. Geçmişten Günümüze kadar Bingöl ve Doğu Anadolu ayaklanmaları. A., 2001.
71. Whitman L. Turkey: Censorship by Assassination Continues; Helsinki Watch, New York, February 1994.
72. Wyllie J. Turkish Objectives in Northern Iraq. Jane's Intelligence Review, July 1995, Vol 7, № 7.
73. Yalçın – Heckmann L. On kinship, tribalism and ethnicity in Eastern Turkey. Ethnic groups in Turkey. Weisbaden. 1989.
74. Yıldırım.H. Kürdistan halkının dirilis mücadelesi. Diyarbakır, 1985.
75. Yıllık İnsan Hakları Derneği. Ankara, 1995.
76. Компас. ИТАР-ТАСС.
77. Новый Курдистан.
78. Московские новости.
79. Независимая газета.
80. Aktüel.
81. Al-Akhram.
82. Armanc.
83. BBC World Service Radio.
84. Berxwedan.
85. La Croix.
86. Cumhuriyet.
87. Diyarbakır Söz.
88. Espresso.
89. Financial Times.
90. Foreign Broadcast Information Service.
91. The Guardian.
92. Gulf newsletter.
93. Hürriyet.
94. Independent (London).

95. İnsan Hakları Derneği.
96. International Herald Tribune.
97. International Herald Tribune (Paris).
98. Kurdish News.
99. Kurdistan focus.
100. Kurdistan News.
101. Kurdistan Observer.
102. Kurdistan Report.
103. Kurdistanla Marksist.
104. Middle East Contemporary Survey.
105. Middle East International.
106. Middle East Report.
107. Middle East review.
108. Milliyet.
109. Monde.
110. Monde Diplomatique.
111. Newsweek.
112. New York Review of Books.
113. New York Times.
114. Özgür politika.
115. Panorama.
116. Para.
117. Repubblica.
118. Resmi Gazete.
119. Sabah.
120. Serxwebun.
121. Temps.
122. Tercüman.
123. The Times.
124. Turkish Daily News.
125. Turkey Confidential.
126. Turkey Briefing.
127. Türkiye.
128. Wall street Journal.
129. Washington post.
130. Yeni Asır.
131. Yeni Sayfa.
132. Yeni Ülke.
133. Zaman.
134. www.geocities.com/CapitolHill/Lobby/3575
Kurds and The political Life of Turkey. Berk Balcik.

135. www.dpt.org.tr
136. www.kurd.org/kurd/updates/
Update to state affairs of Turkey № 70. August, 1 1997.
137. www.kurdistan.org
PKK 5th Party Congress Resolution On The Function of Internationalism.
138. www.kurdistan.org/Articles
Eric Averby. Turkey's Kurdish Policy in the Nineties.
139. www.kurdlibrary.com/politics.html
Turkish Democracy Foundation, Human Rights, Democracy, Terrorism in Turkey. Ankara Turkish Democracy Foundation, 1995.
140. www.pdk-bakur.com

SUMMARY

K.V. Vertyaev's monograph "The Kurdish Issue in Turkish policy (the late XX – early XXI cc)" analyzes the role and the place of Kurdish question and Kurds in the socio-political setup and political culture of Turkey in the last decade of XX century. In the first chapter he studies the historical background of political aspects of Kurdish question in Turkey. The author also deals with the influence of Kemalist ideology upon the principles of national consolidation and nation building process. In the next chapter the author discusses the first attempts to create Kurdish political organizations in Turkey emphasizing their specific characters and radical political programs. The search of political identity by Kurds in Turkey and the role of Kurdish organizations in the ethnic neighbourhood after the military coup in 1980 is the subject of study in the third chapter. The author emphasizes the role of president T. Özal in political institutionalization of the first legal Kurdish parties. In Chapter 4 the author studies changes in the relations of the government with radical Kurdish groups after Özal's death and reveals difficulties in search of political identity by Kurds in Turkey. From the late history to the present day the author throws light on changes that are steadily taking place in Turkey concerning liberalization in inter-group relation, makes detailed analysis of the current events in Turkey and emphasizes importance of external factors such as operation in Iraq and presence of foreign powers in the region.